

Т Р У Д Ы
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО
ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
Л Ю Б И Т Е Л Е Й
РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Miser sum miserisque succurrere disco.

1822 ГОДЪ.

ЧАСТЬ XIX.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

**Въ Типографіи Императорскаго Воспи-
тательнаго Дома, 1822 года.**

Sm 9783/13a

1822, кн. 1-3

Печашашъ позволяешся

съ шѣмъ, что бы, по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки, одинъ для Императорской Академіи Наукъ и одинъ для Сankшпенбургской Духовной Академіи. Сankшпенбургъ, Іюля 1 дня, 1822 года.

*Цен. Ст. Сов. и Кав.
Алекс. Бирюковъ.*

53417

Н А У К И.

О

ГРАЖДАНСТВЪ ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНЪ (*).

Во время всеобщаго смятенія Европы и Азіи въ среднихъ вѣкахъ, разные

(*) Г. Раковецкій, котораго имя сдѣлалось извѣстнымъ и въ нашей словесности, по случаю полученной имъ въ награду медали отъ И. Рос. Академіи за предпринятой имъ трудъ издашь *Правду Рускую* (уже допечатываемую въ 2-хъ часпяхъ въ 4-ть д. въ Варшавѣ) съ переводомъ на Польскій языкъ и съ своими замѣчаніями, въ 1820 г. 3 Мая, въ засѣданіи Королевскаго Варшавскаго Общества Любичасль XIX. Кн. I.

древніе народы принуждены были, оставляя опечесивенныя свои жилища, или подвергаясь чуждому игу, перяшь и памяшь о своей самобытности. Тогда только Римъ и Конспаннинополь могли сохранить ученія шворенія Грековъ и Римлянъ, предавшіе потомству памятники степени просвѣщенія ихъ. Когда же на развалинахъ бывшихъ царствъ и странъ опустошенныхъ возспали новые народы; когда начали ушихать бури жестокости и звѣрства, а духъ спокойствія опять водворялся въ Европѣ: тогда возчувствована была и нужда наукъ. Новые разныхъ поколѣній народы искали сего свѣшила въ книгахъ и языкѣ древнихъ Грековъ и

шелей Наукъ, при вступленіи своемъ въ качествѣ члена онаго Общества, чиналь *Разсужденіе о гражданскоѣ состояніи древнихъ Славянъ*, напечатанное въ 14-й книгѣ Трудовъ того жъ Общества. Сокращенный мною переводъ онаго, кажется, заслужилъ вниманіе и нашихъ соотечей по занимаемости сего предмета. *Примѣт. Перев.*

Римлянъ. Славяне искали онаго въ помѣ же источникъ. Подобно другимъ народамъ, и они, обращая менѣ вниманія на нравы, обычаи, степень просвѣщенія и на языкъ предковъ своихъ, невольно дѣлались почишателями дѣяній оныхъ наставниковъ своихъ, а шѣмъ паче, находя въ оставшихся твореніяхъ ихъ нѣкоторыя черты образа своего, различно, яко рукою чуждою, напечатлѣнные. Но скромная испина, чѣмъ позднѣе узнаемъ ее, шѣмъ въ блишательнѣйшемъ являея видѣ. Судьба не позволила предкамъ нашимъ оставиши намъ въ наслѣдство ученыхъ книгъ и твореній: но они оставили гораздо прочнѣйшіе памятники величія и славы, ш. е. неизмѣнившіея въ печеніи вѣковъ свойственностъ духа, нравы, обычаи, и весьма обильный и усовершенствованный языкъ. Сихъ швердыхъ памятниковъ не могли сокрушиши ни время, ни жестокія усилія враговъ. Сравнивая ихъ со свѣденіями, каковыя сохранила намъ исторія о предкахъ нашихъ легко узнаемъ гражданское состояніе ихъ, нравы, обычаи, законы и основныя

правила языческаго, которое составляло душу гражданскаго ихъ союза, и было духомъ ихъ правленія, законовъ и языка.

Древніе, а многіе и изъ новѣйшихъ писателей, по разнымъ предразсудкамъ, обыкновенно приписывали древнимъ Славянамъ дикость, непросвѣщенность и невѣжество: но, при всемъ томъ, не могли зашишь истину, согласно утверждающъ, что Славяне, прежде и нынѣ извѣстные подъ разными названіями, съ незапамятныхъ временъ вели общественную жизнь, не кочевали, подобно ордамъ, но обитали въ селахъ и городахъ, въ которыхъ были украшенные храмы боговъ ихъ; занимались земледѣіемъ, скотоводствомъ, горнымъ дѣломъ, ремеслами и шоргами; были промышленны и трудолюбивы, милосерды къ ближнему и чрезвычайно гостеприимны; любили домашнее спокойствіе, дружескія бесѣды и музыку. Они, занимая большую часть Европы и Азіи, управлялись міромъ, раздѣляясь на большія или меньшія общества подъ начальствомъ *старшинъ* и проч., которые вообще избираемы были въ сіи достоин-

ства вольными голосами. — Сии главные начальники, или правители народа оуправляли дѣла, касающіяся до общественаго блага, въ народныхъ собраніяхъ, въ дворахъ или мѣстахъ своего пребыванія, но гораздо чаще въ нарочныхъ для сего храмахъ, изъ коихъ одни назывались *континами*, а другіе *градинами*, *градами*, *городами*. Таковыхъ градовъ не могло еще испребишь время. Слѣды ихъ оспались или на высокихъ горахъ, или на просторныхъ долинахъ, обыкновенно при рощахъ и водахъ; они имѣють видъ огромныхъ валовъ изъ земли, или камней, высоко намешанныхъ, на подобіе окоповъ, или укрѣпленій. Князь Александръ *Сандга* описалъ шакія *градины* въ путешествіи своемъ по Славенскимъ обласнямъ (изд. 1811, въ 8). Зоріанъ *Ходаковскій* (*)

(*) Членъ нашего Общества, путешествующій по Россіи на счель Правительсва для историческихъ изслѣдованій. *Примѣч. Перев.*

замѣшилъ, что городища (*) чрезъ каждыя 4 мили населенныхъ мѣстъ вспрѣчаются вездѣ на Славенской землѣ, и были дѣланы близъ городовъ. (См. Вѣсп.

(*) Я самъ видѣлъ многіе шакковыя памятники нашей древности, находящіяся въ Плоцкомъ Воеводствѣ, копорые шамъ вообще называютъ Шведскими окопами; но это не согласно съ существомъ сего предмета. Видъ сихъ городищъ и мѣстоположеніе, также взаимное между ними расположеніе, болѣе согласны съ описаніями г. Ходаковского. Средина, или внутренность сихъ окоповъ слишкомъ мала для вмѣщенія войска, нужнаго къ оборонѣ мѣста. Шведы не имѣли надобности, времени, а даже и силъ, чтобы сдѣлать сіи огромныя и столь частыя насыпи и валы, а, можетъ быть, на походѣ своемъ, пользовался только гоповыми и опъ того сообщили имъ свое имя. Въ сихъ окопахъ вообще съ южной стороны находящаяся слома земля, камни и уголья, между коими часто вспрѣчаются урны, оружіе и разные домашніе сосуды, копорые нѣкогда опишу особенно. *Примѣт. Перев.*

Европ. 1819 г. N 20.). Въ сихъ городкахъ, или городищахъ бывали всякія богослужбныя и народныя собранія, копорія, подъ предсѣданіемъ своихъ начальниковъ и жрецовъ, отправляли шоржеспвенно общія дѣла. Одни изъ сихъ собраній назывались *снелами*, *сеймами*, *сѣелами* или *сонлами*, а другія *ветами*, *вегами*, *вѣгами*. Соошвѣственно разспоянію помянутыхъ *континѣ* и *градовѣ* спашиспически раздѣлялись Славенскія обласпи. Слѣды шаковаго раздѣленія оспались въ испоріи и языкѣ предковъ нашихъ. Новгородъ съ волосшію своею раздѣлялся на 5 *концовѣ*, въ коихъ учреждены были суды, названные *конами*. Названія *ерода*, *еродства*, также *земствѣ* и *повѣтовѣ* (въ Польскихъ обласпяхъ) произошли опъ шогожъ испочника.

Такимъ образомъ учрежденные народныя общеспва сохрѣняли межъ собою шѣспный полиспическій союзъ, сильно поддерживаемый нѣкошорыми знатнѣйшими храмами. Тамъ собирались Славяне для испрошенія помощи боговъ. Туда спекались они, гонимые опъ враговъ, прино-

силь жалобы своимъ единоплеменникамъ, заклиная ихъ быль мспилелами за вѣру и опечесшво. Тамъ жрецы обязывали ихъ своими прорицаніями къ единодушнымъ подвигамъ для своей и общей пользы (Исп. Гос. Рос. Карамз. I. 73. I. изд.). Такое гражданское и политическое соспояніе Славенскихъ народовъ не могло быль пвореніемъ невѣжества и дикоспи, разрушающихъ общесшвенную связь и мяпущихъ внушрреннюю шишину, которыя могутъ ушвердисья только просвѣщеннымъ и добродѣшельнымъ единодушіемъ. Словомъ, шакое соспояніе долженсшвовало быль дѣломъ народа, уже пріобрѣвшаго высшія понятия. Начало образования ума челошвческаго есшь познание законовъ Всевышняго Творца и попеченіе объ исполненіи оныхъ. Во время всеобщаго язычесшва, изъ числа разныхъ народовъ, Славяне наиболѣе сближались къ познанию предвѣчныхъ оныхъ законовъ, какъ увѣряютъ насъ правила ихъ язычесшва и ихъ миеологіи. Они вѣрили безсмертію души и признавали наказаніе и награжденіе въ грядущей жиз-

ни, исповѣдывали шокмо единое Высочайшее Существо, копорому не смѣли созидашь храмовъ, разсуждая, что смершныя должны прибѣгать не прямо къ нему, но сперва къ нижнимъ богамъ, копорые помогають каждому, отверзающему хранину свою госпю, насыщающему голоднаго, чеспному въ мирѣ, храброму на войнѣ. Сии боги означали у Славянъ нѣкопорыя свойсшва Всевышняго Божества, какое они могли себѣ воображать, и относящіяся къ сохраненію общественнаго союза . . . *Перунъ*, или *Перкунъ* . . . *Бѣлбогъ* . . . *Чернобогъ* . . . *Свѣтовидъ* . . . *Радегастъ* . . . *Прове*, или *Праве* . . . *Ладо* . . . *Жива* . . . *Погода* . . . *Весна* . . . *Морана* . . . и многія другія, описанныя въ разныхъ швореніяхъ, и сохраненныя въ народныхъ преданіяхъ, . . . самими названіями своими, означающими свойсшва ихъ, опличающія отъ звѣрскихъ божествъ славившихся своимъ просвѣщеніемъ Грековъ и Римлянъ, копорыхъ *Сатурнъ* пожираеть своихъ дѣтей и проч., и о копорыхъ Римскій поэтъ воскликнулъ: *tantae ne animis coelestibus irae?* . . .

Небеснымъ ли душамъ пылашь поликимъ гнѣвомъ? . . . Равномѣрно и между богослужебными обрядами Славянъ не находимъ подобныхъ Вакханаліямъ, Луперкаліямъ и пр. . . . У нихъ всѣ шаковые обряды и шоржества состояли въ благодареніяхъ Высочайшему Промыслу за низпосланные дары, или въ ушверженіи общеспвеннаго союза, взаимнаго согласія и брашской любви. — Въ праздникъ жапы приносимы были жертвы *Свѣтовиду*. . . При концѣ мѣсяца Іюня, возжигаемые огни въ честь *Купала* предвозвѣщали наступающій зной . . . Во время праздника *Коляды* обсылались взаимными дарами въ залогъ, чшобъ впредь жить *ладно и годно*, или гоже, опъ {чего сей праздникъ нѣкоторыя Славяне называли: *Годы*.

Кромѣ жрецовъ, для ушверженія духа и нравовъ народныхъ такими понятіями, богослуженіемъ народу внушаемыми, Славяне имѣли Бардовъ, копорые, пѣснословя подвиги и дѣянія своего народа, управляли его мнѣніемъ и предпріяшями.

Они весьма уважались. Искусство владѣть сердцами и умами почиталось особеннымъ даромъ боговъ, какъ видимъ въ сохранившихся опривкахъ древнихъ пѣснопѣвнй. Въ пѣсни о Полку (походѣ на Половцовъ) Князя Игоря упоминается *вѣщій Боянъ, Соловей своего времени, внукъ Велеса, скотья бога*. . . Въ древнихъ пѣсняхъ Богемскихъ, найденныхъ г. Ганкомъ и изданныхъ въ свѣтъ, подъ названіемъ *Кралодворской Рѣкописи* (*), упомянутъ *Люмиръ, словами и пѣніемъ восхитавшій Вышеградъ и всѣ области* . . . Можешь быть, время откроешь нѣкогда пѣсни ихъ, донинѣ неизвѣстныя . . . — Въ сохранившихся опривкахъ древней Славянской поэзіи обрѣщаемъ изящныя мысли, живыя каршины и чрезвычайную силу языка. Въ Прагскомъ музеѣ (въ Богеміи) сохранены опривки пѣсней, сочиненныхъ еще при Королевѣ Либусѣ, изъ коихъ одна въ списокѣ сообщена г. Юнгманномъ г-ну Маліевскому (Члену Варшавскаго Общества Люб. Наукъ). Въ ней

(*) См. Извѣстія Рос. Акад. Кн. VIII. 46. . .

между прочимъ одинъ изъ пословъ сонма, собраннаго для разобранія спора между братьями Кленовигами *Хрудосомъ* и *Стаглавомъ* о владѣннн, говоришь: не хвально намъ въ Нѣмцехъ искаши правду; „у насъ правда по закону свяшу, юже иринесеху опцы наши, „... Нѣкоторыя изъ пѣсней Королевской Рукописи сушь шакже шворенія древнихъ временъ на пр. битва между *Забомъ*, *Славомъ* и *Людекомъ*... Въ ней-шо упоминаешся о Люмирь и находится изящная мысль, что добраго пѣвца любяшь боги, и что пѣснь его — ихъ вдохновеніе.

Внимательнѣе вникая въ гражданское соспояннє древнихъ Славянъ, мы видимъ, въ прошивность непріязненнымъ имъ писапелямъ, явные слѣды, что предки наши имѣли писанные законы и священныя книги, содержащія заповѣди боговъ, правила богослуженія, опправленія общественныхъ дѣлъ въ народныхъ сонмахъ и проч. Опрывокъ Прагскій ясно говоришь о *дскахъ праводатныхъ*, о *законахъ вѣкожизныхъ боговъ*, о *правахъ святаго закона*. . . Все оное гражданское

и полипическое соспояніе, вѣра, пѣсни народныя, сильно ушвердили духъ, нравы, обычаи и древній предковъ нашихъ языкъ, посредствомъ коего весь сей огромный народъ облегчалъ какъ внушреннія между собою дружескія сношенія, такъ и дѣла, относящіяся къ общеспвеннымъ дѣяніямъ и вѣрѣ. Сей очень сильный, обильный и величеспвенный языкъ, способный къ изображенію всякихъ дѣяній и понятій человѣческихъ, хопя долгою времени и разными, прямое и косвенное вліяніе имѣвшими на него, обспояшельспвами раздѣлился на извѣспныя нынѣ нарѣчія (діалекты), но сіи сохранили черпы своего первообразнаго произхожденія, и вообще сушь доспненіями одно другому.

И такъ попомки древнихъ Славянъ, наслѣдовавъ отъ приснопамяшныхъ предковъ своихъ нравы, обычаи, законы и сокровища обильнаго и усовершенспвованнаго языка, весьма богашы всѣмъ шѣмъ, что только, при пособіи нынѣ чиспѣйшихъ основаній хриспianспва, можешъ возвеспи ихъ къ высочайшему предназ-

наченію. Но вмѣстѣ съ симъ драгоцѣн-
нымъ доспояннємъ воспріали они на себя
великую обязанносць преимущесшво-
вашь доблестями своими посреди про-
чихъ племянъ. Тогда — ни время, ни
чрезвычайныя приключенія, ни жестпо-
кія усилія враговъ не возмогущь истре-
бишь племяни Славянъ, которое, уже пе-
реживъ вѣки люпоспи и дикаго звѣрства,
а припомъ горѣспнѣйшія перемѣны жре-
бія, дожило наконецъ, въ продолженіе бы-
тія своего, благоденспвеннѣйшей годи-
ны подъ великою и милоспивою рукою
АЛЕКСАНДРА I.

В. Анастасевичъ.

К Р И Т И К А.

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ:

МУЗА (*) и КЪ УЕДИНЕННОЙ КРАСАВИЦЪ (**).

Антологическая поэзія составляетъ прекраснѣйшую часть поэзіи Эпиграмматической, принимаемой въ шомъ значеніи, какое давали ей Древніе. „У нихъ (по словамъ Издашелей драгоценной на нашемъ языкѣ книжки: *О Греческой Антологіи*) каждая небольшая піеса, размѣромъ элегическимъ писанная, ш. е. экзаметрѡмъ и пеншаметромъ, называлась эпиграм-

(*) Въ N. 23 Сына Отечества 1821 г.

(**) Въ N II Благонамѣреннаго 1820 г.

мою. Ей все служишь предметомъ: она, по поучаешь, по шутишь, и почти всегда дышешь любовію. Часомъ, она ни что иное, какъ мгновенная мысль, или быстрое чувство, рожденное красотою природы, или памятниками художества. Иногда Греческая эпиграмма полна и совершенна: иногда небрежна и некончена... какъ звукъ, въ дали исчезающій. Она почти никогда не заключаешь разительною, острою мыслию, и, чѣмъ древнѣе, тѣмъ проще. Эпосъ родъ поэзіи украшалъ и пиры и гробницы. Напоминая о ничтожности мимолетной жизни, эпиграмма твердила: смертный, лови мигъ улетающій! Рѣзвилась съ Лайсою — и, улыбаясь крошко и незлобно, слегка уязвляла невѣжество и глупость. Испинный Проней, она принимаетъ всѣ виды.“

Но между всѣми Эпиграмматическими стихотвореніями только тѣ должно включатьъ въ разрядъ Антилогическихъ, копорья опличаются прелестію мысли, вѣжностію чувства и совершеннѣйшею опдѣлкою стиховъ. Въ эпосѣ смыслѣ многіе писатели, выбрали лучшія мѣста

изъ древнихъ поэповъ и прозаиковъ, называли ихъ Аншологією, ш. е. *собраніемъ цвѣтовъ*.

Въ произведеніяхъ словесности каждаго народа Аншологическія спихопворенія должны особенное обращать на себя вниманіе мыслящей Критики. „Если все (какъ замѣчено въ упомянушой нами книжкѣ), что означаетъ нравственное бытіе народа, имѣетъ право на наше любопытство: то Аншологія должна почищаться драгоценнѣйшимъ памяникомъ. Посредствомъ Аншологіи мы станемъ современниками Древнихъ; мы раздѣляемъ ихъ спрасши; мы открываемъ даже слѣды шѣхъ быстрыхъ, мгновенныхъ впечатлѣній, которыя, какъ слѣды на песокѣ въ развалинахъ Геркуланума, заставляють насъ забывать, что двѣ тысячи лѣтъ опдѣляють насъ отъ Древнихъ. Посредствомъ Аншологіи участвуемъ въ празднествахъ, въ играхъ, слѣдуемъ за гражданами на площадь, въ театръ, во внутренность домовъ: однимъ словомъ, мы съ ними дышемъ, живемъ.

Самая глубокая ученость едва ли мо-

*

жесть составить изъ оспашковъ Греціи слабое изображеніе гражданской жизни Древнихъ. Здѣсь открывается намъ богатая и блистательная картина, представляющая въ цвѣтѣ жизни, въ полной юности, сей чудесной народъ, котораго благошворная природа надѣлила всѣми совершенствами ума, всѣми прелестями красоты и вкуса “

Такимъ образомъ Антропологическія спихотворенія, какъ неподдѣльный языкъ чувствованій, свидѣтельствующихъ о нравахъ, направленіи мыслей и другихъ безчисленныхъ опгѣнкахъ гражданственности народа, могутъ самымъ пріятнымъ образомъ занимать любопытство наблюдательнаго ума и жаднаго къ лучшимъ удовольствіямъ вкуса. Какъ уцѣлѣвшіе отъ разрушительной руки времени памятники, они вѣрнѣе сказаній исторіи изображаютъ намъ характеръ, собственно называемаго, народа, часто смѣшиваемый съ характеромъ лицъ, только случайно приводившихъ въ движеніе эполъ народъ. Какъ послѣдняя степень совершенства языка, куда вкусъ не до-

пускалъ ничего принужденнаго, изысканнаго и слабаго, они дають намъ почное поняшiе, какiя самыя прiятнѣйшiя формы получають могъ сей языкъ.

Часто Критика, по какому-шо спрранному предубѣжденiю, пропускаеть безъ вниманiя, такъ называемыя, мѣлкiя спихворенiя. Она даже считаеть ихъ пустою игрушкою поэшического таланта, подобно невѣжеспвеннымъ книгопродавцамъ, кошорые по вѣсу бумаги оцѣнивають покупаемыя ими сочиненiя.

Мы осмѣливаемся думаеть, что совершенливо надобно оцѣнивать не по его объему, но по внутреннему достоинству. Въ глазахъ истиннаго художника легкой абрисъ человѣческой фигуры и большая картина Рафаэля равно драгоценны. Онъ съ наслажденiемъ сморитъ на генiальное произведенiе — и вкусъ его не чувствуеть потребности въ томъ, чтобы первая фигура сдѣлалась полнѣе. Вкусъ, ш. е. умъ, воображенiе и чувствительность, одного ищеть: все ли выполнилъ талантъ, что хотѣлъ сдѣлать, и на томъ ли онъ остановился, что есть прекра-

снѣйшаго въ избранномъ имъ предметѣ?

Слрранно было бы ушверждашь, что для сочиненія прекрасной Поэмы и Аншологическаго сшихшворенія пошребно равное усиліе генія. Разность видима: одна шребуешь обширнаго взгляда на предметъ, безчисленныхъ соображеній, продолжительнаго шруда и рѣдкаго шерпѣнія, другое минутнаго вдохновенія и счастливаго приема: но ни шо, ни другое не будетъ совершеннымъ, если за нихъ примешся не геній. *Отвага, ривлы, жарѣ* — какъ сказала прекрасно Саширикъ — зашась пустшой, и сочиненіе

Пусть громко, высоко . . . а нѣшь, не
веселишь,
И сердца, шакъ сказала ни чушь не шевелишь!

Слѣдовашельно, въ общемъ отношеніи, большія и малыя сочиненія, ознаменованныя силою генія, равны; потому что они показывающъ его жизнь и дѣяшельность. Послѣ Анакреона, Кашулла и Марціала много прошло времени: однакожь ихъ имена и сочиненія ихъ, наравнѣ съ

сочиненіями Омера и Виргилія, до насъ дошли, а сколько Мевіевъ и Гавіевъ забыло!

Судя по сему, мы надѣемся, что читатели наши не удивятся, по чему намъ вздумалось обратишь ихъ вниманіе на Аншологическія спихопворенія, копорыя тяжелая кипа новыхъ Журналовъ силипся задавишь, а спорныя Крипики о *тяжелыхъ* прудахъ думаютъ привести ихъ въ забвеніе. Посмотримъ каждое изъ нихъ порознь.

М У З А.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
 И семисвольную цѣвницу мнѣ вручила,
 Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
 По звонкимъ скважинамъ пустаго просипника
 Уже наигрывалъ я слабыми перспами,
 И гимны важныя, внушенныя богами,
 И пѣсни мирныя Фригійскихъ паспуховъ.
 Съ утра до вечера, въ вѣмой штѣни дубовъ,
 Прилѣжно я внимала урокамъ дѣвы шайной—
 И, радуя меня наградою случайной,
 Откинувъ локоны оупъ милаго чела,
 Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
 Тростникъ былъ оживленъ божешивеннымъ
 Дѣханьемъ,
 И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

Каждый почти поэтъ писалъ что
 нибудь въ честь своей Музы и старался
 изобразить первыя чувствованія поэти-
 ческой своей жизни. Такъ, на примѣръ,
 Муравьевъ обращается съ своей *Музъ*:

„И мнѣ съ младенчества ты Феєю была!

Но, благосклоннѣе сначала,
 Ты устро дней моихъ прилѣжнѣи поѣщала.
 Почтижь печальная разпространилась мгла
 И ясной полдень мой своей докрыла тѣнью?
 Иль лавровъ по слѣдамъ швоимъ не соберу,
 И въ пѣсняхъ не преиду къ другому поколѣнью?
 Или я весь умру?“

Башушковъ, исполненный въ стихахъ
 своихъ движенія, силы и ясности (глав-
 ныхъ достоинствъ стихотворнаго слога,
 по его же словамъ), въ стихотвореніи
 своемъ: *Бесѣдка Музъ*, говоритъ:

„Подъ тѣнью черемухи млечной
 И золошомъ блиспающихъ акацій
 Спѣшу воспѣваюишь олшарь и Музъ и Грацій,
 Сопушницъ жизни молодой.“

Спѣшу принесить цвѣлы и ульевъ сошь ян-
 тарный

И нѣжны первенцы полей:

Да' будетъ сладокъ имъ сей даръ любви моеи
И гимнъ поэта благодарный! "

Но, можно рѣшиительно сказать, никому не приходило счастливѣе мысли сочинителя приведеннаго нами стихотворенія: *Муза*. Вымысль его имѣетъ необыкновенную прелесть простоты, естественности и поэзии. Читая сіе стихотвореніе, не подумаешь, что сочинителю много стоило труда добраться до такой мысли: это свободное, живое и нѣжное воспоминаніе первыхъ минутъ, когда въ немъ началъ дѣйствовать геній поэзии. Ходъ сего стихотворенія исполненъ живости, разнообразія и легкости. Кажется, видишь отрока, избираемаго Музою, которая съ улыбкою подаетъ ему простую цѣвницу, прислушивается къ игрѣ его, и сама поправляетъ первые его опыты. Кришки, изчисляя виды прекраснаго въ произведеніяхъ искусствъ, даютъ одному виду названіе *грации*, разумѣя подъ симъ именемъ безыскусственную прелесть, ознаменованную какимъ нибудь нечаяннымъ, простымъ, но прекрасно-

легкимъ движеніемъ, или положеніемъ, или словомъ. Оспроуміе, глубокомысленность, сила, величіе и подобныя симъ совершенства въ произведеніи ни сколько не дають еще понятія о граціи. Она неожиданно является у какаго нибудь Лафонпена, Богдановича — и мы во всей прелести видимъ ее въ разсмащиваемомъ нами стихопвореніи. Пусть стихопворецъ красивѣе представитъ свою Музу, дасть ей нарядъ драгоценнѣе, избретъ мѣсто для свиданія съ нею роскошнѣе, нежели одна пѣнь дубовъ; тогда грація исчезнетъ, и мы, удивляясь его Музѣ, не будемъ сколько пѣваться ею. Полнопа звуковъ для взяпой имъ мысли необыкновенная. Онъ въ четырнадцати стихахъ все заключилъ, чего можетъ требовать воображеніе и чувство. Нѣтъ ни одного слова лишняго, ни одного стиха невыдержаннаго, ни одной картины недодѣланной. Нужно ли прибавлять, что гармонія стиховъ въ семь сочиненіи составляетъ пріятнѣйшую музыку для слуха? Выключая одного слова: цѣвницу мнѣ вьрнула (*),

(*) Подобное выраженіе гораздо счастливѣе

кошорое показалось намъ нѣсколько пля-
жело для Анпологическаго сшихотворе-
нiя, какая вѣрность въ выраженiяхъ и
свѣжестъ въ подборѣ эпипешъ, какъ, на
примѣръ, въ слѣдующихъ сшихахъ:

„По звонкимъ скважинамъ пуспаго просп-
ника

Уже наигрывалъ я слабыми перспами
И гимны важныя, внушенныя богами,
И пѣсни мирныя Фригiйскихъ паспуховъ.“

Наконецъ это сшихотворенiе въ Ру-
ской Анпологiи оспанешся оппечашкомъ
первыхъ карпинъ природы, кошорыя пи-
тали юное воображенiе поэта. Читая
оное, каждый почувспвуемъ, что сших-
отворецъ увидѣлъ въ первый разъ свою
Музу не въ блестящей сполицѣ, не въ
шумномъ кругу свѣща, но въ мирномъ,
сельскомъ уединенiи, гдѣ, по его собст-
веннымъ словамъ:

„Онъ пѣнемъ оглашалъ прионшъ забавъ и лѣни,
И Царскосельскiя хранительныя сѣни.“

упошребилъ Башюшкковъ въ своей Элегiи,
На развалинахъ замка въ Швеции:

„Броню завѣшну, мечъ тяжелый
Онъ юношѣ *врутилъ* израненой рукой.“

Разсмотримъ другое стихотвореніе.

КЪ УЕДИНЕННОЙ КРАСАВИЦѢ.

Какъ роза свѣжая одна благоухаетъ
 Въ угрюмой пишинѣ полуночныхъ шепей;
 Какъ пѣсню сладостной въ часъ утра огла-
 шаетъ
 Дубравы мершвыя пустынной соловей;
 Какъ драгоценный перлъ, волнами поглощен-
 ной,
 Скрывается опъ глазъ на жадномъ днѣ морей:
 Такъ сиротѣетъ здѣсь въ снранѣ уединенной
 Богиня красота безъ жертвъ и олшарей.

Въ семь стихотвореніи мы находимъ со-
 всѣмъ другаго рода поэзію, но шѣмъ не
 менѣе прекрасную. Тамъ раждалось сер-
 дечное удовольствіе, а здѣсь раждается
 сердечное уныніе. Красота, сокрытая у-
 единеніемъ, погружаетъ душу въ неизъя-
 снимо-пріятную задумчивость. Но тѣ
 сравненія, которыя нашель для своео
 предмета сочинитель, усиливаетъ въ
 насъ еще болѣе участие. Какое искусство
 въ поспешности и разстановкѣ уподо-
 бленій! Послѣднее изъ нихъ:

Какъ драгоценный перль, волнами поглощенной,
 Скрывается отъ глазъ на жадномъ днѣ морей—
 мгновенно отнимаетъ у насъ то, къ чему сердце спремисл еще съ надеждою.
Такъ сиротѣтъ здѣсь — выраженіе новое и чрезвычайно почное. Оно живо рисуетъ положеніе души, полной прекрасныхъ чувствъ, но одинокой, ни съ кѣмъ не раздѣляющей бышя своего и никого не радующей собою. *Богиня красоты* — уже нѣсколько разъ повпоренныя слова многими поэтами — въ эпломъ мѣстѣ имѣютъ свою новоспъ; попому что за ними слѣдуютъ слова, объясняющія причину, по которой сочинитель употребилъ ихъ: *безъ жертвъ и олтарей*. Въ самомъ дѣлѣ, если бы онъ сдѣлалъ другое описаніе красоты; то послѣднее выраженіе не было бы столь умѣстно, какъ теперь, а къ нему и успремлено все цѣлое.

По прочтеніи сего стихотворенія чувствуешь, какъ мысль начинаешь переходить отъ предмета къ другому — отъ сиротѣющей красоты къ удовольствіямъ ея возраста, къ безчисленнымъ

случаямъ въ жизни, къ неравному жребію— и наконецъ опять возвращаешься къ мирному, никогда не измѣняющему въ своихъ утѣхахъ, уединенію. Таково дѣйствіе истинно прекрасной картины, или мысли! Когда спихопворецъ прямо на ней основанъ; тогда онъ укажетъ чашапелю безконечный рядъ другихъ равно прекрасныхъ мыслей.

Но существенное различіе между разсмащриваемыми нами Аншологическими спихопвореніями состоитъ въ томъ, что первое изъ нихъ не имѣетъ никакой частности ни по времени, ни по мѣсту. Оно принадлежало бы Грекамъ, принадлежало бы намъ и также будетъ принадлежало бы самымъ отдѣленнымъ попомкамъ. Это совершенство таланта, ничѣмъ не привязаннаго къ какому нибудь одному мѣсту на землѣ, но свободнаго и всѣмъ общаго. Его можно сравнить съ Греческою спашуею, на которой художникъ ничего не оставилъ, по чему бы кто нибудь могъ узнать, къ какому народу и къ какому вѣку она относится; потому что онъ изобразилъ ее въ пре-

лестной нагошѣ. Другое стихотвореніе напоминаетъ уже новѣйшее время. Погружая насъ въ задумчивость, оно заставляетъ, кажется, насъ искать лучшихъ ушѣхъ во глубинѣ души. Сверхъ того *цѣрюмая тишина полночныхъ степей и мертвыя дубравы*, гдѣ раздается голосъ *пустыннаго соловья*, невольно напоминаютъ намъ, гдѣ сочинитель все это видѣлъ — онъ все взялъ съ своей природы.

И такъ, если Анпологическія стихотворенія должны хранить мгновенныя чувствованія, опредѣленно относящіяся къ какому нибудь народу; то послѣднее должно занять мѣсто въ собственно Руской Анпологіи, а первое во всеобщей.

Мы не можемъ при семъ не изъявить желанія, чтобы опытная рука собрала когда нибудь сіи прелестныя, цвѣты нашей поэзіи, разбросанные по старымъ и новымъ журналамъ и соспавила бы изъ нихъ — одну книжку. Такая книжка, конечно очень небольшая, показала бы намъ общественныя сокровища, шеперь болшею частью забвенныя. Для иностранцевъ она была бы драгоценнымъ

подаркомъ. Изъ нея получили бы они понятіе о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя производить надъ человекомъ сѣверная природа, и о той прелести нашего языка, которая вся въ полной чистотѣ своей только и можетъ быть сохранена въ Антрологическомъ стихотвореніи.

Плетневъ.

ЛИТЕРАТУРА.

А.

П Р О З А.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РЪЧИ:

о Прекрасномъ въ нравахъ,

говоренной Профессоромъ Андре въ Академическомъ собраніи.

Люди, разсѣявшись по всему земному шару, хотя и живутъ раздѣльно, но все еще имѣють нѣкоторую между собою связь; шайное чувствованіе, поселенное въ души ихъ самою природою, сближаетъ ихъ, не смотря на опдаленность мѣста. Исторія нашего перваго произхожденія испребилась изъ памяти большей части народовъ; но преданіе объ ономъ сохранилось въ сердцахъ. Мы находимъ оное

Часъ XIX. Кн. I.

3

между дикими и между образованными народами, и если бы случилось намъ бышь вмѣспѣ съ ними, шо по общимъ нуждамъ легко бы узнали своихъ брашьевъ. Не философы научили насъ сему чувствованію, не законодательи поселили въ насъ оное. Прежде философовъ были люди, прежде законодательи существовалъ законъ природы, внутреннее естественное чувствованіе, всѣхъ насъ соединяющее. Мы получаемъ оное въ наслѣдіе отъ нашихъ родителей вмѣспѣ съ кровію. Распуштво иногда онаго не познаетъ, въ чемъ я и согласенъ; грубое невѣжество усыпляетъ; мяшежь страстей погашаетъ на время; души образованнѣйшія ограничиваютъ оное семействомъ, округомъ, областью, часпію земли, называемой обществомъ; — по крайней мѣрѣ, въ чемъ ссылаюсь я на сознаніе каждаго, первая блеснувшая искра разума и въ самыхъ распушныхъ открываетъ оное; первый лучъ просвѣщенія пробуждаетъ и самыя души загрубѣлыя; первая минута укращения страстей возвращаетъ оному жизнь и естественную живость: и ког-

да мы только свободно предадимся желанію нашего сердца; но оно объемлетъ всю природу человѣческую. Я нахожу себя вездѣ, гдѣ только естѣ люди: въ Европѣ, Азіи, Африкѣ, въ шарѣ и новомъ свѣтѣ. Я съ любопытствомъ слушаю о нихъ извѣстія, какъ о части моего семейства; желаю знать о ихъ состояніи, образѣ жизни, вѣрѣ, законахъ и нравахъ. Я не различаю ни Европейца, ни Азіатца, ни Грека, ни Варвара, ни Француза, ни Римлянина. Это количество веществъ, называемое моимъ племемъ, принадлежащее землѣ, гдѣ я родился, но мое сердце находитъ вездѣ соотечественниковъ, или даже ближнихъ; не знаю конечно степени сродства, меня съ ними связующаго, но чувствую, что не могу не признавать въ нихъ единокровія.

Впрочемъ, милосивые государи, сіе чувствованіе не мнѣ одному свойственно. Я бы не краснѣлъ, но признаюсь, что спрашивался бы, имѣя оное одинъ. — Однако я спокоенъ: это общее чувство сердца человѣческаго; оно основано на первоначальномъ порядкѣ природы и обнару-

*

живаеяся въ глысячи блеспящихъ чертахъ Испоріи. Извѣстно, что Сократъ, мудрѣйшій изъ Грековъ, почипалъ всю землю своимъ отечествомъ, поелику онъ вездѣ видѣлъ людеи. — Извѣстно, что Сенека, первѣйшій изъ философовъ Римскихъ, научаеяъ насъ почипать всѣ народы свѣша нашими согражданами. Другіе философы пребуютъ опъ насъ еще большаго; они хопяяъ, чтообы мы весь родъ челоѡческой почипали однимъ и шѣмъ же семействомъ. Послѣ сего нужно ли еще что нибудъ сказаъ для убѣжденія самыхъ мнипельныхъ умовъ, что во всѣхъ сердцахъ находиаъ общее чувство природы, не зависящее ни опъ воспитания, ни опъ мнѣнія, ни опъ произвольныхъ постановленій между людьми. Желаютъ ли они, чтообъ мы, для увѣренія ихъ въ шомъ, представили всѣ народы совокупно, и — мы въ соспоаніи удовольствоваъ ихъ, или по крайней мѣрѣ доказательсва наши доспащочныгъ будутъ на всѣ ихъ пребования. — Сіе прекрасное чувство, принадлежащее всѣмъ людамъ, въ сердцѣ каждаго челоѡка въ

особенности торжественно обнаружилось при одномъ знаменишомъ собраніи; которое мы можемъ почесть за избранныя сословія всего рода человѣческаго.

Св. Августинъ, основываясь на исторіи, сообщаетъ намъ, что когда въ первый разъ услышали въ Римѣ произнесенный на сценѣ сей прекрасной сѣпихъ изъ Теренція: *Нomo sum, nihl humani a me alienum puto* (*); по раздались въ Амфиатрѣ всеобщія рукоплесканія. Не нашлось ни одного человѣка въ споль многлюдномъ собраніи, состоявшемъ изъ Римлянъ, и посланниковъ всѣхъ народовъ, уже ими покоренныхъ, или союзныхъ имъ, который бы не былъ пронупъ симъ и пораженъ.

И такъ опъ чего происходитъ сіе споль единодушное согласіе между народами, такъ мало сходными между собою, споль различующими во мнѣніяхъ, нравахъ, воспитаніи, выгодахъ, даже между большею частію враговъ шайныхъ и явныхъ? Не гласъ ли эпо природы, который въ сію минузу зрѣлица, когда всякой су-

(*) п. е. Я человѣкъ и ничего человѣческаго не почишаю для себя чуждымъ.

диль по своему, слушая представленіе, заглушилъ всѣ частныя ссоры и заставилъ шоржеспвенно произнести сіи прекрасныя слова: всякой челоѡкъ еспь нашъ ближній, нашъ единокровный, брашъ. Ваше сердце, милоспивые государи, въ сію минупу безъ сомнѣнія шакже слышитъ сей гласъ природы, споль несомнѣнно и споль славно доказывающій мудроспъ Творца онаго.

Сѡ Франц. Д. Сахаровѡ.

УСТЬЕ БОСФОРА.

Отрывокъ изъ путешествія по
востoku Юсифа Сенковскаго.

(Видъ пролива , цеселенія Оттомановъ ,
Турецкая сказка).

Съ Европейской стороны за мысомъ Дефтердара , близъ прежняго Родесскаго порта, лежишь село *Орта-кёй*, населенное Жидами и Армянами; а на Азіатскомъ берегу видна деревня *Бейлер-бей-Искелесі*, и огромная мечеть надъ водою. — Здѣсь-то изъ среды ихъ удивленный взоръ поражается новымъ величіемъ видовъ. — Каждый разъ, мысленно воображая роскошную, свѣшлую того картину, я досаую, что слабое перо мое лишаетъ читателей очаровательнѣйшаго въ Царе-

градъ зрѣлица. — Ограничиваюсь описа-
ніемъ сославляющихъ оное предметовъ:
воображеніе людей, знакомыхъ съ чувсп-
вованіемъ великолѣдныхъ красотъ при-
роды — замѣнишь недоспашки описанія.

Оба далеко проспирающіеся берега,
украшенные множествомъ легкихъ, кра-
сивыхъ дворцовъ, садовъ и деревень, надъ
коими возносятся зеленѣющіе холмы, у-
вѣчаные рошицами — замыкаются съ
одной стороны обширнымъ [городомъ *Ску-
тари*, съ другой крупнымъ мысомъ, по-
крытымъ предмѣстіями *Фундукли* и *Пе-
ри*. — Изъ-за сей возвышенности вдаеп-
ся въ средину моря извѣстный мысъ, на-
зываемый *Уелолъ Серая*. — Посреди са-
довъ, съ ихъ живописными шолцами де-
ревьевъ, разбросаны въ гордомъ безпоряд-
кѣ палашы, Кіоски, башни съ золочены-
ми куполами и кровлями и огромныя гла-
вы церкви Софійской, между Минар-
ешовъ, успрямленныхъ въ небо. — Въ да-
ли море сливается съ горизонтомъ, а съ
лѣва крупные острова Княжескіе, мнишся,
плывущъ по водамъ, шоль же яснымъ,
какъ сводъ неба, раскинушаго надъ сею

пышною спорною. Безчисленные лодки, мелькая въ проливѣ, оживляютъ его поверхность; корабли плывутъ на полныхъ парусахъ, и нѣсколько сотъ купеческихъ судовъ, стоящихъ по споронамъ на якорѣ, знаменуютъ успѣхи торговли и богатство края. Заходящее солнце, разливая на всѣ предметы живыя, самоцвѣтныя краски, представляетъ картину сію еще болѣе великолѣпною, испинно волшебною. Розовые лучи его отражающа блескомъ пріятнымъ въ синевѣ моря, между спроенїи, на зелени деревъ, съ одной спороны облеченныхъ свѣтомъ, съ другой тѣнью nocturnoю. Ярко снизу освѣщенное небо, и солнце, склонившееся въ уровень чловѣка, будто за одно спаряются выказавъ ими обитаемую спорону въ наипрелестнѣйшемъ видѣ.

Близъ устья рѣки, впадающей въ море, въ селѣ *Орта-кѣй*, Діонисїй Византїйскїй полагаетъ *Архіонѣ*, мѣсто, гдѣ жилъ *Архіасѣ Тазскїй*, сынъ *Аристониа*, коптскїй, приведя сюда переселенцевъ, построилъ городъ замыслилъ. Зависные Халцедоняне, въ боязни, чтобы новые сосѣ-

ди не нанесли уцербѣ ихъ торговлѣ — возпрепятствовали сему намѣренію; и Архіасъ, съ поварищами въ помянутомъ мѣстѣ осѣвши, передалъ ему свое названіе. — Прежде оно имяновалось *Аэтонъ*. — На одномъ изъ холмовъ, за деревней лежащихъ, виденъ Кіоскъ, изъ котораго Султанъ для движенія или забавы спрѣляетъ иногда изъ лука; а какъ важность Турецкой спрѣльбы заключается не въ мѣшкоспи, но въ распояны, шѣ Султанъ всегда бросаетъ стрѣлы далѣ придворныхъ. — Бродящіе около, черные невольники ищутъ упавшихъ стрѣлъ, и шѣ изъ нихъ, кто имѣетъ счастье найти стрѣлу Владыки, щедро награждается. Кіоску прилежація долины и пригорки покрыты каменными столбами (Ничанъ); на нихъ часно вспрѣчаются надписи, свидѣтельствующія объ искусствѣ и силѣ Султана, которой даже до сего мѣста дострѣлить благоволило. — Окрестность эшаго Кіоска отличаетъ прекраснымъ видомъ на самый Конспаншинополь, дивно украшенный смѣлыми куполами многочисленныхъ его мечетей.

Подлѣ помянутой деревни предмѣстіе *Бешик-Таши* занимаетъ посады прежняго Византійскаго предмѣстія *Дафне*. — Весь берегъ моря застроенъ длиннымъ рядомъ Кіосковъ и Дворцовъ Султанскихъ; — яркія краски и странная архитектура ихъ не безъ пріятности для глазъ.

Турецкое домостроительство въ порядкѣ и украшеніяхъ совершенно отлично отъ Арабскаго. — Начиная съ первыхъ дней *Стамбула*, до сихъ поръ, Греки были Турецкими архитекторами — и вошь, отъ чего палаты ихъ супъ чудесное смѣшеніе испорченнаго вкуса османскихъ Византійцевъ съ Персидскою и Арабскою архитектурою. — Стѣны домовъ и Кіосковъ походять болѣе на спеклянныя оранжереи, чѣмъ на наши строенія. — Первое жильё у Турокъ всегда выставляется надъ нижнею частью дома, рѣдко опираясь на рядъ столбовъ, подобно Европейскимъ галереямъ, но чаще всего на косвенныя подпорки. — Въ карнизѣ особенной, ширины заключается вся краса, въ легкости все достоинство ихъ архитектуры. — Стѣны мечети, споя-

щей на берегу пролива въ *Бешикъ-Таши*, выложены въ мозаикъ большими разноцвѣтными фарфоровыми плитками. — Прускія сѣвны (*) многихъ дворцовъ разрисованы цвѣтами и другими странными изображеніями. Окна Гарема, выходящія на проливъ, до половины заслонены частыми деревянными рѣшетками, когда сквозь мѣлкія ошверстія оныхъ многія сопни прелесныхъ Султаншъ наслаждающія шолько видомъ за́прещенныхъ имъ красотъ природы. — Надъ каждымъ ворошамъ блестятъ вензеля Султана, и надписи въ стихахъ Турецкихъ или Персидскихъ, прославляющихъ его славное происхожденіе, силу и богатство. — Въ исходѣ Апрѣля Султанъ со всѣмъ Гаремомъ и хранителями Серая, переѣзжаетъ въ длинныхъ раззолоченыхъ ладьяхъ изъ Цареграда въ увеселительной дворецъ *Бешикъ-Таши*, для провозденія лѣша на ошкрышомъ берегу Босфора, освѣжаемомъ

(*) Въ Польшѣ Прускою сѣвною называется кирпичное строеніе, кладенное между клепоною деревянною крѣпью. *Примѣтъ. Переводтика.*

въспрами и моремъ. Туда, съ окружающею его спражею, съ дворнею многочисленною, и язва переходитъ привыкла.

Часные пушечные выспрѣлы возвѣщаютъ сполицѣ поѣздъ, и эхо, звуча по холмамъ и скаламъ прибрежнымъ, подражаетъ перекашамъ грома. — Турки вообще до залповъ и спѣлянья большіе охотники. — Появленіе Султана или важныхъ Сановниковъ Государства наполняетъ окрестность громомъ выспрѣловъ, а проспой народъ и Янычары, при каждомъ весельи, какъ ребята забавляются спрѣльбою изъ пистолешковъ. — Въ часъ переѣзда Султана въ Бешикъ-Таши всѣ споящіе на якоряхъ корабли обязаны удаляться, дабы какое нибудь свяшпашспвенное око не взглянуло на женъ Владыки. Во все время его здѣсь пребыванія въ нѣкоторомъ разсподній спаяшпся красные сполбики, на посплавкахъ ушвержденные, для означенія на водѣ рубежа, за копорой проходящимъ лодкамъ приближашся къ берегу возбранено. — Подданные Его Высокоспи, никогда не выпускающіе изъ зубовъ милыхъ своихъ шру-

бокъ, не смѣюшь курить ихъ, подь страхомъ палокъ, покуда не минуютъ палашь Султанскихъ. Около Октября мѣсяца весь дворъ, съ обыкновенною пышностію, возвращается опянь въ Серай.

Одно изъ прекраснѣйшихъ здѣсь спроній (разумѣется въ Турецкомъ вкусѣ) естъ Кіоскъ, называемый *Ма-беиндъ*, чпо можно перевести Кіоскомъ *Досуга*. — Султанъ, оставляя Гаремъ, прїѣзжаетъ сюду проводить большую часнь дня, вкушая нѣгу сладоснаго бездѣйствія; и эпошо зовелся у Турокъ первѣйшею забавою. Прилежащій къ споронѣ предмѣспія садъ опоясанъ каменною стѣною, копоря служишь ему роскошнымъ ложемъ на прохладѣ. Желалъ бы дань читателямъ моимъ нѣсколько вѣрнѣйшее понятіе о садахъ Турецкихъ, о коихъ каждый говоришь, какъ ему нравится, или вздумаетъ. — Планъ ихъ весьма единообразенъ. — Изъ круга, посрединѣ сада лежащаго, въ кошоромъ почти всегда находится зеленая бесѣдка, выспанная мраморомъ и освѣженная водометомъ, низпадающимъ въ мраморной же прудокъ, лужеобразно.

выходящъ дорожки, пересѣкаемыя другими, проведенными ошъ иныхъ подобныхъ круговъ, по угламъ сада помѣщенныхъ. Тропки сіи уложены мѣлкими морскими камушками бѣловапаго цвѣта, а на нихъ кружки, разнообразныя узоры, щипы, мечи и копья изображены черными раковинками. — Сполъ красивая мозаика, или лучше сказашъ сельская мозаика, украшаешъ природу сполъ же мало, какъ и наши укапанныя аллеи, за то гораздо ихъ выгоднѣе и пріятнѣе для глазъ. — Спороны дорожекъ обсажены часло горшками цвѣтовъ, а лужки, ими заключенныя, усажены лимонными, померанцовыми, гранатовыми и разныхъ родовъ плодовыми деревьями, изъ середины коихъ возвышающся многолѣтныя кипарисы или гордыя пальмы Требизондскія. — Нерѣдко, на перекресткахъ сада, пышный яворъ ошѣняешъ разложиспыми вѣтвями своими цѣлой кругъ, и земля до самаго нѣя вымощенная, какъ будшо являешъ, что дерево прорасло изъ сказы бесплодной. — Иныя круги опоясаны цѣпью шелковичныхъ и яворовыхъ деревьевъ, подъ

которыми споятъ высокія деревянныя
 скамьи. — На нихъ то, когда хозяинъ
 сада приходилъ сюда *дѣлать кейфъ*, т. е.
 роскошно *ничего не дѣлать*, — невольники
 спелютъ мягкія подушки. — Онъ садит-
 ся на нихъ, думаешь и молчишь, а мно-
 гочисленная дворня спойтъ вокругъ шу-
 мящаго водопада, изъ уваженія сложивъ
 руки на брюхо и сворошивъ напередѣ но-
 ски. — Утромъ и къ вечеру весь воздухъ
 такъ сильно распворенъ бываетъ благо-
 воніемъ цѣшмовъ, чшо особы, непривыч-
 ныя къ воспочной роскоши, съ головою
 болью возвращающагося изъ садовъ Опшо-
 манскихъ. — Турки мало знаютъ шѣви-
 сшыя Европейскія шпалеры. Хюсцевъ ци-
 шаютъ въ Сшамбулѣ первыми садовни-
 ками, подобно какъ жилили Кипра слы-
 вущъ на восшокѣ лучшими поварами, хо-
 тья одни не умѣютъ пересадитъ лозы, а
 другіе опршно столповишь кушанья. —
 Вообще признашься должно — всѣ лучшіе
 роды плодовыхъ деревьевъ, растущихъ на
 сей благословенной землѣ, отъ невѣжесш-
 венной лѣни жилилей дичающъ и перя-
 ютъ вкусъ. Тѣже самыя деревья, переса-

женныя въ полуденную Европу, сочно-
спію, величиной и сладоспію плодовъ да-
леко превозходящъ воспочныя, не смош-
ря на значительную разницу климатовъ.

Древніе вблизи сего мѣсна полага-
ли камень *Термастисъ*. — Наспоящее имя
оного *Бешик-Таши*, т. е. камень колыбели,
можешъ бышъ, производишъ ошъ одного
испочника; но камень Термасписъ ле-
жалъ гораздо ниже. — Немного далѣ
упомянушаго предмѣспія, на равнинѣ, про-
спирающейсѣ въ глубъ земли, на самомъ
берегу моря, лежишъ садъ *Долма-Багге*,
принадлежащій ко дворцу Бешик-Таши.
За садомъ видна обширная площадь, гдѣ
Сулшанъ во второй день *Курбан-Бейрама*
справляешъ *Бинишъ*, т. е. конныя игры
съ джеридами (копьями). На ближнемъ
холмѣ построень Кіюскъ, изъ котораго
Самодержецъ удоспоиваешъ глядѣшъ на
подданныхъ своихъ, бьющихся для его у-
шѣхи длинными палками. — Нѣсколько
дикое зрѣлище сихъ игръ особенно живо-
писно разноцвѣтными одеждами, бысп-
рошою коней и ловкостью, съ какою всад-
ники бросающъ джерисы и на скаку под-

нимающъ ихъ съ земли. — Вы видите въ немъ образъ войны спаробышнихъ разбойническихъ народовъ *Туркестана*, кочующихъ во глубинѣ Азіи, у которыхъ не иначе какъ съ коня бились надлежало. — Джеришы извѣстны были Римской дѣхотѣ подъ именямъ Пилума (Pilum) или коропкаго копья, которыми она шакъ искусно владѣла умѣла. — Богашыри Иліады мешали дрошники, и народы, обитающіе въ срединѣ Африки, *Бедцины-Бешоріе*, Нубіане, жипели *Донгола* и *Саннара* до сихъ поръ подобнымъ образомъ нападающъ на враговъ.

Во время веселыхъ ночей *Рамазана* площадь сія спановится любопытною каршиною забавъ Опшоманскихъ. — Въ цѣлой день суровымъ посшомъ упомянутые Мусульмане — съ закашомъ солнца надѣвають свои богашѣйшіе уборы, предающа всѣмъ ушѣхамъ спола, ходящъ другъ къ другу въ гости и, повеселясь ночь насквозь, оставляющъ сонъ на голодное утро. — Если мѣсяць Рамазана выпадаетъ во время Султанскаго пребыванія въ *Бешикташи*, — то равнина *Долма-Багче* покры-

ша бываетъ безчисленнымъ множествомъ Серайной челяди, кошорое умножается еще болѣе спекающимися шуда жилищами сосѣднихъ предмѣстій. — Тѣмъ разбитыхъ палатокъ для продажи кофея, шарбета и сластей, зазженные огни и фонари, мелькающіе съ толпами людей посреди мраковъ ночи — представляющіе единственныи и прудный для описанія видъ. — Здѣсь въ опборномъ кружку Турки курящъ табакъ изъ длинныхъ чубуковъ и опъ глубокомыслія не говорящъ ни слова. Индѣ толпа народа пѣснится около Индѣйскихъ Жонглеровъ, проворно играющихъ шарами, или глошающихъ шпаги. — Тамъ ребяческое любопытство Опшомановъ пѣснится пѣнями Камер-Обскуры, гдѣ весьма неискусно показывающъ виды разныхъ городовъ Европейскихъ, купленные въ лавкахъ Галапы или Пери за просыя карпинки. — Являющся корабли, звѣри, и даже дерева, на вѣшвахъ вмѣсто плодовъносяція прекрасныхъ дѣвушекъ. По словамъ Турецкой ботаники онѣ распушъ въ Королевствѣ *Тени-Діцніа*, ш. е. въ новомъ свѣтѣ.

*

Далѣе, въ кругу многихъ слушателей, краснобай-сказочникъ, сидя на соломенномъ коврикѣ со сложенными подъ себя ногами, кладешъ трубку на землю, прокашливается неоднократно, гладитъ себя по бородѣ и такъ забавную сказку начинаешъ:

„(Скоро) Попугай, красивая птица, выкормленъ на сладкомъ на сахарѣ, лешя не день, не два часа, черезъ поля и шемны лѣса пр-р-р-р-р.— спознала разные края, горы, долины, сшремнины, города, народы и обычаи, видѣла разные чуда, и шо для ней не худо. Сѣвши на зеленой вѣшкѣ, среди сшпада пшичекъ чижоеъ, соловьевъ и синичекъ, хвостомъ шуда сюда кивнула, крылья носомъ шевельнула и звонкимъ голосомъ закричала: пр-р-р., а пошомъ начала она повѣсшь смѣшну и ушѣшну. Я вамъ, эффенди мои, расскажу ее, (пихо) увѣренный, чшо вы, въ знакъ своей щедрости, напоите кофеемъ рассказика и наполните кошелекъ его парами!“ — *Слушатели: гей, гей, говори шолько!*

„И такъ, эфенди мои, въ давно уплывшихъ вѣкахъ передъ нами, въ нѣкоторомъ государствѣ, былъ Дервишъ, великой мудрецъ и чернокнижникъ, копорой такъ искусно умѣлъ обманывать глаза, что слона могъ оборопить иголкою, или украситъ съ лица *Зуры* (планета Венера) цвѣтущія на щекахъ ея розы. Однажды ночью, въ часъ проливнаго дождя, Дервишъ эшотъ, прибывши въ столицу государства, зашелъ въ посадъ Гяуровъ, гдѣ жилъ одинъ только Мусульмаинъ, спройный, будшо кипарисъ, а красотою превосходящій всю молодежь столицы. — Дервишъ постучалъ въ дверь его, прося ночлега, — но юноша, опговариваясь шѣснопою своей хижины, никакъ не хотѣлъ впустить. — „Эй,пусти, кричалъ Дервишъ: право не будешь въ шомъ раскаиваться.“ Молодой-хозяинъ, боясь воровства, либо измѣны, рѣшишельно опвѣчалъ, что никакимъ способомъ дверей ему не опворитъ — совѣшуд индѣ искашь себѣ приспаница. — „Если меня не впустить, сказалъ Дервишъ, я зарѣжусь, и когда меня мертваго найдушь у

дверей твоихъ, спражи засадыяъ шебя въ пюръу и ты жизнью заплашишь за негосшмерімспво!“ Рѣжся, когда ешь охона, возразиль юноша — я ночныхъ побродягъ къ себѣ не принимаю. Дервишь, услышавъ плакой опвѣсть, выпациль яшаганъ, чикъ — и перерѣзаль себѣ горло. Нашъ молодець, слышавъ его паденіе, испуганный, выбѣжалъ съ ночникомъ въ рукѣ — и, увидя Факира безъ головы, ну плакашь и опчаявашся. Однакожь, выдумывая способъ, какъ избѣгнушь неминуемой смерти, онъ рѣшиль опшацишь опъ своего порога мертвое шѣло Дервиша и подкинушь оно къ дому сосѣда Гяура, копораго душа и безъ шого невѣриемъ погублена. — Вздумано и сдѣлано. Возвращаясь домой, онъ легъ спать преспокойно.

Не прошло пяти минутъ, какъ Дервишь снова заспучаль въ двери, неопшупно просясь у хозяина переночевашъ. Юноша, еще болѣе удивленный, не понималъ, что съ нимъ спалось и, спрашась Дервишевой злоспи, опвѣспшвоваль, что ни подъ какимъ видомъ его къ себѣ не

примешь. „Сдѣлаю тебя счастливымъ, говорилъ Дервишъ, не бойся ничего; будешь плавать въ досплаткѣ и почеспяхъ; а ежели меня не вступишь, то повѣшусь на дверяхъ твоихъ!“

Юноша, боясь напоследокъ какого нибудь новаго приключенія, со страхомъ отворилъ ему двери. Дервишъ, вошедши въ хижину, увидѣлъ передъ собою прекраснаго юношу и къ нему возымѣлъ нѣжную привязанность; юноша съ своей стороны замѣтивъ, что Факиръ промокъ до костей, далъ ему сухое плащье, поставилъ овощей, хлѣба для подкрѣпленія, и, чѣмъ могъ, угощаль Дервиша. — Дервишъ, прочитавъ намазъ (молишву) вечерній, снѣлъ ѣсть, и пилъ вино, которое выпилъ изъ своего мѣшка, попомъ, отблагодаря хозяйина, легъ въ постелю и заснулъ крѣпкимъ сномъ. — Поутру вславши, онъ сказалъ юношѣ: никогда еще спокойнѣе не проводилъ я ночи, какъ въ дому моемъ. Еслибъ у меня была дочь, отдалъ бы ее за тебя, не требуя приданаго, но какъ нѣтъ у меня роду, ни племени: то въ награду за гостепримство я обещаю об-

вѣнчашъ себя съ дочерью нашего Падишаха. „Сказавши это, вышелъ на улицу и, возвращаясь черезъ минушу, пришесть горшокъ чудесныхъ, нигдѣ невиданныхъ цвѣтшвъ. „Возьми ихъ, сказала онъ юношѣ, и носи продавать подѣ Кіоскъ Падишаховой дочери.“

Нашъ молодець, послушный приказу, взялъ горшокъ и пошелъ, куда велѣлъ ему Дервишъ, крича: „цвѣтшвы изъ садовъ Райскихъ! Кто купишъ цвѣтшвы изъ Рая!“ — Какъ скоро царевна, сквозь оконныя рѣшетки, его увидѣла; то, привлеченная несказанною красотою цвѣтшвъ, купишъ ихъ послала: но едва внесли горшокъ въ покои, пріятный запахъ цвѣтшвъ волшебныхъ возбудилъ въ душѣ ея непривычное чувство — она запылала сильною снрасшю къ молодому цвѣтшчнику, и съ того мгновенія только о немъ помышляшъ спала. Разспрашивала о немъ у своихъ прислужницъ, велѣла искашъ подобныхъ расшеній, но никто о продавцѣ, ни о томъ, гдѣ такія расшутъ былинки, не могъ доведѣдаться. Прошло въ томъ нѣсколько дней. Дервишъ большую часть

дня спалъ въ домѣ у юноши, за що каждую ночь выходилъ пить въ шинкакъ съ Гяурами, и неранѣе разсвѣпа домой возвращался. Однажды вечеромъ, взявъ ключъ отъ дома юноши и отдавая ему, сказалъ: „сегоднешней ночи сшупай въ Кюскъ дочери Падишаховой; эшимъ ключемъ опомкнушя въ немъ двери. *Каукъ* мой (т. е. шапку) надѣнь на голову — тогда ни одинъ человѣческій глазъ тебя не увидишь.“ Юноша, наученный Факиромъ, отправился въ полночь на сказанное мѣсто; по предсказанію прошелъ вездѣ невидимкою и всю ночь провелъ въ нѣжныхъ разговорахъ съ любезною.

Возвращаясь домой, гдѣ ожидалъ его Дервишъ, юноша разсказалъ все, какъ было, а Дервишъ, похваливъ его за распорочность, позволилъ каждой ночи видѣться съ царвною — и это продолжалось многіе мѣсяцы. Серальскія женщины, догадываясь о дѣлѣ, донесли Сулшану съ большими околичносшями, что хопя никого увидѣть не можно — но всякую ночь мужской голосъ разговариваетъ въ покоѣ царвны. Падишахъ, разгнѣванный ша-

кою вѣспью, приказаль строго сперечь всѣ выходы и закоулки дворца; но юноша, наукою Дервиша, всегда пробирался счастливо къ царевнѣ, видимый только ею.

Наконецъ Султанъ обѣщаль награду знатнѣйшимъ надзирашелямъ Серая, когда онѣ ухитряшся опкрышь или поймашь его неприяшеля. Одна изъ нихъ, хитрѣйшая змѣя искусителя *Навы*, такъ изъяснилась Султану: Падишахъ мой! Я знаю средство найти швоего злодѣя: надобно ручку дверей царвиной комнаты вымазашь сухою красною краскою. Если кто изъ людей, а не духовъ, ночью къ ней приходишь, то, опворя дверь, замараешь ладонь свою и, возвращаясь домой, конечно на своихъ дверяхъ подобные оставишь знаки. Понравился эшопъ совѣтъ Султану; приказаль онѣ исполнишь, что сказала спарушка, а дозорной спражѣ донесли ему наупро, у кого двери найдущся замараны краскою. Выдумка удалась. Молодецъ мой, возвращаясь опъ любезной, замаранными руками оставиль слѣды на дверяхъ своего дома; къ счастью Дервишъ, кошорой, по доспохвальной привычкѣ, на-

разсвѣтъ пьяной къ дому пробирался, увидѣлъ ихъ съ немалымъ удивленіемъ и, домыслившись объ измѣнѣ, на всѣхъ дверяхъ улицы такіе же понадѣлалъ знаки.

Когда о томъ доложили Султану, онъ, изумленный и разгнѣванный вмѣстѣ, не вѣдалъ, что мыслить и дѣлать. Приговорили награду тому, кто ошкроетъ врага Падишаха, но и это не имѣло успѣха. На послѣдокъ Визирю, котораго мудрость извѣстна была во всѣхъ концахъ свѣта, вздумалось податься совѣтъ, по наружности самоприличнѣйшій къ дѣлу. „Падишахъ мой, сказалъ онъ Султану, если шебѣ угодень будетъ совѣтъ раба швоего; такъ бы тебѣ желалъ исполнить: поелику знаки найдены на дверяхъ въ посадѣ Гяуровъ, слѣдовательно врагъ швой между нихъ скривашься долженъ— повели, Государь, ихъ всѣхъ перерѣзать и разграбить дома народа идолопоклонническаго; а тебѣ самымъ избавишьься отъ своего злодѣя.“ Полюбилась шакая мысль Султану. Въ шопъ же мигъ выданъ указъ, чшобы всѣ Гяуры сидѣли въ домахъ своихъ и не смѣли бы выходить изъ по-

саду. — Окружили воинами ихъ часть города. Зачалось ужасное побоище; а какъ приказано было никому не давать пощады, не взирая на вѣру и достоинство, то и нашъ юноша долженъ былъ погибнуть.

Въ то время кто-то сказалъ о побоищѣ Дервишу, распивавшему кофе въ Музльманской кофейнѣ за пубкою табаку: вскочилъ Факиръ, бѣжипъ къ посаду Гяуровъ и, взявъ съ собою многихъ воиновъ, ведетъ ихъ прямо къ дому юноши, говоря: спускайте за мною; я знаю, гдѣ неприятели Падишаха. Нашедши юношу спокойно въ лавкѣ своей продающаго плоды, набрасываетъ ему веревку на шею и проситъ своихъ поварицей повѣсить его на самомъ верхнемъ суку дерева, распущаго передъ ворошами; шпанушъ перенуганнаго бѣдняка вверхъ и оставяющъ висѣть тамъ, сколько угодно. Самъ же Дервишъ, ворвавшись съ воинами для грабежа, схватилъ вмѣсто добычи свой мѣшокъ, и съ грабителями, которые забрали все, что могли, возвратился въ кофейню, когда уже ни одного Гяура въ жи-

выхъ не оспалось. Донесли Падишаху о выполненіи приказа его, и онъ шакъ эпому обрадовался, что велемурдаго Визиря одарилъ богатымъ халашомъ (шубой), а вѣспнику далъ двадцать и сколько-то піасцовъ, будучи увѣренъ, что вмѣстѣ со проклятымъ народомъ Гяуровъ погибъ и его непріятель.

Когда настала ночь, Факиръ отпра-вился къ дереву, на которомъ повѣсили юношу: все это было обманомъ его чародѣйства. Юноша спокойно сидѣлъ на деревѣ, когда другимъ чудилось, что онъ висѣлъ на немъ. — Развязавши пеплю, помогъ ему слезть на землю и, надѣвая на него свой каукъ, сказалъ: домъ швой срышь, слѣдовательно спупай ночевашъ въ Кіоскъ царевны; завпра найдешъ меня на такой-то улицѣ — я одѣну тебя Дервишемъ и будешъ странствовашъ со мною за Факира. Юноша сдѣлалъ по сказанному, а на утро, нашедши своего учителя, одѣлся въ платье Дервиша, и съ нимъ за Факира себя выдалъ.

Однакожь, когда замышливья Серайскія женщины донесли Падишаху, что въ

той ночи снова слышалось шепшанье и разговоры въ покоѣ царевны, онъ гнѣвомъ и бѣшенствомъ распаленный, велѣлъ призвать Визиря и закричалъ на него: „самъ Шапанъ вдохнулъ въ себя проклятой совѣщъ тобою данный! Врагъ мой живешь — а я, по швоему наущенью, повелѣлъ перерѣзать Гяуровъ! Кто шеперь спанелъ плашшь мнѣ гарагъ?“ Сказавъ это, раздробилъ Визирю голову булавою, набишою острыми шипами, а въ цѣломъ государствѣ приказалъ огласить, что онъ сдѣлаешъ того великимъ Визиремъ, кто принесетъ голову его непріятели; даже если бы то былъ первѣйшій мошенникъ, копорого онъ поклялся прежде погубить, — будешъ пожалованъ жизнью и одаренъ богатствомъ. — Слыша такія обѣщанія Падишаха, „послушай, сказалъ Дервишъ юношѣ, спупай къ Сулпану и объяви, что, если онъ сдержитъ шебѣ слово и поклянется вѣрою и словами *Валлахи, Биллахи, Велиллахи*, шы принесешъ голову его злодѣя!“ Послушный юноша явился въ Серай Падишаха и высказалъ, чему научилъ его Факирь. „*Валлахи, Биллахи,*

Велиллахи, сказалъ Сулшанъ, сдержу мое царское слово, сдѣлаю моимъ Визиремъ, и хотя бы ты былъ первой мошеникъ, спующій висѣлицы, дарую жизнь и одарю богатствомъ; но гдѣ же голова моего непріятели? „ Вошь нушь на моихъ плечахъ, ошвѣчалъ юноша, я то и есть непріятель, котораго ты ищешь. Изумленный и разгнѣванный владыка разпрашивалъ его обо всемъ, и юноша на все, по совѣщанью наславника, ошвѣчалъ съ большою ловкостію, и наконецъ увѣрилъ Султана въ истинѣ словъ своихъ, не выславляя однако Дервиша. Падишахъ, связанный клятвою, скрывая въ себѣ мечь, велѣлъ одѣсть его въ халатъ и, давши ему перстень съ собснвенной руки, наимяновалъ *Садръ-Азалимъ* (Великимъ Визиремъ) своего Государства.

Нѣсколько дней прошекло въ тишинѣ: вдругъ вошь чпо вспало на умъ Падишаху: „ Я выполнилъ обѣщаніе этому юношѣ, пошому чпо далъ на то кляпву, но Визирю моему всегда имѣю право отрубишь голову, если мнѣ заблагоразсудишья — ибо онъ мой невольникъ. Въ

попъ же часъ, призвавъ *Капиджи-Паши* (начальника шѣлохранншелей), сказалъ ему: нынѣшнюю ночь поди къ рабу моему Садръ-Азаму; имянемъ моимъ отбери у него перстень, высокій залогъ власти ему повѣренный, а завтра на городской площади отруби ему голову, въ глазахъ всего народа, и принеси ее ко мнѣ. — „Повелѣніе моего владыки на головѣ моей!“ опевчалъ Капиджи-Паши и въ слѣдствіе указа, отобравши отъ юноши высокій залогъ доспоинства, упрямъ велѣлъ его вывести на площадъ для казни,

Дервишъ, сидя въ кофейнѣ, спокойно дѣлалъ кейфъ, какъ вдругъ неожиданно говорящъ ему другіе: „пойдемъ смопрѣшь, какъ будущъ рубишь голову Садръ-Азаму!“ Испуганный Факиръ вскочилъ опро-мѣшью и мигомъ исчезъ изъ толпы по-варищей. Поспѣшно прибѣжалъ онъ на мѣсто казни и видящъ уже руку палача, замахнушую надъ головой несчастнаго друга: „Аманъ! Аманъ! закричалъ Факиръ, приближаясь и принявъ на себя образъ одного изъ шѣлохранншелей Серайскихъ, я несую прощеніе милосшиваго нашего

Сулшана! “ Такъ говоря, выпацилъ фирманъ и ондалъ Капиджи-Пашѣ, кошорой, прочипавъ его, поцѣловаль, съ покорностію приложилъ ко лбу и, положивъ за пазуху, возвратился въ Серай. „Гдѣ же голова Садр-Амазова? “ спросилъ Сулшанъ. Государь, шы прислалъ мнѣ высокій швой фирманъ, объявляющій даръ жизни шво-ему невольнику: шупъ вынимаешъ онъ фирманъ изъ-за пазухи, но съ изумленіемъ и ужаеомъ видишь намѣсно фирмана кусокъ деревянной доски. Сулшанъ, взбѣсясь, велѣлъ, въ замѣну бѣглеца, опрубить Кападжи-Пашѣ голову, а по всему городу искашь Садр-Азама; но уже ни его, ни Дервиша въ городѣ не было. — Скрышые волшебною хишпроспью, они опправились къ войску, споявшему спаномъ на шри дни пуни опъ сполицы. Въ шо время шла война съ *Клфяралми* (невѣрными).

Тѣмъ часомъ прибылъ къ ворошамъ Серая *Татарѣ* (гонецъ), привезшій печальную новость, что невѣрные правовѣрныхъ *Газилеровѣ* (побѣдителей) побили и уже идушь къ сполицѣ. Причина шой

войны была слѣдующая: сынъ Короля Френкистана (Европы), наслышанный о чудесной красотѣ дочери Падишаховой, просилъ ее себѣ въ замужство, обѣщаясь ежегодно плащить знатный Гарагъ, и весь Френкистанъ отдашь Султану въ подданство. Въспъ что Султанъ описалъ къ опцу его: „Самый ничтожный Музульманской невольникъ лучше цѣлаго рода невѣрныхъ. Богъ сказалъ въ книгѣ своей: соединяйтесь вѣрные съ вѣрными; по еспъ самоприличнѣйшій для васъ союзъ. Сколькѣ звѣздъ на небѣ и пещинокъ въ морѣ, сполькѣ же я имѣю побѣдныхъ защитниковъ на укрощеніе своей неправды. Богъ мнѣ опдалъ на часъ богашство всего міра — не надобенъ Гарагъ твой. А дочери моей за сына своего не выдамъ, попому что вы невѣрные *Лаиллахъ, Иль Аллахъ*. Будь здоровъ и не умри въ заблужденіи!“

Король Френкистанской, обиженный такимъ отвѣсомъ, собралъ невѣрныхъ и, поручивши надъ ними предводительство сыну своему, объявилъ войну Музульманамъ; а Падишаху написалъ, что до шѣхъ

порь не покинешь оружія, покуда не женишь сына на Сулшанской дочери. Королевичь, двинувшись изъ дома войны съ безчисленнымъ войскомъ, разбилъ въ прахъ Исламскихъ Газилеровъ и навелъ спрахъ даже на столицу Падишаха.

Въ то время Сулшань, воспаленный правымъ гнѣвомъ, приказалъ обвѣстить народу, что дочь свою, съ половиною государсшва, шому опдасъ въ награждение, кпо принесетъ къ нему голову Френкиспанскаго Королевича.

Дервишъ, съ молодымъ своимъ поваричемъ прибывши къ войску, оставилъ его въ палаткѣ одного знаконца; а самъ ночью вышелъ на гору, и зачалъ волшебствовать. Силою чернокнижныхъ заклинаній сбѣжались къ нему съ границъ Френкиспана всѣ свиѣи; Дервишъ далъ имъ съѣсть какой по правы, и въ полъ же мигъ все спадо эшихъ нечисшыхъ живопныхъ побѣжало къ спану невѣрныхъ. — Кяфяры едва увидѣли имъ любезныхъ швореній, съ жадносшю ловишь и жаришь ихъ спали: справили пиръ, на которомъ Королевичъ Френкиспана, со всѣми свои

*

ми позарищами, проклятыми опъ небесъ, такъ изволили обкушашься мясомъ, что права, копорю накормилъ Факирь свинокъ, взявъ свое дѣйствіе, произвела сильное въ головахъ круженіе. Зачали они бѣгать по спану какъ сумашедшіе, потомъ, потерявъ память, погрузились въ глубокой сонъ. Тогда Факирь вмѣстѣ съ юношею прокрался ночью въ спанъ Кяфяровъ, какъ убитые, спящихъ. — Пробравшись до спавки Королевича, они опрѣзали ему голову и, забравши богатые знаки его достоинства, Факирь опправиль съ ними въ столицу юношу, а самъ успѣшилъ увѣдомить своихъ, чтобы напасъ на сонныхъ Кяфяровъ, и испребишь племя невѣрное.

Юноша, прибывши до дверей счастія Султана, спаль передъ нимъ и сказала: „Падишахъ, намѣсто моей головы приношу тебѣ голову Королевича Френкистанскаго. — Я шопъ самый непріатель, кошораго искалъ ты; я швой намѣспникъ, копорому велѣно было опсѣчь голову — но теперь я хочу бышь швоимъ зятемъ!“ Султанъ, увидя голову Френ-

киспанскаго Королевича, съ радости началъ плакать; попомъ, плюнувши на нее, приказалъ выславить на Серайской стѣнѣ для забавы народу; а юношу обнимая съ вѣжностію, простилъ ему прошлое и опдалъ за него прекрасную царевну съ половиною сильной своей державы. “ —

Аллахъ! Аллахъ! воскликнула вся толпа удивленныхъ слушателей. Попомъ каждый начинаешь дѣлать свои замѣчанія о приключеніяхъ повѣспи въ такой увѣренности, какъ будто оныя случились въ самомъ дѣлѣ. Впрочемъ всѣ чудеса на долинѣ *Дольма-Багъ* уходящъ за правду. Раскащика поящъ кофеемъ, и кошелекъ его наполняешся парами. На сей долинѣ удовольствій игра въ кости и шахматы занимаешъ весьма многихъ. Турки, медленные во всемъ, играютъ въ шахматы съ невѣроятною для Европейцовъ быстротою — и припомъ мастерски. Пѣніе подъ звукъ бубна, похожаго на козацкую бандуру — забавляешъ охопниковъ до музыки. Пѣсельникъ, царапая перомъ по струнамъ мѣталлическимъ, сопровождаешъ симъ нестройнымъ бречаньемъ свой

голосъ, вершишь головою и чудесно кривляешь изъ нѣжности лице. Турецкая музыка для насъ столь же несносна, какъ для нихъ наша. Здѣшніе Греки всѣ народныя пѣсни поюшь на Турецкой пѣнь, и, можешь бышь, славная мелодія древнихъ Эллиновъ, подъ копорую плясали деревья и камни, сходствовала съ музыкою здѣшнихъ Ромеовъ. Давніе Греки, во многихъ отношеніяхъ къ обычаямъ жизни, были народомъ воспочнымъ.

Арабская музыка совершенно разнишя отъ Турецкой; Персидская, въ особенносши Испаганская, почишается на воспокъ лушешю и весьма походишь на музыку Шотландцевъ, между тѣмъ, какъ Турецкая ближе всѣхъ подходишь къ Руской. Для Меломановъ прилагаю здѣсь модную Конспанпинопольскую пѣсенку.

Садъ Долма-Бачче былъ въ спарину покрытъ гусшымъ лѣсомъ, *Язоніонъ* званымъ, въ память того, что Язонъ приспавалъ здѣсь нѣкогда съ кораблемъ *Арго*. — Въ близи сповалъ храмъ Аполлона.

Противу дворца Бешик-Таши находится искокъ ручья *Хризохрамосъ*, гдѣ

на ближнемъ мысу, по словамъ Амміана Марцеллина, находился Фарось. Съ сѣверной стороны того ископа лежишь деревня *Бейлер-бей-Искелеси*, о копорой мы упоминали выше, а съ южной проспиряешся село *Иставрозъ*, и дворець Султанской, поже носящій имя. — Пониже эшаго села находишся другое, называемое *Кузъ-Кунгукъ*; за нимъ огромныя палаты *Султанъ-Серая*, а тамъ начинаешся городъ Скушари.

На Европейскомъ берегу отъ *Дольма-Багге* выходишь высокій мысъ, составляющій уголь съ длиною, но узкою, заводью моря, называемою портомъ или рогомъ Визаншійскимъ, *Керакольпосъ*, который отдѣляетъ Царьградъ отъ предмѣстія *Пери* и *Галаты*. Скапъ мыса покрышь обширнымъ предмѣстіемъ *Фундукли*, за коимъ на равнинѣ, простершой по хребту горъ, зеленѣеть извѣстный кипарисовой лѣсъ, называемый большимъ кладбищемъ.

Начиная отъ *Дольма-Багге*, мы находимъ сперва древній камень *Термистисъ*; за нимъ лежишь мѣсто, у древ-

нихъ Грековъ извѣстное подь именемъ *Дельфина* и *Харондаса*: какой по люшнись, именамъ *Хальцисъ*, часно игрываль на эпомъ берегу на люшнѣ, и, сладоспю звуковъ привлеченный, Дельфинъ каждый разъ приплываль къ берегу и выставляль голову свою надъ водою, дабы наслушаться его пѣнїя. — Паспухъ *Харондасъ*, завистливый къ таланту *Хальциса*, забросиль на Дельфина сѣти — поймалъ и убиль его. Но пѣвецъ почпилъ друга своего пышными похоронами и пославиль ему памятникъ, давши мѣспу имя *Дельфина* и *Харондаса*: первое для вѣчной памяти рыбьей чувспвипельноспи, другое для прокляшїя завистника. Прилежащая часць мыса именовалась *Палинормиконъ*. — Здѣсь-шо былъ храмъ *Птоломея Филадельфа*, кошорому благодарные Визаншїйцы воздавали чеспъ языческаго богослуженїя. — Визаншїя ему обязана была великими благодѣнїями. Онъ далъ ей въ Азїи обширныя земли, въ изобилии доставляль оружіе и кожи; да же помогаль деньгами. Далѣе лежалъ *Аякстїонъ*, мѣсто, гдѣ была колонїя

Мегарская или *Акса*, сына *Теламонова*: теперь оно занято предмѣстіями *Фундукли*. — Тамъ, гдѣ мысь загибаешся къ порту, находишся предмѣстіе *Сали-Базаръ*, ш. е. шорговый рынокъ. Здѣсь поже стоялъ жершвенникъ *Аполлона*, а самое мѣсто *Метопонъ* называлось. — Часть его занята теперь *Турецкою* оружицею.

Съ Польскаго А-рѣ Бес-т-ѣб.

1822. Мая 5 дня.

Б.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ИСКАНІЕ БОГА.

Я видѣлъ: смерклись небеса ;
Земля дала глухіе ешоны ;
Возспаль духъ бурь, сломиль препоны,
Стопой, какъ жашву, смаль лѣса,
И горы съ мѣспь, и горь обломки
Онъ, мощный, въ дебряхъ размещаль!
Возваль я Бога гласомъ громкимъ—
Но Бога въ буряхъ не видалъ . . .

Я видѣлъ: ровныя поля
То гнулись въ доли, шо холмились,
И волновалася земля,
И камни градомъ съ горь капились,
И грозно небеса дымились . . .
И, шрепешный, зваль Бога я—

Но въ бурныхъ мятежахъ земныхъ
 Не зрѣлъ слѣдовъ его священныхъ . . .

*

Свидѣтель новыхъ я чудесъ:
 Ошь молній рдѣешь сводъ небесъ,
 И пышешь огненны попоки,
 И на лицѣ полей широкихъ
 Все спало пыломъ, все огнемъ —
 Но Бога я не видѣлъ въ немъ . . .

*

И въ слѣдъ за бурей — шишина,
 Душа предчувствіемъ полна:
 Какъ молодой зари мерцанье,
 Въ дыму серебряномъ горитъ
 Святое алое сіянье.
 На тайный зовъ душа лепитъ
 И дышетъ жизнью неземною . . .
 Все спало сладкой шишиною —
 И я вдали, какъ въ дивномъ снѣ,
 Услышалъ Бога — въ шишинѣ! . . .

Ө. Глинка.

ПАДЕНІЕ ВАВИЛОНА.

Погибъ ширакъ! Возденемъ къ Небу дани!
Давно ли мы, съ поникшею главою,
Несли ему уничиженья дани,
Омышья кровавою слезой?
Давно ли мечь, въ крови ненасышимый,
Въ рукъ убійць власпишельныхъ сверкалъ?
Виновникъ бѣдъ и язвъ неизцѣлимыхъ,
Давно ли онъ народы пожиралъ?
Всевышній вяля сыновъ своихъ моленю:
И нѣпъ его — мечь гордый преломленъ!
Конецъ бѣдамъ, конецъ уничиженю,
И иго въ прахъ съ спрадальческихъ рамень!..
Стольшній кедръ, воспишанникъ Ливана,
Воздвигнулъ въшвиспою главою,
Возвеселясь погибелью ширана —
„Онъ палъ, гласить, онъ палъ власпишель мой!
„Ликуй, Ливанъ! Подъ осприемъ желѣза,

Свободный днесъ, ужъ не падешъ швой сынъ,

И, опершись на рамена ушеса,

Возвысися, какъ мощный исполинъ!

Смерть варвара смушила мрачны сѣни:

Узрѣвъ его, содрога хладный адъ;

Возпрянули изъ мрака сильныхъ тѣни,

И, на него вперивши робкій взглядъ,

Они рекли: и ты, Царь Вавилона,

Позналь и ты ничпожества удѣль?

Давно ли онъ съ блиспашельнаго шрона

Величіемъ, гордынею гремѣль?

Днесъ шрупъ его, изшоченный червами,

Лежишь во мрѣ, ослабивъ шускый взоръ;

Заушра вихрь съ поблекшими лиспами

Снесешъ его надменности въ укоръ . . .

Денницы сынъ, блестящее свѣшило,

Чья длань тебя низринула съ небесъ?

Чье мщеніе въ единый мигъ сразило

Могущаго, какъ вѣковый ушесъ?

Не ты ли рекъ: „сравняюся съ богами,

„Превыше звѣздъ поставлю свой престолъ,

„Къ снопамъ моимъ падушъ цари рабами“ . . .

Ты рекъ — и палъ главой, склоняся на доль!

Угаснешъ день — и пушникъ ушомленный

Войдешъ сюда — и шрупъ увидишь швой:

Воцъ смѣршный шощъ, онъ скажешъ изум-

ленный,

Кто управлялъ вселенныя судьбой,

Кто ушаждалъ свой слухъ цѣпями рабства,

Подъ чьей стопой являлась степь кругомъ,
 Предъ кѣмъ въ плѣну дымились царства,
 Спеналь народъ подъ варварскимъ жезломъ!
 Чудовище, природой опчужденный,
 Проклятіе съ забвеньемъ швой удѣлъ!
 Твой шрупъ, одинъ, лежишь непогребенный,
 Лишь хищный вранъ крыломъ его одѣлъ!
 Гдѣ замыслы гордыни величавы? . . .
 Какъ сорванный вѣтрами листъ сухой
 Изчезъ и слѣдъ швоей гремѣвшей славы. . . .
 Дрожи, пиранъ, не дремлешь мспишель швой!

В. Григорьевъ.

С В Я Т О С Л А В Ъ .

Д у л а .

И одинока и блѣдна,
Въ шуманныхъ облакахъ ныряя,
Текла двурога луна
Надъ брегемъ быспраго Дуная:
Ея перловые лучи
Спань усыпленный озаряли;
Сверкали копья и мечи
И рашниковъ ряды дремали.

Съ опвагой въ сердцѣ и въ очахъ
Младой Гусарь, вдали ошь спана,
Закупанъ буркой, на часахъ
Споялъ на высонѣ кургана.
Предъ нимъ на оспрову рѣки
Шамры Турецкіе бѣляли;

Какъ лѣсъ вздымались бунчуки
И съ вѣтромъ въ воздухъ шумѣли.

Въ давноминувшихъ временахъ
Крылатой дуною лепая,
О прошлыхъ онъ мечпалъ бояхъ,
Гремѣвшихъ на брегахъ Дуная.
„ На сихъ степяхъ, такъ воинъ пѣлъ,
Съ Цимискіемъ въ борьбѣ кровавой,
Не разъ подъ шучей грозныхъ сирѣлъ
Нашъ Святославъ увѣнчанъ славой.

По манію его руки
Безспрашный Россъ, пылая месшью,
На грозные враговъ полки
Лепалъ — и возвращался съ чesпью.
Онъ на равнинахъ дальнихъ сихъ,
Для славы, на бѣды гошовой,
Дивилъ и чуждыхъ и своихъ
Своею жизнью суровой.

Ему сводъ неба былъ шапромъ
И въ лѣшній зной и въ зимній холодъ,
Земля подъ войлокомъ одромъ,
А пищею конина въ голодъ.
Друзья, насъ бѣгство не спасетъ!
Гремѣлъ Герой на бранномъ полѣ,

Позоръ на мертвыхъ не падешъ;
 Намъ бишья волей, иль неволей. . .

Сразимся жь, храбрые, смѣльи;
 Не посраимъ опчины милой —
 И груди вражескихъ коспей
 Набросимъ надъ своей могилой! —
 И горсть Славянъ на цѣмы враговъ
 Текла — Вождя слышавъ голосъ —
 И у врага хладѣла кровь
 И дыбомъ спановился волосъ! . . .

Съ утра до вечера кипѣлъ
 На ближнемъ полѣ бой кровавой;
 Двѣнадцать разъ Герой кошѣлъ
 Вѣнчашъ побѣду звучной славой.
 Валились грудами шѣла,
 И Грекъ не разъ бѣжалъ изъ боя;
 Но рашъ враговъ превозмогла
 Надъ чудной доблестью Героя!

Закинувъ на спину щипы,
 Славяне шли, какъ львы съ ловишвы,
 Грозя съ нагорной высоты
 Кровопролишемъ новой бишвы.
 Сполъ дивной изумлень борьбой,
 Владыка гордой Византин

Часъ XIX. Кн. I.

Свиданіе и миръ съ собой
Здѣсь предложилъ главѣ Россіи.

И къ славѣ Сѣверныхъ племень
И Цареградскаго престола
Желанный миръ былъ заключенъ
Не вдалекѣ отъ Дороспола.
О Князь, давно изплѣлъ швой прахъ;
Но живъ еще швой духъ геройскій!
Питая къ славѣ жаръ въ сердцахъ,
Онъ окрилетъ наши войски!

Онъ шамъ, гдѣ пылъ войны кипишь,
Орломъ ширяясь передъ спроемъ,
Чудесной силою шворишь
Вождя и рапника героемъ!
Но что? . . . Ужъ вспыхнула заря! . . .
Взгремѣла пушка въсповая —
И войска Бѣлаго Царя
Покрыли берега Дуная . . .

Трубы призывной слышенъ звукъ!
Меня зовушь на пиръ кровавой . . .
Туда, мой конь, гдѣ саблей спукъ,
Гдѣ можно пастъ, вѣнчавшись славой! . . .
Гусаръ умчался . . . громъ взревѣлъ!
Свисля, сшибалися картечи,

И смѣло строй на строй лешѣль,
Ища съ врагами ярой съчи . . .

Вдругъ крови хлынула рѣка! . . .
Ошважный Вейсманъ палъ, но съ чешью;
И рой наѣздниковъ полка
На Мусульманъ ударилъ месшью!
Враги смѣшались, дали пылъ —
И поле шрупами покрыли,
И Руской знамя водрузилъ,
Гдѣ Грековъ пращцы громили.

К. Р—въ.

БЕДРИНСКОЕ ОЗЕРО (*)

(Посвящено *Ф. Ф. Кожошкину*).

Къ закату день склонился знойной
Съ горящей неба высоты;
Свѣшило дня ищешь спокойно
И въ океанѣ темношны
Чело усталое скрывается.
Въ пустыняхъ неба возжигаетъ

(*) *Бедрино*, колонія *Ф. Ф. Кожошкина*, въ 15 верстахъ отъ *Москвы*. Да будетъ посвященіе стиховъ сихъ слабымъ знакомъ моей признательности къ дочеренному хозяину за по благосклонное снисхожденіе, которое оказывалъ онъ сочинителю!

Ужъ ночь свѣщальники свои;
 Мой чолнъ надъ влагою нѣмою
 Скользишь и за своей кормою
 Влечешь покорныя струи.

На роши легъ покровъ шуманной;
 Въ волнахъ послѣдній шумъ зашихъ;
 Лишь изрѣдка непоспоянной,
 Порывомъ вспавшій, вѣспрь на нихъ
 Морщины быспрыя кидаетъ;
 То въ пѣнѣ ихъ къ брегамъ сдвигаетъ;
 То съ камышами шепчетъ онъ;
 Въ нихъ будпо слышенъ голосъ лирной,
 И, мняшся, духъ пустыни мирной
 Его крылами пробуждѣнъ.

Парами ночи облеченный,
 Едва мелькаешъ сельской кровъ
 И мрспъ близъ мѣльницы смиренной.
 Далекій шумъ сѣдыхъ валовъ,
 Какъ дымъ, съ колесъ ея вспающихъ
 И невозвратно вдалъ бѣгущихъ,
 Является душѣ моей,
 Какъ гласъ далекій дней минувшихъ,

Какъ гласъ веселій обманувшихъ,
Но до могилы милыхъ ей.

Сижу задумчивъ надъ кормою
Съ безмолвной вечера мечтой . . .
Безвѣстность влаги подо мною,
Безвѣстность жизни предо мной! . . .
Теперь спокойны хладны воды;
Но вдругъ дыханье непогоды
Взрываетъ черные хребты:
Такъ жизнь крылатая коварна!
Заупра юность лучезарна
Запмялся бурями бѣды.

Умолкни, дерзкій гласъ ропшанья!
Творецъ, Твой Промыслъ надо мной;
Мнѣ въ грудь льешь сладость упованья!
Хотя бь, подь шайной жизни мглой,
Я воздремалъ . . . но Ты не дремлешь!
Безмѣрной мыслию объемишь
И жизнь червя и ходъ свѣшилъ;
Ты былъ мнѣ Вождь въ земной юдоли;
Даль свѣиль — очамъ, а разумъ — волѣ,
И мысли словомъ довершилъ.

И сердце, въ пламенныхъ порывахъ,
 Дерзало поспигашь Тебя!
 Я зрѣлъ Опца на щедрыхъ нивахъ,
 Я зрѣлъ на небесахъ Царя;
 Благоговѣлъ передъ Всесильнымъ,
 Смирался предъ Благообильнымъ,
 Что міръ изъ ничего извлекъ,
 Явился въ милоспяхъ предъ нами,
 И свѣтлой юности мечпами,
 Какъ багрянницей, жизнь облекъ.

Я зрѣлъ: власнишель спранъ воздушныхъ,
 Орель, ошь праха опдѣлясь,
 Единымъ взмахомъ криль послушныхъ
 Земнаго шлѣнья свободясь,
 Во влагу шучи погружался...
 Тамъ жизнью новой облакался:
 Такъ я въ грядущее дерзаль!
 Такъ былъ небывшаго свидѣшель,
 Казался жребія владѣшель
 И жизнь въ мечпахъ опережалъ.

Твой даръ — любовь!... Но едѣ же розы
 Опъ злыхъ шиповъ свободнены?

Съ ея блаженствомъ слиты слёзы
 И намъ въ наславники даны:
 Чшо мы здѣсь госци — на мгновенье;
 Чшо лицемѣрно наслажденье
 Въ своихъ сѣняхъ оспановишь
 Должны отвергнушь мы спаранья,
 И упомянутыя желанья
 Къ далекой родинѣ спремись.

Но скорби не напрасно муки
 Несли намъ Промысль повелѣлъ;
 Онѣ намъ вѣрныя норуки,
 Чшо и блаженство нашъ удѣлъ;
 Онѣ его усугубляющъ;
 Такъ день и ночь себя смѣняющъ,
 Такъ послѣ шумнаго дождя
 Одежда пажишей прекраснѣй,
 Весны дыханье сладостраснѣй
 И благодатнѣе лучъ дня.

Твой даръ и дружбы крошкѣй гений!
 Его плѣнительный привѣтъ
 Сугубишь чашу наслажденій
 И облегчаетъ иго бѣды.
 Тебя вѣщаетъ сердцу доблесть;

Тобой направленная совесть
 Ведешь насъ въ мракахъ бышя;
 Самихъ себя велишь спрашишься;
 Другъ добрый — доброму въ ней зришь,
 Злодѣю — грозный судя.

И въ блескъ почести преступной
 Вопще бь сокрылся онъ кошѣль!
 Его свидѣтель неподкупной,
 Незримый зришь нашихъ дѣль,
 Вездѣ за нимъ . . . веселій въ шумѣ,
 И ночи въ одинокой думѣ
 Возмѣдлемъ праведнымъ грозить.
 Пускай, въ заботливой боязни;
 Онъ избѣгаетъ правой казни . . .
 Себя нигдѣ не избѣжитъ.

Такъ, смерть и вѣчность правосудны!
 Въ нихъ добрымъ радость, злобнымъ страхъ.
 Пушь испытаній многопрудный
 Минеть — и счастья въ поляхъ
 Покой изгнанникамъ настанеть.
 Въ красѣ родной очамъ предстанеть
 Дошолъ тайная спрана,

Гдѣ жизнь, какъ спарую одежду
 Совлекши, въ новую надежду
 Одѣнемъ мощныя рамена.

Кипи жъ волнами подо мною,
 Угрюмый жизни океанъ!
 Шумите, бури, надъ главою!
 Дымись вокругъ спранника, шуманъ!
 Я смѣло парусъ развиваю;
 Въ душѣ безмолвной уповаю,
 Что годы часъ ночьъ принесушь,
 Когда умолкнутъ скорби злыя
 И смѣлый чолнъ валы сѣдые
 Въ желанну приспань приведушь!...

П. с..р. сб.

ОСЕННЯЯ ГРУСТЬ.

Опяшь васъ нѣшь, дни лѣша золошаго —
И темный боръ, волнуясь, зашумѣль;
Уныль, какъ грусть, видъ неба голубаго —
И свѣжій лугъ, какъ я, осиротѣль!
Дождусь ли, другъ, чипобъ въ шихомъ Маѣ снова
И старый лѣсъ и боръ помолодѣль?
Но грудь шѣснятъ предчувствія унылы:
Не вѣспники ль безвременной могилы?—

* * *

Дождусь ли я дубравы обновленья,
И шопоша проснувшихся ручьевъ,
И по зарямъ пѣвцовъ свободныхъ пѣнья,
И, спушницы весеннихъ вечеровъ,

Метель, и мукъ ея — и наслажденья?...
Я доживу ль до шающихъ снѣговъ?
Иль суждено мнѣ съ родиной проспиться
И сладкою весной не насладиться!...

В. Глинка.

СВѢТЯЩІЙСЯ ЧЕРВАКЪ.

В а с и л.

Вблизи муравейника, въ саду, на стройный
кленъ

Червякъ ползкомъ взбирался,
И такъ въ шѣни свѣпился онъ,
Что имъ прельщался
Весь муравейный рой.

„Поспой,

Онъ думалъ про себя, шеперья цѣну знаю
Своимъ достоинствомъ: въ домъ барской пе-
рейду—

Ужъ шамъ шо засію!“

Съ большой надмѣнностью, какъ будшо на бѣду,
Приползъ онъ вечеромъ въ обширный залъ,
свернулса —

Вверхъ поднявъ голову; блескъ свѣчь его слѣ-
пишь:

Лишь только оглянуся —
Раздавленъ и забышь.

Какъ много видѣлъ баръ я на своемъ вѣку,
Которые за шѣмъ изъ вошчинъ прїѣзжали
Въ Москву, чшобы *пожить*: и чшожъ—не уди-
вляли,

А всѣ, подобно червяку,
Съ богатшвомъ исчезали.

П. Араповъ.

С М Ъ С Ъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

I.

ПРОГРАММА

Объизданіи

переводовъ древнихъ Греческихъ классиковъ.

Сколь полезно и нужно имѣть переводы древнихъ классиковъ съ подлинниковъ, о семъ было писано сполько, что повпорянь здѣсь до меня сказанное почитаю излишнимъ.

Въ свободное ошь другихъ дѣль время я перевелъ нѣсколько Греческихъ классиковъ (*) и продолжаю и нынѣ переводить, съ моими на нихъ примѣчаніями и безъ примѣчаній, если шого не шребуюшь сочиненія по ихъ удобности.

По убѣжденію многихъ любителей древней

(*) Общество, при семъ случаѣ, счищаетъ пріятною обязанностію извѣстить читателей С. П. и Б., что напечатанная въ N VI статья: *О Слушаніи перевода и доставлена также Г. Почетнымъ Членомъ оваго И. И. Мартыновымъ.*

и Россійской словесности, я рѣшился переводы свои издашь въ свѣтъ слѣдующимъ порядкомъ.

Въ нынѣшнемъ году прислупишь могу къ изданію: 1) *Омеровой Иліады* съ Греческимъ подлинникомъ и прозаическимъ переводомъ на Руской языкъ. По желанію нашихъ Литераторовъ, первая Пѣснь напечатана будетъ и съ подспрочнымъ переводомъ. Въ семъ году можешъ бытъ эта Пѣснь и въ свѣтъ издана.

Въ одно время съ изданіемъ перевода *Омеровой Иліады* начнешя: 2) изданіе прозаическаго перевода и *Софокловыхъ Трагедій*, шакже съ Греческимъ подлинникомъ. Въ нынѣшнемъ году можешъ бытъ ошпечатанъ *Эдипъ Царь*.

3) Гимны *Каллимаха* съ Греческимъ подлинникомъ и филологическихкими примѣчаніями. Переводъ въ прозѣ. Они ошпечаюцца всѣ вмѣстѣ.

4) *Эзоповы Басни* съ Греческимъ подлинникомъ, кои шакже ошпечатаны будутъ всѣ вмѣстѣ.

Для незнающихъ Греческаго языка и нежелающихъ имѣть переводы съ подлинниками, большая часишь эклемпляровъ будетъ ошпечатана безъ подлинниковъ.

Дабы изданіе сихъ классиковъ шло поспѣшнѣе, они печаташьяся будутъ въ нѣсколькихъ типографіяхъ, впрочемъ на одинакой и хорошей бумагѣ, одинакимъ формашомъ, и сколько можно болѣе подходящимъ шрифшомъ.

Каждая книга будетъ продолжаться порознь и совокупно съ другими. Для желающихъ имѣть всѣ сии переводы будетъ заготовлено поспребное количество заглавныхъ листовъ съ означеніемъ, какіе изъ нихъ составляютъ копорую Часть оныхъ. Подписка также приниматься будетъ порознь на каждую книгу и совокупно.

Каждая Пѣснь Иліады съ Греческимъ подлинникомъ по подпискѣ стоить будетъ чепыре рубля; а 1 Пѣснь, какъ содержащая и подспрочный переводъ, 6 рублей; одинъ Руской переводъ Пѣсни, 2 рубля.

Каждая Трагедія Софокла съ Греческимъ подлинникомъ 5 руб.; одинъ переводъ 3 руб.

Гимны Каллимаха съ Греческимъ подлинникомъ и примѣчаніями 10 руб., одинъ переводъ 5 рублей.

Басни Эзопова съ Греческимъ подлинникомъ 10 рублей, одинъ переводъ 5 рублей.

Цѣна во всѣхъ городахъ одинаковая, которая по окончаніи подписки возвысится. Желающимъ подписаться на все изданіе означенныхъ переводовъ уступается по 10 процентовъ съ рубля.

Книжки будутъ выходить въ бумажкѣ и объ оппечаташии каждой изъ нихъ извѣщается будетъ чрезъ здѣшнія и Московскія періодическія изданія.

Часть XIX. Кн. I.

7

Изъ сей программы почтенная публика можетъ усмотрѣть, коликихъ издержекъ требуетъ такое издание, которое предпринялъ на свой счетъ я никакъ не въ состояніи; почему осмѣливаюсь прибѣгнуть къ слѣдующему средству. Со времени изданія сей программы назначаю для подписки четыре мѣсяца, въ печеніи коихъ прошу Г.Г. желающихъ спешествовать мнѣ въ моемъ предпріятіи подписываться у здѣшнихъ Рускихъ книгопродавецъ и у меня; а въ Москвѣ у Коммиссіонера тамошняго Университета А. С. Ширяева безъ присылки денегъ, съ означеніемъ, всѣ ли упомянутые переводы или нѣкоторые изъ нихъ имѣли желаніе; также съ прописаніемъ имени, отчества, фамиліи, чина или званія и мѣснопребыванія своего, кои въ свое время будутъ припечатаны при книгахъ. Въ концѣ четырехъ мѣсяцовъ, когда по моимъ соображеніямъ найду достаточнымъ число подписавшихся для изданія своихъ переводовъ, я буду имѣть честь извѣстить ихъ чрезъ вѣдомости о присылкѣ денегъ, и между тѣмъ присуплю къ печатанію, будучи увѣренъ, что въ спользяжкомъ трудѣ доставленіе имени подписавшагося будетъ мнѣ вѣрнымъ залогомъ въ доставленіи и денегъ.

Иванъ Мартыновъ.

II.

Д. Ч. О. И. Н. Лобойко, Профессоръ Рос. Словесности въ И. Виленскомъ Университетѣ, прислалъ записку о нѣкоторыхъ снатьяхъ, замѣченныхъ имъ въ Польскихъ ежемѣсячныхъ изданіяхъ: *Денникъ Виленской, Памятникъ Варшавской и Пчелка Краковской*. Дѣйствительно нынѣшній годъ весьма богатъ такими изданіями на одномъ только Польскомъ языкѣ въ Россійской, Австрійской и Прусской Польшѣ, а именно: изъ 25 объявленныхъ въ началѣ сего года въ ученыхъ Варшав. вѣдомостяхъ видно, что выходящъ въ Варшавѣ: 1. Газета Варшавская, 2. Газета Корреспондента Варшавскаго, 3. Курьеръ Варшавской, 4. Изидя Польская, 5. Памятникъ Варшавскій, 6. Сильванъ, или записки о льсоводствѣ, 7. Вагда, 8. Памятникъ заграничный, 9. Аспрея, 10. Денникъ Надвислянскій, 11. Муха Варшавская, 12. Газета Липеранурная. *Въ Виленѣ*: 13. Курьеръ Лишовскій, 14. Денникъ Виленскій, 15. Дѣянія благотворительныя, 16. Вѣдомости *Бруковил* (уличныя), 17. Недѣльникъ (Тыгодникъ) Виленскій, 18. Денникъ Медицины, Хирургіи и Фармаціи) вмѣсто изданія, предъ симъ оконченнаго: *Памятники Фармаціи*). *Въ Краковѣ*: 19. Газета Краковская, 20. Пчелка Краковская, 21.

Кракусь. *Вѣ Лембергѣ* (Львовѣ): 22. Газета Львовская, 23. Разности. *Вѣ Позенѣ* (Познани): 24. Муравей Познаньскій, 25. Газета В. Княжества Познаньскаго. Изъ нихъ наипаче Варшавскія и Виленскія содержатъ въ себѣ разные предметы, относящіеся и къ Россіи. Издатели Денника Виленскаго заимствуютъ иногда изъ Россійск. Журналовъ, какъ то: Сына Отечества, Журнала Департамента Н. Просвѣщенія, Сѣвернаго Архива и Трудовъ нашего Общества. Издатели Дѣлнй благошворительныхъ преимущественно почерпаютъ свои свѣденія, касательно Россіи, изъ Журнала И. Человѣколюбиваго Общества, издаваемого Комитетомъ сего Общества по ученой части и въ началѣ послужившаго имъ примѣромъ подражанія. — Издатели Варшавской Литературной Газеты, коихъ числомъ нынѣ 24, пользуются также нѣкоторыми извѣстіями изъ Трудовъ нашего Общества (Соревнователя П. и В.), для удобнѣйшаго сношенія, пригласили въ свои сотрудники Д. Члена онаго В. Г. Анастасевича.

Памятникъ Варшавскій состоитъ изъ 3 главныхъ отдѣленій: I. Изящныя науки и искусства, II Науки нравственныя и политическія, III. Естественныя науки. Каждая книжка, въ началѣ мѣсяца выходящая, заключается смѣсью, или разными извѣстіями, къ онымъ

же 3-мъ отдѣленіямъ относящимся. новыми
открытіями и метеорологическими наблюде-
ніями и пр. Издатели оного Члены Варш. Об-
щества Любителей Наукъ Г.г. Бродзинскій,
Графъ Скарбекъ и Скородскій. Въ полученныхъ
уже здѣсь 5-ти книжкахъ сего журнала замѣ-
чательны статьи: 1) Г. *Бродзинскаго*, одного
изъ издателей и почитаемаго въ числѣ луч-
шихъ нынѣшнихъ Польскихъ стихотворцевъ,
1. Бытность на Карпатскихъ горахъ, 2. Раз-
сужденіе объ Элегіи. — 2) Г. *Сенковскаго*, Д. Чле-
на нашего Общества, описаніе путешествія въ
Нубію и верхнюю Эіопію. — 3) *Гр. Скорбка*: 1. о причинахъ бѣдности въ бога-
тыхъ Государствахъ, и 2. происхожденіе ли
множество бѣдныхъ въ Европѣ отъ народонасе-
ленія, превозходящаго возможность содержа-
нія. — 4) *Разборъ сочиненій*: 1. *Панъ Янъ изъ*
Свислоти, подражаніе Франц. книгъ: *Симонъ*
изъ Нантуи (Simon de Nantua) Г. Жюсье, при-
знаннаго И. Вилея. Университетомъ полез-
нымъ для приходскихъ училищъ, а по слогу и
цѣли имѣеть сходство съ издаваемыми на Рос-
яз. *Подарокъ Рускому Солдату*, и *Сказка: Лу-*
ка да Марья; 2. Статистическое описаніе По-
дольской Губерніи, Кс. Марчинскаго; 3. Разсу-
жденіе о Вазальпахъ, Варш. Унив. Профессо-
ра Павловича (сіе любопытное сочиненіе пе-
реводится уже на Рос. языкъ для С. П. б. Ми-

нералогическаго Общества, предполагающаго въскорѣ издавать свой журналъ. 5) Обзоръ Греческаго Законодательства и пр. и пр.

Денникъ Виленскій, издаваемый Г. Марциновскимъ, содержитъ въ себѣ: Исторію, Географію, Списки, Путешествія, Жизнеописанія ученыхъ, Словесность, Науки, Искусства, Ученыя извѣстія о новыхъ изобрѣшеніяхъ и открытіяхъ, Академіяхъ и ученыхъ сословіяхъ, Метеорологическія наблюденія, современ. Библиографію и пр. Въ немъ замѣчательны статьи: 1. Статистическія замѣчанія о 7 ревизіи въ Россіи Г. Германа, изъ записокъ С. II. 6 Академіи Наукъ Т. VII. 2. Примѣчанія о надлежащемъ способѣ преподаванія Архитектуры въ высшихъ училищахъ, Г. Подчашинскаго (обучавшагося въ И. С. П. б. Академіи Художествъ, а нынѣ Профессора Архитектуры въ Вильнѣ). 3. Переводъ стихами Польскими *Оды Божь*, Державина, съ примѣчаніями, изданными нашимъ Обществомъ при Лапин. переводѣ оной. Примѣчательно, что сіе изданіе нашего Общества сдѣлалось вдругъ извѣстно въ Виленской Губерніи отъ того, что подаренные Виленскому Обществу благоволенія экземпляры выигрышей въ лотерею роздалъ пошчасъ своимъ знакомымъ, какъ подарокъ счастья. — 4. Письма Г. Лобойкѣ 1, Госуд. Канцлера Гр. Н. П. Румлицова 9 Генв. изъ

Гомля объ опыскиваніи старинныхъ рукописей и книгъ, 2) П. И. Кеппена, сочлена нашего, 19 Генв. изъ Львова о замѣченныхъ имъ въ своемъ путешествіи предметахъ. 5. О золотой гривнѣ, найденной близъ Чернигова, мнѣніе Г. Берлиискаго. Особенное же заслуживаетъ вниманіе относящійся къ Славянской Палеографіи приговоръ Великаго Князя Лшповскаго Вишольда въ разрѣшеніе спора о звѣриной ловлѣ между Вилен. Епископомъ и какимъ-то Викгайлѣмъ, писанный по Руски скорописью на пергаменѣ въ г. Трокахъ (нынѣ уѣзд. гор. Вил. Губ.), сообщенный Г. Профессору Жуковскому отъ Виленскаго Регенса Полоховскаго, и изданный съ прорисью или съемкомъ (*fac simile*), котораго объясненіе объ-щано въ слѣдующихъ книжкахъ сего журнала.

III.

Въ нынѣшнемъ 1822 году въ Варшавѣ началось на Польскомъ языкѣ шрудами извѣстнаго Польскаго писателя Юліана Нѣмцевича изданіе весьма любопытнаго и для любителей Россійской исторіи *Собранія историческихъ памятниковъ о древней Польшѣ* изъ рукописей и сочиненій, изданныхъ на разныхъ языкахъ о Польшѣ, также съ подлинными письмами Королей и знаменитыхъ особъ Польскихъ; печатается у Гликсберга. Донынѣ издано уже 2 части, въ 8 ку. 1-я 487, 2-я 489 стр. Издатель общается ежегодно оппечатаывашь по крайней мѣрѣ по 3 книги, подобныя изданнѣмъ, имѣя уже множество годовыхъ запасовъ, заимствованныхъ изъ публичныхъ и частныхъ книгохранилищъ и архивовъ.

Въ 1-ой части содержатся между прочими: описаніе древней Сармаціи изъ Помпопія Мелы; описаніе Польши, Литвы и Пруссіи въ 15 вѣкѣ изъ Энея Сильвія, бывшаго попомъ Папы Пія II, рѣчи разныхъ пословъ, письма Королей, историческія записки Оржельскаго, Журналы или пропоколы Сеймовъ (по смерти Сигизмунда I и 1572 г.); записки Траціана

изъ жизни бывшаго въ Польшѣ Папскимъ Легатомъ Кардинала Комендонія; выписки изъ исторіи де Ту (о принятіи Польскихъ пословъ въ Парижъ 1574 г., по случаю избранія въ Польшу Короля Генриха д' Анжу, подъ именемъ Генриха I; описаніе погребенія Короля Сигизмунда Августа; разные договоры при Казимирѣ великомъ; первый Актъ соединенія Липвы съ Польшею въ 1413 г; о возвращеніи Прускихъ обласпей и присоединенія къ Польшѣ; писъма Томицкаго, Корол. Канцлера, котораго именемъ называемое собраніе разныхъ актовъ, къ царствованію Сигизмунда III относящееся, подъ названіемъ *Acta Tomicij*, находится въ здѣшней ИМПЕР. Публичной Библиотекѣ, и пр. и пр.

Во 2-й часши: извѣстіе о Библия Королевы Ядвиги, съ прорисью (*fac simile*); опись Королевы Боны Сфорци изъ Польши; договоръ о присоединеніи Лифляндіи къ Польшѣ; акты данничества Князей Бессарабіи и Молдавіи Польскимъ Королямъ; междуцарствіе послѣ Короля Генриха; записки о Легатствѣ Гаешано въ 1595 г.; посольство Князя Зборскаго въ Турцію 1622 г.; смерть и погребеніе Короля Стефана Бапорія; записки Самуила Машкѣвича съ 1594, касающіяся до времени Лжедимишря, опчасши уже помѣщенные въ особенномъ сочиненіи, изданномъ недав-

но Г. Нѣмцевичемъ въ 3 часпяхъ, подь названіемъ: Испорія царствованія Сигизмунда III. О сей важной и въ нашей исторіи эпохѣ издаешся въ Варшавѣ еще одно любопытное сочиненіе Кс. Сярчинскаго, подь названіемъ: вѣкъ Сигизмунда III.

Вообще можно сказать, что сіе изданіе собранія памянниковъ Г. Нѣмцевича имѣеть сходство съ извѣсною у насъ древною Россійскою Вивліоенкою Новикова, и неменѣе заслуживаетъ наше вниманіе.

В. А.

IV.

Подписка на книгу.

При содѣйствіи Правительства издается адресная книга, подъ заглавіемъ: Указатель жилищъ и зданій въ С. Петербургѣ.

Книга сія заключаешь будешь въ себѣ слѣдующіе предметы: 1) номера домовъ всѣхъ частей города, имя и званіе каждаго владѣльца и улицы, на коихъ дома находятся, съ присовокупленіемъ алфавитнаго списка всѣмъ владѣльцамъ домовъ, дабы всякому удобно было находить жилищество по номеру дома, или по фамиліи владѣльца, какъ приведетъ къ тому случай. 2) Общественныя и казенныя зданія, присущственныя и другія мѣста, всѣ заведенія: богоугодныя, ученныя, учебныя, какъ казенныя, такъ и частныя; типографіи, литографіи, книгохранилища, больницы и аптеки. 3) Жилищество военныхъ и гражданскихъ чиновныхъ особъ, занимающихъ по службѣ значительныя мѣста и описанныхъ первыхъ пяти классовъ, включая и вдовъ сихъ же классовъ, иностранныхъ Ми-

неспровъ и Консуловъ, ученыхъ, художниковъ, врачей и повивальныхъ бабокъ. 4) Жительство банкировъ, здѣшнихъ, иногородныхъ и иностраныхъ купцовъ и госпей всѣхъ гильдій, нотаріусовъ, маклеровъ и всѣхъ вообще ремесленниковъ. 5) Фабрики и всѣ мѣста торговли, рынки, лавки, магазины и погреба, также гостиницы для прїѣзжающихъ, извозничьи дворы и проч. и 6) Извѣстіе о почтѣ и паспортахъ.

Издатель книги сей, имѣя единственною цѣлю доставить легчайшій способъ къ описыванію жилищъ, удостовѣрился нынѣ при печатаніи книги, что требованія на оную скоро могутъ превозвысить предположенное имъ къ напечатанію число экземпляровъ; а поному онъ, при усерднѣйшемъ желаніи его доставить каждому случай къ пріобрѣтенію книги сей, обязанностію себѣ пославляетъ извѣстить почтенную публику, что онъ на книгу сію открылъ нынѣ подписку, которую принимаетъ каждое утро, въ квартиру его по Чернышеву переулку близъ Чернышева моста у Щукина двора, въ домѣ, гдѣ казенная книжная лавка. Подписная цѣна сей книги на хорошей письменной бумагѣ, удобной къ описыванію въ случаѣ перемѣны, со вновь выгравированнымъ и раскрашеннымъ по часнямъ города планомъ С. Петербурга и та-

ковоюжъ таблицею пожарнымъ сигналамъ,
назначается десять рублей за экземпляръ.
Вилетъ на полученіе сей книги выдается за
подписью и печатью издашеля.

V.

1 Июня сего года **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержденное Обществу учрежденія училищъ по методу взаимнаго обученія имѣло годовичное свое собраніе (*), главнымъ предметомъ коего было избраніе новыхъ членовъ Комитета Общества на трехлѣтіе будущее:

Въ собраніе приглашены были, на основаніи Устава Общества § 4, одни Дѣйствительные члены.

Порядокъ засѣданія производилъ слѣдующимъ образомъ:

Предсѣдатель Графъ Федоръ Петровичъ Толстой объявилъ въ краткихъ словахъ предметъ, для коего созваны Г.г. Члены Общества, потомъ пригласилъ Секретаря Общества прочесть отчетъ въ дѣлахъ Комитета за 1821 годъ (**).

По прочтеніи оного Секретарь представилъ Обществу списокъ кандидатовъ, пред-

(*) На В. О. въ 1 ливія въ домѣ первосташейнаго купца Кусова.

(**) Выписъ изъ отчета сего, равно и изъ отчета за 1820 годъ, имѣеть бышь въ непродолжительномъ времени напечатана.

назначенныхъ для выбора въ новые члены
Комитета Общества.

За пѣмъ приспущено къ саму избранію
и въ слѣдствіе того на насупившее прех-
лшіе утверждены Обществомъ въ званіяхъ:
Предсѣдателя Общества,

Флигель-Адьюшантъ ЕГО ИМПЕРАТОР-
СКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Полковникъ Князь
Андрей Борисовичъ Голицынъ.

Помощниковъ предсѣдателя,

Полковникъ Князь Сергій Петровичъ
Трубецкой.

Полковникъ Федоръ Николаевичъ Глинка.

Секретаря,

Титулярный Совѣтникъ Василій Ивано-
вичъ Григоровичъ.

Казначая,

Пер. 4-статейный купецъ Николай Ива-
новичъ Кусовъ.

Должностныхъ Членовъ,

Отставный Флота Лейтенантъ, Графъ
Федоръ Петровичъ Толстой.

Коллежской Ассесоръ Николай Ивановичъ
Кушуровъ.

Флота Лейтенантъ Николай Александро-
вичъ Беспужевъ.

8 Класа Александръ Дмитриевичъ Бо-
ровковъ.

Типографные Совѣтники:**Андрей Аѳанасьевичъ Никишинъ.****Степанъ Михайловичъ Семеновъ****и Академикъ Пётръ Егоровичъ Добре-
хошовъ.**

Н А У К И.

И С Т О Р І Я.

О СВАДЕБНОМЪ РУСКОМЪ ОБРЯДЪ (*).

(Изъ предисловія къ первой книгѣ собранія старинныхъ Рускихъ стихотвореній, издаваемыхъ Княземъ Н. Цертелевымъ).

Старинные свадебные Рускіе обряды составляли смѣсь Славянскихъ, Греческихъ и Ташарскихъ (**).

(*) Дабы свадебныя пѣсни, связанныя съ самымъ обрядомъ, сдѣлашь занимательнѣе и яснѣе для незнающаго нашихъ старинныхъ обычаевъ, прилагаю крашкое описаніе свадебнаго Рускаго обряда.

(**) Условіе между родителями обѣихъ споспоспашъ XIX. Кн. II. 8

Всшарину, прежде всего, условливались между собою родишели; потомъ женихъ со свахою или родственникомъ приѣзжалъ въ домъ невѣсты дѣлать *смотрѣ* (погда рѣдко можно было видѣшь порядочную дѣвицу прежде сватовства). Если во время смотря молодые люди нравились другъ другу, то назначаемъ былъ день *сговора*. Промежутокъ между *смотромъ* и *сговоромъ* употреблялся *обѣими* сторонами на пригоповленія и развѣдыванія; ибо погда самые муцины искали не однихъ денегъ, не одной красоты, но суженой, кошорая была бы:

Добрымъ людямъ привѣплива,
 Свекру-бапюшкѣ покорлива,
 Свекровь-машушкѣ послушлива,
 Дѣвѣрьямъ брашьямъ услужлива,
 Золовкамъ-сеспрамъ досужлива,
 Добру молодцу полюбовная.

А пакую суженую найдешь нескоро.

ронъ, приданое, приводъ невѣсты къ жениху были въ обычаѣ у Полянъ; сваха, дружка, дѣвичникъ, кольца или перстни перешли ошъ Грековъ; ѣзда съ обнаженною саблею вокругъ шерема занаша, кажешся, ошъ Ташаръ.

Въ день сговора съѣзжались въ домъ невѣсмы знакомые обѣихъ споронъ въ богатыхъ праздничныхъ нарядахъ. Когда невѣсша поржесшвенно объявленное согласіе свое запечатлѣвала первымъ сладостнымъ поцѣлуемъ; тогда, при звукѣ пѣсень, приличныхъ сему случаю, обручали ихъ и начинали пирь. Невѣсша, вмѣстѣ съ женихомъ, подчивала гостей разными напиткими, и веселые спарички, осушивая кубокъ, говаривали: *твой медъ не вкусенъ, твое вино горько — надо его подсладить*. Сіе означало, что женихъ долженъ цѣловашься съ невѣсшою; спарички, глядя на ихъ поцѣлуи, вспоминали юность свою, и лица ихъ разцвѣшали прошекшею радостію. Послѣ сего невѣсша дарила жениха, его родныхъ и свашей разными подарками, кошорые большею частію состояли изъ шипыхъ золотомъ ширинокъ (плашковъ), кусковъ бархана, апласу и проч (*). Съ низкимъ

(*) Здѣсь вообще предлагается описаніе богатой свадьбы. У людей низшаго сословія соблюдались всѣ сіи обряды, но съ меньшею пышностію.

поклонѣмъ, съ зардѣвшимися, какъ маковъ цвѣшъ, щеками, прежде всѣхъ подносила она дары жениху, и шупъ-шо пѣли дѣвицы: *по городу звоны пошли*, и проч. Въ часъ каждого, кому невѣста подносила подарки, шакже пѣли приличную пѣсню (*). По окончаніи сговора назначается былъ день свадьбы. Жениха провожали пѣснями, и когда онъ сходилъ съ крыльца, шо пѣли ему:

Воропися, соколь, воропися!
 Позабылъ ты шляпу на сполбкѣ,
 Позабылъ ты невѣспу цѣловаши.

При чемъ женихъ, возвращаясь, цѣловался съ невѣстою. Сіе напоминаніе о поцѣлуяхъ показываетъ, что муцины были вспарину скромнѣе нынѣшнихъ, и что самые женихи цѣловали невѣспъ шогда шолько, когда сіе позволялось обычаемъ.

Наканунѣ свадьбы бывалъ *дѣвистникѣ*. Въ сей день прежде всего невѣста съ подругами своими ходила въ баню или мыль-

(*) Въ низшемъ классѣ людей былъ обычай при семъ случаѣ отдаривать деньгами.

ню. Возвратясь опшуда, подружки сами одѣвали ее. — Это было ихъ послѣднее поржешвенное прощанье. Въ наше время сіе кажешся смѣшнымъ; но вспарину, когда одинъ возрастъ не смѣшивался съ другимъ, когда всякой занимался своими обязанностями, когда спарухи не желали казаться молодыми и молодость не смѣшила спарѣшья: тогда сія мысль имѣла свою цѣну. Въ самомъ дѣлѣ, дѣвица, вступающая въ супружештво, начинаетъ совершенно новую жизнь и должна проспиться съ безопасностью и зачатіями независимости. Въ пѣсняхъ, употребляемыхъ на дѣвичникѣ, изображается иногда ожиданіе жениха, для котораго невѣста проситъ луну свѣпить, какъ можно, долѣе, *чтобы онъ съ дороженьки не сбился, чтобъ назадъ не воротился*; иногда представляется опѣздъ его изъ дому, при которомъ машушка, провожая молодца, говоритъ ему:

Ой ты будь, мое дитяшко,
И счастливо и шаланливо,
И добрымъ людямъ привѣшливо!

Большую же частію оныя пѣсни посвящены горестному чувству разлуки, прощаңью красавицы съ опцемъ, съ машерью, съ подружками, съ копорыми ей

Темныхъ ночекъ не сживаши,
Тайныхъ рѣчей не говариваши!

Множество послѣдняго рода пѣсень доказываетъ, что въ прежнія времена дѣвическая жизнь предпочиталась жизни замужнихъ женщинъ, копорыя были озабочены домомъ и зависели отъ мужей своихъ, и посему по говаривали онѣ:

Молодушкамъ нѣпу волюшки,
Краснымъ дѣвушкамъ своя воля гуляшь.

Женихъ, пріѣзжая на дѣвичникъ, привозилъ съ собою въ подарокъ невѣстѣ дорогую шкапулу съ разными вещами (*), относящимися къ ея убору; онъ долженъ

(*) Нѣкопорые увѣряють, что въ семь ларчикѣ находилась и небольшая плепка; но сіе, кажеться, несправедливо — плепка употреблялась только въ обрядѣ дня самой свадьбы, какъ по будеть показано ниже.

быль также не забышь подругъ невѣсны,
и для сихъ-то привозиль онъ

Шестидесять аршинъ разныхъ леншъ:

Голубыхъ апласныхъ,
Пунсовыхъ дворцовыхъ,
И просныхъ шафяныхъ

и другія бездѣлки, которыми невѣста
дарила уже подругъ ошь себя — въ знакъ
памяти. Въ сей же день, при звукѣ цѣ-
сень, одна изъ родшвенницъ жениха при-
нимала приданое невѣсны (*).

Въ день свадьбы былъ обычай разпле-
шашъ невѣснѣ волосы, что называлось
продавать косу. Для сего дружко со свахою
привъжали прежде всѣхъ къ невѣснѣ, кошо-
рая, ожидая ихъ, сидѣла уже во всемъ уборѣ
и подлѣ нея мальчикъ изъ родныхъ или
пріятелей. Пріѣхавшіе давали мальчику
нѣсколько денегъ и, купивъ такимъ об-
разомъ косу, распледали ее и возвраща-
лись. При семъ то случаѣ дѣвушки пѣли:

Вечорь мою косаньку дѣвушки плели,
И золошомъ косаньку перевили и проч.

(*) Копорое однако же отпралялось къ нему
въ день самой свадьбы пошурю.

Разплетеніемъ косы, кошорая считалась лучшимъ украшеніемъ дѣвицы, кажешся, хотѣли сказать невѣстѣ, что съ сего времени она должна оставить дѣвическія свои занятія.—Въ древнія времена вообще любили говорить глазамъ: у Римлянъ каждый возрастъ имѣлъ свою одежду; у насъ также въ прежнія времена на уборы дѣвицъ, женщинъ и старухъ были различны. Сей прекрасный обычай напоминаетъ глазамъ званіе наше опредѣлялъ нѣкоторымъ образомъ самую одежду обязанности, занятія и образъ жизни. Нельзя не пожалѣть о потерѣ многихъ старинныхъ нашихъ обычаевъ. Обычаи народовъ сосоставляютъ, такъ сказать, фізіогномію ихъ и не позволяють имъ сливаться другъ со другомъ. Народъ, не имѣющій ничего особеннаго опечественнаго (national), есть то же, что человекъ безъ характера.

Передъ вѣнцомъ женихъ со свисой прѣзжалъ за невѣстою. Въ сіе время оба они одѣвались великолѣпно. На женихѣ бывала шапка соболя Якушскаго съ запанкою изумрудною, пешлей жемчужною; кафшанъ алой бархатной съ позумента-

ми; поясъ Персидской съ калишою и шулуками; на обязахъ висѣлъ чеканъ золотъ со вспавками дорогихъ каменьевъ, бирюзы и жемчуга; сапоги бархатные, шишы золошомъ волоченымъ; зимою на плечахъ его висѣла шуба Руская на опборныхъ соболяхъ, крытая Венедицкимъ акшобисомъ на червцѣ серебромъ. На невѣспѣ была повязка съ жемчужными поднизями и самоцвѣшными каменьями, называемая леншою; она украшала ея голову, оспавляя верхъ опкрытымъ. Изъ-подъ сей повязки низвѣшивалась длинная русая коса, заплетенная рѣшекшою весьма широко, но къ концу съуживаясь; на самомъ концѣ висѣлъ косникѣ, въ видѣ преугольника, вершка въ два шириною, обшитый шелковою тканью и унизанный въ узоръ жемчугомъ и каменьями (*); фerezя (**) на ней была бѣ-

(*) У людей недоспашочныхъ унизывался онъ, равно какъ и повязка, разноцвѣшнымъ бисеромъ.

(**) Тоже, что нынѣшній сарафанъ. Фerezями называлась также и мужская одежда — родъ кафтановъ, въ которыхъ, по указу 1680 года, должно было являться ко Двору.

лая парчевая или апласная; душегрѣйка голубая съ золошыми сѣпками; поясъ шелкъ съ золотомъ съ киспями низаными; зимою сверхъ сего надѣвали опашень (*) кармазинный на черныхъ соболяхъ; башмаки ея были низаные жемчугомъ по апласу алому съ серебряными плешенницами; серги, ожерелья, зарукавья и перспни ослѣпляли разноцѣпнымъ блескомъ; алмазь, яхонть, изумрудъ сливали въ нихъ огни свои. — Сопровождавшая ихъ свипа была равномерно блистательна; каждый надѣвалъ на себя, что имѣлъ лучшаго — женщины ѣхали въ дорогихъ раскрашенныхъ и раззолоченыхъ колымагахъ (**), а мущины верхами на лошадяхъ, убранныхъ съ Азіатскимъ великолѣпьемъ; за ними и около нихъ слѣдовало множество вершниковъ, а впереди холопы въ цвѣпныхъ плашьяхъ; небольшой

(*) Родъ епанчи, или нынѣшнихъ солоповъ, шелько съ рукавами, висящими почти до земли.

(**) Такъ назывались старинныя коляски и карешы; у нѣкоторыхъ бояръ и особливо при Дворѣ были они чрезвычайной цѣны.

ручной бубеньъ возвѣщаль народу шествіе (*), дабы оный очищаль дорогу — словомъ, боярская Руская свадьба представляла великолѣпное, пріятное для глазъ зрѣлище. — Изъ церкви весь поѣздъ отправлялся въ домъ жениха. Въ сіе время дворъ его ошъ ворошъ до крыльца палашъ успанъ былъ дорогими коврами (**), по которымъ, держа въ рукахъ большія свѣчи, шель женихъ съ невѣспою, а за ними и вся свита (***) . Вошедъ въ шеремъ, кланялись они ошцу и машери, которые благословляли ихъ образами. Послѣ сего шли за споль. Отобѣдавъ, занимались пѣніемъ и пляскою. Передъ ужиномъ молодые люди уѣзжали, и оспавались одни женашые и замужніе. Послѣ претьяго или чешвертаго блюда, дружка со свахою выводили новобрачныхъ изъ-за

(*) Это наблюдалось и при обыкновенномъ выѣздѣ бояръ (Опыт. о Рус. древности).

(**) Свадебная пѣсня N.

(***) Вспарину къ боярамъ низшіе ихъ не взѣзжали на дворъ но оспанавливались у ворошъ, что продолжалось даже до времени ПЕТРА.

спола и провожали ихъ въ спальню, причѣмъ пѣли: *гѣрны кудри за столъ пошли* и проч., госпи же продолжали ужинашь, а нѣкошорые оспавались и до шѣхъ поръ, пока *молодые* вспануть. При семъ наблюдались также особенные обряды. Спальня въ сіе время пригошовлялась въ особенномъ перему, называемомъ *спальнымъ сѣнникомъ* (*), кошорой сосполялъ изъ сѣней и одной комнапы безъ печи. Въ семъ холодномъ перемѣ — вѣроятно по какимъ нибудь особеннымъ причинамъ, клали новобрачныхъ даже зимою. Украшеніе перема сего было также особенное; въ каждомъ углѣ вопкнуша была спрѣла, а на спрѣлѣ висѣло по собою и по калачу; подъ ними на скамьяхъ спавили по оловянику (**), меду. Трудно объяснишь, для чего сіе дѣлалось; кажешся однакоже, что эшо оспавокъ языческаго обряда и, можеть бышь, жершва

(*) Проспой народъ пригошовлялъ ее дѣйствительно въ сѣнникахъ и сараяхъ, опъ чего, можеть бышь, и вышло сіе названіе.

(**) Оловянная долго считалась у насъ пышною ушварью.

пенашамъ, копорыхъ предки наши называли домовыми (*); ибо въ день свадьбы въ шерему образовъ не бывало, но спавили ихъ въ сѣняхъ, на каждой спѣнѣ по одному; въ шеремъ же вносили на другой день (**). Брачная постеля, даже самыхъ Царей, соснояла въ сіе время изъ 39 ржаныхъ сноповъ, копорые — можешъ бышь по суевѣрїю, считались палисманомъ плодородїя. Снопы покрывались ковромъ и сверху проспынею. На постель въ головахъ клали двѣ подушки, сшитыя вмѣстѣ, позади копорыхъ въ кадѣ, наполненной рожью, спояли брачныя свѣчи, также вмѣстѣ связанныя; въ ногахъ лежало кунье одѣяло и соболя шуба; сваха, провожавшая новобрачныхъ, имѣла на себѣ двѣ шубы, изъ копорыхъ верхняя надѣвалась наизнанку; для чего сіе дѣлалось, неизвѣстно. Не означали ль шубы, такимъ образомъ надѣшыя, чрезъ теплоту, ими сообщаемую, взаимной обоюдной люб-

(*) Проспой народъ и шеперь вѣришь домовымъ.

(**) Образа сіи предспавляли обыкновенно рождество Христа и рождество Пречиспой.

ви и спокойствія, и не съ такою ли мыслию въ церкви подспилали подъ ноги жениху и невѣснѣ соболи. Сваха оспанавливалась у дверей сѣнника и вручала, или по погдашнему, выдавала жениху невѣспу; при чемъ дѣлала ей нѣкоторыя наспавленія (*), а въ знакъ будущаго изобилія и веселой жизни осыпала ихъ рожью и хмѣлемъ. Со времени пригошповленія брачной поспели, и во всю ночь, вокругъ сѣнника ѣздилъ верховой съ обнаженною саблею, вѣроятно изъ предоспо-рожности, чшобы колдуны и ворожеи не испоршили (***) новобрачныхъ. Когда молодые оспавались одни, погда невѣспа

(*) И кому выдавали В. Княгиня и онъ шупъ, выдаетъ во дверяхъ и *говоритъ рѣче*. Описаніе свадьбы Вел. Кн. Василія Іоанновича, 1526 года.

(**) Вспарину, по погдашнему суевѣрью, при рожденіи и свадьбахъ спарались имѣшь, шакъ называемыхъ, *знахарей*, которыя не допускали колдуновъ и ворожей дѣлать порчи. Поспелвичій, при вспупленія въ должность, давалъ кляпшву охраняшь Государеву пдспель опъ волшебства и колдовства.

должна была сниматьъ съ жениха сапоги; въ одинъ изъ нихъ клалась обыкновенно небольшая плетка, кошорою ударялъ онъ ее при разѣ, въ знакъ будущей своей надъ нею власти (*). Былъ еще обычай, что сваха, останавливаясь у дверей перема, прежде осыпанья, кормила новобрачныхъ курицею, а на другой день, входя въ перемъ, въ самой постелѣ кормила ихъ кашею; что означалъ обрядъ сей, опгадашь трудно. На другой день поупру рано сваха приходила къ невѣстѣ (**). При чемъ выславляли на дворѣ

(*) Обычай разувать жениха въ древности былъ вѣроятно у самыхъ Царей. Рогнеда на предложеніе выпши за Владиміра Святославича отвѣчала: не хочу разувать сего рабынича.

(**) Сей обычай, сохранившійся по сіе время въ проспомъ народѣ, въ прежнія времена строго былъ наблюдаемъ даже самыми Царями. Тапищевъ говоритъ (Росс. Исп. кн. 1. стр. 594), что Царю Феодору Алексѣевичу, когда онъ женился на Агаѣи Григорьевнѣ Грушецкой, на другой день свадьбы угодно было исполнить обрядъ сей

красное знамя (*). Въ сей же день въ домѣ новобрачныхъ бывалъ, такъ называемый, княжой пиръ, получившій названіе, можешь бышь, отъ его пышности (**). На широкихъ дубовыхъ столахъ, покрытыхъ скашперьми браными, въ сосудахъ серебряныхъ расплавлены были разныя вкусныя Рускія яства: пироги, короваи, уха, щи, пшицы домашнія и дикія, сперяди паровыя, щуки живыя, охобы бѣлужія, коврижки сахарныя, марципаны, нѣсколько блюдъ сахаровъ узорочныхъ (изображающихъ разныя фигуры), сахаровъ леденцовъ на разныхъ

въ присущствіи призванныхъ нарочно старыхъ бояръ. Въ описаніи свадьбы Великаго Князя Василія Ивановича, бывшей 1526 года, упоминается также о вскрытіи Великой Княгини.

- (*) Сей обычай, сущесвующій и понынѣ въ Малороссіи, кажется, не вездѣ былъ наблюдаемъ.
- (**) На семь пиру родители новобрачныхъ почитались первыми госпями; въ самой же день свадьбы за столомъ, равно какъ и въ церкви, не бывали.

овоцахъ (въ видѣ овощей), сахаровъ зеренчатыхъ на разныхъ пряныхъ кореньяхъ, смоквы, сукапы, шапталы, имбирь въ пашокъ и проч., а въ дорогихъ кубкахъ пѣвились меды спавные, пива маршовскія, вина Фразскія. — На семь-шо пиру предки наши, въ искренныхъ бесѣдахъ забывая суелы и горести жизни, веселились и выпивали брашину досуха.

Таковъ былъ обрядъ старинныхъ Рускихъ свадебъ! Пусть, кто хочеть, смѣется надъ сими обычаями, называетъ ихъ нелѣпыми; но я люблю смолръвъ на сіе торжественное прощанье красавицы съ ея подругами, на сіе разплетеніе косы, на сіе развѣвующееся знамя непорочности. Торжественность обрядовъ, поражая воображеніе, возвышаетъ душу, а слѣдовательно имѣеть доброе вліяніе на самую нравственность. Въ прежнія времена, когда люди болѣе чувствовали, нежели размышляли, рожденіе, женишба и смерть, при важнѣйшія эпохи нашей жизни, сопровождались многими обрядами и пиршествами; теперь, когда все спарашя подчинить какому-шо началамъ, чувства охладѣли и

Часть XIX. Кн. II.

мы равнодушно смотримъ на сіи эпохи. Свадебные обычаи часъ опъ часу перяются; пѣсни, упошребляемыя при оныхъ, едва слышны уже въ простыхъ хижинахъ; но было время, когда онѣ раздавались въ златоверхихъ палашахъ княжескихъ. Нельзя не пожалѣть о семъ пишическомъ времени!

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О

К И Т А Й Ц А Х ъ .

Китай, государство древнѣйшее, многочисленнѣйшее и, послѣ Россіи, обширнѣйшее между всѣми, нынѣ существующими, едва находишь для себя малую справку во всеобщей новѣйшей Исторіи. Между пѣмъ Историкъ-философъ долженъ съ удивленіемъ остановиться при разсужденіи судьбы сего государства, особенно, если онъ будетъ ее сравнивать съ судьбою другихъ царствъ.

Съ половины XIII столѣтія по Р. Х., т. е. со времени появленія Монголовъ, исторія Китая соединяется съ исторіею другихъ народовъ. По различнымъ историческимъ разысканіямъ видно, что Китай составлялъ, какъ и нынѣ, особенное государство задолго еще до Р. Х. Въ немъ сдѣланы многія открытія въ наукахъ и художествахъ прежде, нежели въ Европѣ, чѣмъ однако Европейцы не переспрашиваютъ гордиться. Китай, въ теченіе столѣтій вѣковъ, когда въ другихъ странахъ множество государствъ появлялось и исчезало, все остается въ одинакомъ положеніи. Какая загадка для наблюдательнаго ума! Одно физическое отчужденіе сей страны отъ другихъ государствъ не могло бы такъ долго поддерживать ея прочнаго существованія, если бы не присоединялись къ тому нравственныя причины. Судя по сему, всѣ свѣденія о внутреннемъ устройствѣ Китая должны быть для исторіи драгоценными; потому что изъ нихъ можно современемъ составить удовольстви-

шельный опвѣсть на шрудный вопросъ для государшвеннаго человѣка: „что болѣе всего способствувешъ къ сохраненію бышнѣя народнаго?“

Подробности о Кипайскихъ внутренихъ учрежденіяхъ могутъ быть полезны для Россіи и въ другомъ опношеніи. Кипай наша сосѣдшвенная держава. Мы имѣемъ съ нимъ частыя сношенія по шорговлѣ. Посольство наше, поддерживающее дружешвенную связь Россіи съ Кипаемъ, имѣетъ шамъ свое пребываніе.

Побуждаемы будучи сими причинами, мы помѣщаемъ въ своемъ Журналѣ нѣсколько *Статистическихъ отрывковъ*, доставленныхъ въ Общество почтенною особою, получившею ихъ опъ чиновника, нѣсколько лѣтъ жившаго въ Кипаѣ при Россійскомъ Посольствѣ. Сіи отрывки показали намъ любопытными не столько по вліянію ихъ на гражданшвенность Кипая, сколько по *оригинальности*, которую опмичающся Кипайцы опъ другихъ народовъ.

О Китайскихъ чиновникахъ и ихъ отличіяхъ.

Китайскіе чиновники раздѣляются на девять классовъ. Чиновникъ каждого класса имѣетъ особенной знакъ на своей шапкѣ, или шляпѣ, которой походитъ фигурую на грѣцкой орѣхъ. Сіи знаки суть слѣдующіе:

- У чиновн. 1 класса — гладкой красной королекъ.
 2 ——— красной королекъ съ рѣзбою.
 3 ——— голубой камень.
 4 ——— синее стекло.
 5 ——— воспочный хрусталь.
 6 ——— бѣлой камень.
 7 ——— золотой, или мѣдной позолоченой.
 8 ——— золотой съ рѣзбою.
 9 ——— серебряной.

Царевичи, называющіеся по Манжурски Аге, носятъ на шапкахъ значки, сплешенные изъ краснаго шелку. Хан-

ской фамилии Вань, Бейле, Беизе, Гунь имѣють на шапкахъ красной яхонть.

О Китайскихъ деньгахъ.

У Кишайцевъ нѣтъ золотой и серебряной монеты: вмѣсто нея употребляютъ большіе и малые слитки золота, которыхъ цѣна опредѣляется вѣсомъ. Самые большіе слитки, вѣсомъ въ 50 *ланъ* слиткомъ, называющагося *юань-богу*; слитки, вѣсомъ ошь 10-до 5 и 4 *ланъ*, называющагося *динъ-дзы*, или *инь-динъ*; самые малые слитки называющагося *иньке-дзы*.

Въ Кишаѣ серебро употребляется разныхъ пробъ. Самое чистое, никакой примѣси не имѣющее, выходитъ изъ казны — и потому Рускіе это серебро называютъ *Ханскилѣ*, а Кишайцы *вынь иньи сиси иньдзы*, т. е. чистое и шонко-слоинное серебро; потому что оно имѣетъ на себѣ шонкіе слои, а на серебрянѣ примѣсью слои толще и грубѣе. Такимъ образомъ у нихъ, при покупкѣ, между купцемъ и продавцемъ дѣлается уговоръ: на какое серебро первый поку-

паешъ, и съ какихъ вѣсовъ вѣспорой продаешъ (попому чпо всякой имѣешъ вѣсы по произволу разные).

Кишайскія имяна вѣса:

1. Гинь, 2. Лана, 3. Чинь, 4. Фунь,
5. Ли.

Гинь соспоишъ изъ 12 лань; лана изъ 10 чиновъ, чинь изъ 10 фуновъ; фунь изъ 10 ли. Лана наспоющаго вѣса содержишъ въ себѣ восемь золопниковъ. Чинь по своему вѣсу равняешся нашимъ $16\frac{2}{3}$ коп.; фунь $1\frac{2}{3}$ к.; ли $\frac{1}{3}$ к. Рубль Россійской принимаешся наравнѣ съ 6-ю чинами; гривна съ 6-ю фунами, копѣйка съ 6-ю ли, или съ 6-ю мѣдными Кишайскими деньгами, копорыхъ на одну лану чисшаго серебра выдаешся 1000 по казенной цѣнѣ.

Отрывки изъ Китайскаго сочиненія:

У-дзинь, ш. е. военныя преданія.

1. Какъ рыба идешь на хорошіи прикормъ, шакъ воинъ спремился за великой наградой.

2. Полководецъ можешъ пользовашь-ся не шолько дарованіями мудрыхъ и храбрыхъ мужей, при немъ находя-

щихся, но также шпудами и силою глушцевъ и корысполубцевъ: великое искусство для полководца — вникнуть и управлять ихъ сердцами!

3. Полководецъ, не имѣя въ виду рѣки или колодца, не долженъ говорить о жадѣ; также, пока солдаты не укрепятся пищею, упоминашь о голодѣ — и, не расспавя лагерь, объ опдыхѣ. — Онъ зимою не долженъ одѣваться въ теплое, лѣпомъ имѣшь при себѣ *зверѣ* а въ проливной дождь *парасоль* (*). Поспущая такимъ образомъ, онъ привлечеть къ себѣ сердца всѣхъ: опъ него ничто не удалитъ ихъ; какъ бы онъ ими ни дѣйствоваль, никогда не доведеть ихъ до крайности.

4. Главнокомандующій арміей есть душа государства; опъ его благоразумія зависить покой всего народа — а по сему государь обязанъ доставитъ ему во первыхъ: спокойствіе и веселіе духа; во

(*) Въ Кишаѣ Вельможи лѣпомъ носятъ вѣры, а во время дожда держатъ надъ ними парасоли.

впорыхъ: хоня Государь входишь въ его распоряженія, но не долженъ подозрѣвать его ни въ чемъ; когда главнокомандующій не спокоенъ, по теряешь довѣріе и надежда между войскомъ и народомъ: великая выгода для непріяшеля, если главнокомандующій въ подозрѣніи у своего государя!

Указъ Китайскаго Богдо-Хана Юнб-Джина, данный въ 1726 году при пожалованіи отличными Вельможамъ буквы, означающей Счастіе, писанной собственною его рукою.

Въ печеніе многихъ лѣтъ правленія моего я ежегодно, по запечатаніи государственнѣйшей печати (*), жалуя васъ вельможъ, въ столицѣ и въ губерніяхъ находящихся, *буквою стастіа*, писанной собственною моею рукою.

(*) Въ Кишаѣ есть законъ, чшобы, предъ началомъ новаго года, запечатываютъ государственныя печати, въ знакъ закрытія всѣхъ присутственныхъ мѣстъ на одинъ мѣсяць.

Вы, принося мнѣ благодарность за сію милость, говорите, что удостоились получить отъ меня счастье. Сія слова неблагоприятны и противны истинному закону: Какъ могу я жаловать вамъ счастье, когда не только я, но и самое Небо не доставляетъ его безъ причины? Въ священныхъ преданіяхъ сказано: „полезно поспѣдовать закону, но пагубно не повиноваться ему. Законъ небесный за добро воздаетъ счастье, за пороки же несчастіе. Семейство, украшенное добрыми дѣлами, изобилуетъ счастьемъ: счастье, самимъ собою снисканное, велико!“ О сколь ясно, глубокомысленно и удобопонятно сіе ученіе великихъ и премудрыхъ мужей!

Какъ плѣнь неизмѣнно слѣдуетъ за плѣломъ, такъ воздаяніе за добромъ и зломъ. Снисканіе счастья зависитъ отъ собственнаго спаранія каждого человѣка — и въ семь случаевъ никто не можетъ ему вспомошествовать. Сверхъ сего счастье состоитъ не въ богатствѣ и почестяхъ, не въ бѣдности и низкомъ состояніи: есть счастье богатыхъ и возвы-

шенныхъ, равно какъ счастье бѣдныхъ и низкаго сословія людей. Часно видимъ мы, что бѣдный и низкаго сословія человекъ, живущій согласно съ закономъ и хранящій свои обязанности, не печалится, не ропщетъ и не съшуешь. Онъ духомъ покоенъ, душою чистъ, и всѣ чувства его между собою въ согласіи; словомъ: живешь счастливѣ богача и вельможи — слѣдовательно каждый имѣешь собственное свое счастье.

Я для того единственно всякой годъ жалую вамъ *букву счастья*, чтобы вы, взирая на нее очами, душевно размышляли, что ежечасно можно снискать счастье, и шворили по, чѣмъ оно снискивается, согласно словамъ поэтовъ: „когда ты самъ усиленно будешь спараться снискивать счастье, то всѣ блага спешатъ къ тебѣ.“

Почти всѣ вельможи, обыкновенно, говорятъ мнѣ: „наше счастье зависитъ отъ васъ.“ Сіи слова, также, какъ и первыя, противны закону. Я тогда счастливъ, когда вы, вельможи, счастливы, и слѣдовательно мое счастье зависитъ отъ

вась, или лучше сказать, какъ вы, такъ и я, можемъ назваться счастливыми, когда всѣ соспомята нашего государства наслаждаются благоденствіемъ, а по сему общее наше счастье соспоитъ въ счастіи народномъ.

О Т Р Ы В О К Ъ

И З Ъ

ТУРЕЦКОЙ ИСТОРИИ

XVI спол.

Солиманъ знаменишый, другъ великодушнаго Франциска I, былъ Государь воинспвенной, щедрой, любимый народомъ. Онъ ни въ одномъ почши предприятіи не имѣлъ неудачи: онъ завоевалъ Бѣлградъ, островъ Родось, побѣдилъ Венгровъ при Могачѣ, гдѣ палъ Людовикъ II., Король Венгерскій и Богемскій, съ цвѣшпомъ Дворяншва обоихъ Королевспвъ, и погнбло слишкомъ двадцать тысячъ воиновъ; онъ принялъ подъ защиту знаменишаго Барберуссу; покровншельспво-

валь Стефана на пресполь Венгерскомъ и въ шоже время поражасть его совмѣспника Фердинанда; сражался счастливо на берегахъ Ипаліи; возпановиль на шронѣ Трансильванскомъ честполюбивую Изабеллу и ея сына, словомъ: Солиманъ былъ счастливъ всюду, кромѣ домашней жизни. Его исторія имѣеть, коша опдѣльную, но довольно занимательную связь съ бытописаніями нашего опечеспва XVI спольшія, ибо шогда *плѣнница Россіанка* управляла проспранною Имперією Османовъ съ сердцемъ великаго Падишаха, и дѣшей своихъ возвела изъ колыбели рабства на верхъ всемогущества Воспока.

Послушаемъ, что повѣспвуютъ знаменишые авторы о семъ произшесствіи (*).

1553. Въ шо время, какъ Бѣлградскій Паша вынудиль Фердинанда оставишь Трансильванскую корону мудрой Изабеллѣ, Солиманъ воеваль съ Персією и былъ удрученъ домашними гореспями. Своими великими дарованіями онъ превосходилъ

(* (Mém. de Ribier, II. 457. — Robertson, Hist. de Charles-Quint, tom. VI. pag. 41—54.)

всѣхъ Князей фамиліи Опшомъзовъ; но спраспи обуревали его сполькоже, какъ и всю сію знаменишую опрасль. Онъ наблюдалъ спшкомъ права своего сана, былъ скоръ и жестокъ въ гнѣвѣ, наклоненъ ко всѣмъ испусленіямъ пои любви, копорая въ спранахъ воспочныхъ являетъ едва ли вѣрояшныя произшествія. Черкашенка, рѣдкой красопы, была его первѣйшею любимицею; она даровала ему сына Мустафу. — Доспоинства и порода сего Князя заставили Солимана назначишь его своимъ наслѣдникомъ. Однако же Рокселана, плѣнная Россіянка, овладѣла сердцемъ Сулшана и вышѣснила свою совмѣстницу. Будучи сполько хипра, что могла склонишь на свою спорону побѣду, она одна въ продолженіи многихъ лѣшъ владѣла сердцемъ Сулшана и увеличила семейство его нѣсколькими сынами и одной дочерью. Между шѣмъ неограниченная власть ея надъ Монархомъ, коего половина свѣша почипала, или спрашилась, была оправлена гореспнымъ предчувствіемъ: видѣшь нѣкогда Мустафу на пресполь, а сыновой своихъ, по варвар-

ской политикѣ Турокъ, принесенными въ жертву безопасности новаго Императора. Безпрестанно занятая сею прискорбною мыслію о будущемъ, она видѣла въ наслѣдникѣ врага дѣтей своихъ и поклялась ему ненависшію мачихи. Рокселана скоро возжелала погубить Мустафу, чтобы упрочить прронъ одному изъ дѣтей своихъ. Чесполюбивая душа и умъ, преисполненный понюкости, содѣлывали ее способною все предпринять и все исполнить. По согласію Судпана, сочешавъ свою дочь съ Великомъ Визиремъ Рюспаномъ, она открылась сему хитрому Министру—и Рюспанъ, разсчитывая по собственнымъ пользамъ покровительствовать возвышенію новой опрасли царскаго дома, обѣщала всѣми силами помоществовать сему предпріятію.

Оба условились о мѣрахъ. Рокселана начала являть самую величайшую ревность къ Магомѣтанской религіи, къ которой Солиманъ слѣпо былъ привержень. Она пожелала выстроитъ мечеть, стоящую чрезмѣрныхъ иждивеній — дѣло, считаемое у Турокъ изъ числа шѣхъ благъ,

за копорыя опредѣляешся основашельмъ царствіе небесное. Муфли, у коего она испрашивала соизволенія на сіе святое дѣло, осыпаль ее величайшими похвалами; но, привлеченный Рюспаномъ на свою сторону, объявилъ Рокселанъ, что сошюяніе *невольницы* лишаешъ ее на по всякаго права, и слѣдовашельно, оное будешъ принадлежатъ Государю, кѣторой по шому вкуситъ плоды ея созидаемаго верпограда. Такой отвѣшъ, казалось, подавилъ ее горестію; она пришворно впала въ глубокую скуку; казалось, ей наскучили не токмо удовольствія жизни, но и самая жизнь спановилась въ шягосшъ. Солиманъ находился тогда въ арміи: извѣщеннй о печали своей любезной и о причинахъ оной, онъ оказалъ всю заботливость пылкаго любовника, и собшвенноручною граматою объявилъ ее *свободною*. Довольная первымъ успѣхомъ, она начала спроинть мечешъ, и приняла прежнюю живосшъ и веселосшъ своего хакіпера. Солиманъ между шѣмъ, возвращившись въ Конспанлинополь, послалъ одного эвнуха въ Сераль пригласишъ

свою любимицу раздѣлить его ложе. Рокселана, съ видомъ наиглубочайшей горести, но рѣшишельно и швердо, отказалась повиноваться, говоря: что было честью рабы, по содѣлываешся прешупленіемъ для жены свободной, и что она никогда не согласится допустить Султана къ споль явному нарушенію законовъ Магомешовыхъ. Солиманъ, коего сія дожная чувствившельность раздражала спрасшь болѣе и болѣе, прибѣгнуль къ совѣпамъ Муфши. Первосвященникъ сообразно Алкарѣну отвѣчалъ, что мнишельность Рокселаны была основательна; но присовокупиль, по наущенію Рюшана, что Султану не трудно опклонить препоны, избравъ ее своею законною супругою. Эшо значило нарушишь то полишическое постановленіе, кошорое шщеславіемъ Опшомановъ, опъ времянь Баязета I, считалось неприкосновеннымъ (*). Однако предложеніе Муфши

(*) Жена сего Государя, когда опъ былъ плѣнникомъ Тамерлана, была безчеловѣчно посрамлена — и Султаны, наслѣдовавшіе ему, дабы предохранить себя опъ подоб-

приняло съ радостію, и влюбленный Солиманъ торжественно женился на своей любимицѣ.

Чѣмъ болѣе была жершва, тѣмъ сильнѣе Рокселана удостовѣрилась въ своей власпи надъ сердцемъ Монарха. Всего надѣясь и ничего не спрашась, она рѣшилась погубить Мустафу. Сей юный Князь, по принятому въ то время обыкновенію Сулпановъ, управлялъ многими провинціями, и сверхъ того ошець вѣверилъ ему начальствованіе Діарбекира, древней Мессопотаміи, которую Солиманъ, изпоргнувъ изъ рукъ Персіанъ, присоединилъ къ своей Монархіи. Во всѣхъ сихъ обязанностяхъ Мустафа являлся правдивымъ и умѣреннымъ; его храбрость, его великодушіе содѣлали его другомъ народа и любезнымъ войску — и сіе искусство привязывать къ себѣ сердца было сопровождаемо толкикимъ благоразуміемъ, что совершенно не возможно было приписать ему какой либо порокъ,

наго поруганія, уже болѣе не избирали женъ изъ класса рабынь.

могущій измѣнишь доброе мнѣніе Солимана о своемъ сынѣ. Но злоба Рокселаны была упорна: она избрала самыхъ добродѣтели Мусшафы орудіями его гибели. Нѣсколько разъ, въ присушествіи Султана, она гордилась добродѣтелями молодаго Принца, хвалила его мужество, его щедролубіе и угодливосць народу. Сии похвалы, увеличенныя и повторыемыя съ ядовитыми выраженіями, произвели ожидаемое дѣйствіе. Почтеніе Солимана къ своему сыну не могло избавишь его отъ самыхъ гибельнѣйшихъ подозрѣній; напослѣдокъ Падишахъ не могъ думать о Мусшафѣ безъ ревности и боязни. Рокселана предвидѣла это и симъ воспользовалась. Будучи однажды съ Султаномъ, она какъ бы случайно склонила свой разговоръ на Баязета, который былъ пораженъ неизъяснимою тоскою, видя сына прошиву себя возмутившагося; потомъ говорила о храбрости спарыхъ полковъ, предводимыхъ Мусшафою; она замѣтила, что обласнь Дярбекиръ была смѣжною съ владѣніями Персидскаго Софи, смертельнаго врага Солиманова. Слишкомъ

шонкая вкрадчивость Рокселаны нечувствительно воспріяла въ глазахъ ея супруга видъ истины — и бѣшенство подозрѣнія заглушило послѣднюю искру нѣжности въ родительскомъ сердцѣ; чрезвычайная ненависть заступила мѣсто чувствованій природы. Солиманъ окружилъ своего сына шпионами, дабы наблюдать всѣ его слова, всѣ поступки. Уже онъ не довѣрялъ ему, какъ своему наизлѣйшему непріятелю.

Рокселана рѣшилась еще на одинъ шагъ: дѣло состояло въ томъ, чтобы требовать отъ Султана позволенія для своихъ сыновей явиться при дворѣ. Она льстила, что, имѣя доступъ къ опцу, они могутъ своимъ покорнымъ поведеніемъ и любезными качествами замѣнить Мустафу въ его сердцѣ. Монархъ, всегда снисходительный, согласился еще разъ нарушить правила фамилии Опшомановъ. Но этого было недостаточно; Рюспанъ къ симъ женскимъ интригамъ присовокупилъ несравненно хитрѣйшее коварство. Министръ повелѣлъ Пашамъ областей, сопредѣльныхъ Діарбекиру, весити съ нимъ

постоянную переписку, дабы извѣщать его о правленіи Мустафы въ обласяхъ, ему вѣренныхъ. Онъ увѣрялъ каждого въ особенноти, что для Султана ничего не можеть быть пріятнѣе, какъ слышать о прекрасныхъ дѣйствіяхъ сына, которій назначень имъ поддержасть знаменитость и славу Оштомановъ. Паша, не знавшіе злыхъ видовъ Визиря, вмѣнили себѣ въ честь идолопоклонничать Падишаху, наполняли свои письма похвалами, гибельными для Мустафы, описывая его Княземъ, достойнымъ наследовать своему знаменитому опцу, ишли по слѣдамъ его и, можеть быть, нѣкогда сравнялись съ нимъ въ именинотости. Салиманъ видѣлъ всѣ сіи письма, а окружающіе имѣли заботливостъ показывали ихъ въ то время, когда они должны были производить на него самое несчастнѣйшее впечатлѣніе. Каждая похвала сыну равнала его сердце. Онъ сталъ подозрѣвать Пашей въ ихъ готовнотости поддерживать предпріятія наследника, и уже, думая видѣть Мустафу съ оружіемъ въ рукахъ, а себя колеблющимся на тро-

нѣ, онъ рѣшился упредить ударъ и сыновнею смертію утвердить корону на главѣ своей.

Подъ предлогомъ возобновленія войны съ Персіянами, повелѣно Рюшану съ многочисленною арміею выступить въ Діарбекиръ и избавить Падишаха отъ сына, коего гибель казалась необходима для его безопасности. Проницательный Визирь боялся навлечь на себя общенародную ненависть, исполняя споль свирѣпое приказаніе, а пошому едва достигъ Сиріи, то и писалъ Солиману о предполагаемой опасности, копорая, по словамъ его, была споль велика, что требовала Султанскаго прибытія. Мустафа, говорилъ онъ, уже наполнилъ лагерь своими лазутчиками; большая часть воиновъ привлечена къ нему и онъ пользуется любовью всей арміи. Открыли начашую переписку съ Персидскимъ Софи, касательно женишбы Мустафы на одной изъ дочерей сего владѣтеля. Визирь дополнилъ, что его ревности и полномочіе были недоспашочны въ споль крипическихъ обществвахъ, и что Султанъ одинъ

только имѣть столько мудрости, чтобы избрать лучшее средство, и столько власти, дабы произвести оное въ дѣйствіе.

Сія ложная клевета о сношеніяхъ съ Софи была послѣднимъ ударомъ адскаго заговора Султанши и возымѣла все дѣйствіе, котораго слѣдовало ожидать отъ закоренѣлой къ Персамъ ненависти Солимана, и погрузила сего Государя въ испугленіе наивеличайшей ярости. Тогдашнѣе онъ отправляется въ Сирію, ускоряя путь съ неперерывнымъ страхомъ и мщенія. Лишь только прибылъ онъ въ армию и сообразилъ съ Рюспаномъ, какія принять мѣры, послалъ къ сыну Чауша съ повелѣніемъ предстать предъ лице свое. Мусшафа уже вѣдалъ объ интригахъ своей мачихи; ему были извѣсны коварство Великаго Визиря и буйный характеръ Султана; но, надеясь, что невинность и покорность легко опровергнутъ обвиненія его враговъ, Мусшафа повиновался безпрекословно повелѣніямъ родителя. Онъ прибылъ въ станъ и былъ введенъ въ шатеръ Солимана. Сначала ему не предсказалось ничего, могущаго посвѣ-

яшь безпокойство; не видно было убій-
 сшвенныхъ орудій, ни многочисленной
 свипы; однимъ словомъ: тамъ царство-
 вали порядокъ и обыкновенная тишина.
 Однако *безотвѣтные* не замедлили по-
 явиться. Мустафа, при видѣ ихъ, болѣе
 не сомнѣвался въ своемъ жребіи; онъ вскри-
 чалъ: *хотябъ убить меня*, и спѣшилъ вы-
 бѣжать. *Безотвѣтные* кидаются на него;
 онъ сопротивляется, бьется съ ними, и
 твердымъ голосомъ пребуеетъ непремѣн-
 но свиданія съ Султаномъ. На послѣдокъ
 съ новыми силами опчаянія и надежды
 получишь помощь отъ полковъ, еслибъ
 удалось вырваться изъ шашра, онъ оста-
 навливаетъ долгое время усидія своихъ
 палачей. Солиманъ слышитъ крики сына
 и шумъ его сопротивленія. Въ неперпѣ-
 ннхъ мести, дабы не ускользнула его жерп-
 ва, онъ разкрываетъ завѣсу, которая
 раздѣляла шашеръ; вступая туда, ки-
 даетъ яростные взоры на *безотвѣтныхъ*,
 и угрожающими движеніями обвиняетъ
 ихъ въ медленности и малодушіи. Силы
 измѣнили Мустафѣ при видѣ отца разъ-
 яренного и жестокаго; мужество оспа-

вило его; палачи опушали роковую пещлю около шеи его и въ мгновеніе ока исторгли у него жизнь. . . .

Тѣло наслѣдника выславили предъ шатромъ Султана; удивленные воины окружили оное и, разсмапривая сей горестный предметъ съ равнымъ негодованіемъ и горестію, были готовы къ мятежу, еслибъ кто вызвался бытъ ихъ главою. Изъявивъ наружные знаки своей преданности, каждый заключилъ въ своей спавкѣ, дабы оплакать вшайнѣ злополучный жребій шполь любезнаго Князя. Въ шоль день никто изъ нихъ не хотѣлъ принимать пищи, ни воды — и когда напустило упру, прежняя пищина и мрачность еще царствовали въ лагерь.

Солиманъ спрашилъ, дабы сіе ужасное спокойствіе не нанесло грозы. Чпобъ угодить войску, лишилъ печати Великаго Визиря, съ повелѣніемъ удалиться, и возвелъ на сію степень Ахмета, военачальника храбраго и пользующагося любовью арміи. Впрочемъ немилость къ Рюшану была условленною игрою. Имъ

самимъ внушено было сіе средство, какъ единственное, могущее спасти его и повелишеля. Черезъ нѣсколько времени, когда неудовольствіе войскъ начало утишаться, и имя Муспафы изгладилось въ сердцахъ, Ахметъ, по повелѣнію Салимана, былъ удушенъ — и Рюспанъ возстановленъ въ достоинствѣ Визиря. Съ своимъ прежнимъ всемогуществомъ, онъ возобновилъ умысль, внушенной ему Рокселаною, изкоренить родъ Муспафы. Несчастный оставилъ единственнаго сына, который нѣкогда могъ бы отмстить смерть отца своего. Противу него вооружили ярость Султана — и снова обманушій вѣнценосецъ согласился на смерть юнаго Князя. Эвнухъ, отправленный въ Бурзу, гдѣ находилась сія невинная жертва, исполнилъ порученіе съ звѣрскою ревностію, и сыновья Россіянки Рокселаны не имѣли болѣе совѣснниковъ на пути къ шрону.

Алексѣй Мартосъ.

ЛИТЕРАТУРА.

А.

П Р О З А.

О Л Ю Б В И К Ъ С Л А В Ъ.

(Изъ Вейсе).

Желаніе возвыситься имѣеть разныя ошрасли, по причинѣ разнообразія характеровъ и сужденій. Любовь къ славѣ.— сшрасль благородная, хопя съ нѣкоторой спороны зависящая ошъ мнѣнія, есть главнѣйшая ошрасль; но она дѣлается бичемъ человѣческаго рода, когда упорно, безъ разбора и не разсуждая о послѣдствіяхъ, сшремится къ цѣли своей. Объ эпомъ много говорено было. Завоеватель, который единсшвенно изъ личной выгоды, или для какой нибудь

мнимой славы — вездѣ оставяетъ за собою слѣды опустошенія, убійства и грабежа — дѣлаетъ тоже, что разбойникъ, только въ большемъ видѣ. И сія приобретаемая имъ знаменитость, вмѣсто удивленія, должна возбуждать въ насъ чувства презрѣнія и ненависти, чувства равныя вреду, который нанесъ онъ обществу благу.

Весьма должно быть занимательно извлеченіе изъ исторіи честолюбія, въ которой можемъ подробно увидѣть образъ дѣйствія и пайныя орудія сего великаго множества людей, изъ ничтожества достигнувшихъ высшей степени извѣстности. Разсматривая способы, коими они руководствовались, вѣроятно убѣдимся, что много помогли имъ способности, отважность еще болѣе, а счастье столько же, сколько и другое.

Иное, полезнѣйшее изъ оной извлеченіе, покажетъ намъ двѣ партіи съ именами честолюбцевъ, изъ коихъ одни съ успѣхомъ, другіе безъ успѣха искали славы. Чрезвычайное превосходство, пер- выхъ будетъ для насъ весьма утѣши-

пельно, и что еще важнѣе, мы увидимъ, какъ мало счастливыхъ между самыми избалованными любимцами фортуны; мы прочтемъ въ сердцахъ ихъ желанія, уможающіяся вмѣстѣ съ успѣхами, и содрогнемся вступивъ на сіе поприще, усѣянное великими безпокойствами, препятствіями, опасностями, даже мученіями.

Обыкновенный человекъ воображаетъ, что путь истиннаго благополучія есть путь, который непрерывно ведетъ къ почестямъ; но мудрость говоритъ: предпочитай спокойствіе — шуму, простоту — утонченности, прочность — блеску; убѣгай толпы искашелей сего мнимаго счастья, и даже тогда умѣй стоять въ низшемъ ряду, когда назначенъ судьбою для высокаго: ты не будешь славенъ въ своемъ собственномъ кругу; будешь первенствовать въ другомъ.

Если разсматриваешь безпристрастно, то и жалко и смѣшно будетъ видѣть, какъ увижаемся мы, какія дѣлаемъ пронырства, какъ мучимся для какихъ

нибудь призраковъ счастья — забывая, что источникъ его заключается внутри насъ самихъ. и что намъ имянно должно хранить чистоту сего источника. Вѣлкой предметъ честолюбія зависить отъ встрѣчи обстоятельствъ и отъ людскихъ причудъ; но если мы рѣшились довольствоваться тѣмъ, что зависить отъ насъ самихъ; то всѣ усилія людей у насъ его изпоргнуть будутъ бесполезны; самыя ихъ преслѣдованія послужатъ новымъ средствомъ къ достиженію цѣли. Тягоспно и ненадежно искусство угождать счастливымъ. Есть для достиженія своей цѣли другой способъ, болѣе легкой, болѣе благородной, болѣе вѣрной — искусство умѣть обойтись безъ ихъ покровительства.

Честолюбіе, основанное на алчности къ богатству, есть собственно скупость. Желаніе превенствовать надъ другими можетъ быть началомъ добродѣтели, когда происходитъ отъ желанія съ большею возможностью содѣлывать счастье себѣ подобныхъ. Но, къ сожалѣнію, ищущъ того — либо надменность, либо невѣжество, кошорыя представляющъ

себѣ, что счастье неразлучно съ величіемъ. Чтобы избавишься сего предразсудка, нужно разсмотрѣть вблизи тѣхъ, которыхъ возвышеніе возбуждаетъ зависть — и дашь себѣ опчестъ, что думаемъ собственно о нихъ, оставя ихъ шипла. Тогда легко убѣдимся, что не спойшь труда мучишься изъ такой бездѣлицы.

Часто надобно спрашивать у самого себя, подобно Фоншенелю. „Для чего „сіи достоинства, за которыми я гонюсь, для чего они мнѣ нужны? — Для „того, чтобы быть выше всѣхъ прочихъ. — А на что это? — Чтобы быть „опъ всѣхъ уважаемымъ. — А что пользы въ семъ уваженіи и почтеніи? — „Они льспяшъ моему самолюбію. — Но „будушъ ли они льспишъ ему, когда я „своимъ возвышеніемъ обязанъ не личнымъ моимъ достоинствомъ?“ — Еслибъ пакъ разсуждали о всѣхъ спрасняхъ; еслибъ давали себѣ опчестъ во всѣхъ тайныхъ своихъ движеніяхъ; еслибъ обращались къ ихъ источникамъ и разсматривали ихъ направленіе: тогда немного ос-

палось бы мнимыхъ потребностей, которыхъ нельзя бы было мало по малу уничтожить.

Человѣкъ честлюбивый, шайно спешащій о своемъ ничтожествѣ! Разсудокъ не пропишился своимъ жалобамъ: действуй по влiянiю своей любви къ славѣ; но не обманись въ выборѣ предмета для своего честлюбiя; не гонись за призракомъ вмѣсто существеннаго блага! — Всѣмъ открыто поприще любви къ славѣ: спремься къ нему, испытай силы свои, и тогда говори съ твердоспiю: *нѣтъ, не потерплю, чтобъ на землѣ былъ человекъ меня гестиде* (*).

К. Николай Голицынъ.

(*) Сiи мысли показываютъ намъ, что правила земной мудрости весьма далеки отъ высокихъ истинъ христiанскаго ученiя.

● ГРОБНИЦАХЪ

ВЪ

ПОДЗЕМЕЛЬЯХЪ ЭИВСКИХЪ (*).

(Отрывокъ изъ описанія Египта, которое сдѣлано Французскими учеными, бывшими при Египетской Экспедиціи. Последнее изданіе Панкука, 1821 года).

Между отверзшими подземельями нѣтъ ни одного цѣлаго; напрошивъ все предспавляетъ совершенное разрушеніе. Муміи не на своемъ мѣстѣ, вышачены

(*) Эивскія подземелья вырыты въ цѣли Ливійскихъ горъ симметрически по всѣмъ направленіямъ. — Онѣ состоятъ изъ коридоровъ, пещеръ и гробницъ. Гробницы сіи (hipogées) суть обширныя, разнообразныя залы, великолѣпно украшенныя скульптурой, живописью и гіероглифа-

*

изъ гробовъ, разбросаны въ безпорядкѣ другъ на друга, и нерѣдко выходы совершенно завалены ими. Должно спускаться по муміямъ, копорыя хрустятъ подъ ногами, и съ трудомъ выпаскивать ноги изъ кучи костей и шруповъ. Сначала ужасъ рожденъ отъ подобнаго зрѣлища, но къ нему привыкаешь скоро, ибо муміи не имѣютъ ничего отвращительнаго для взора и обонянія, шѣмъ болѣе, что смолистый запахъ, хотя и весьма острый, ни сколько не сходенъ съ испареніемъ шлѣющихъ шруповъ. — Опасеніе зажечь бальзамированныя и обернутыя въ смоляное

ми; разположены нерѣдко одна надъ другою; соединены узкими, иногда спиральными ходами, копорыя пересѣчены колодцами фузовъ до 30 и болѣе глубиною. Въ сихъ то, собственно колодцахъ, хранились муміи. — Древніе Египтяне изрыли сіи подземелья, дабы сохраняли въ оныхъ бальзамированныя шѣла предковъ. Попомъ въ нихъ скрывались первые христіанскіе опшельники, а теперь нѣкопоры изъ нихъ обитаемы Арабскими разбойниками.

полстное пологно муміи всего болѣе безпокойнѣе п. шниковъ. — И какъ спасись, въ случаѣ пожара, изъ сихъ излучистыхъ и глубокихъ пещеръ, гдѣ выходы и двери завалены до такой степени, что должно ползти на брюхѣ, дабы шуда проникнуть? — Въ сихъ погребахъ нѣтъ инаго свѣта, кромѣ свѣта факеловъ, а потому легко можно вообразить опасность любопытства. Какъ шрудно беречь одною успалою рукою свѣчу, между шѣмъ какъ опираешься на другую, дабы ползкомъ пробираешься впередъ по веществу, удобно возпламеняемому! — Мысль о пожарѣ шѣмъ скорѣе приходитъ на умъ, что Арабы собирають у выходовъ изъ подземельевъ разбишья ими муміи и разкладывають изъ нихъ большіе, издали примѣшные, огни. Съ намѣреніемъ ли шо, или случаемъ, неразъ бывало, что муміи загарались внутри самыхъ гробницъ, ибо шѣны и пошолки закопчены весьма сильно. — Ежели какіе нибудь Европейцы погибли шакимъ образомъ жертвою своего любопытства въ семъ лабиринтѣ, смерть ихъ была мучительна и ужасна.

Сверхъ множесства мумій, покрывающихъ дно гробницъ, встрѣчающіяся разкиданныя по полу Амулеты ручныя спашуйки, обломки большихъ испукановъ изъ глины, фарфора, камня, алебаспра и граниша, почши всѣ хорошо сохранившіеся, между пѣмъ, какъ подобныя, находимые въ Нижнемъ Египтѣ — разбины, гораздо низшей работы и часшо новѣйшаго произведенія. Все это перемѣшано съ обломками камней, насыпавшихся съ пополоковъ (*), особенно въ пещерахъ, испытавшихъ дѣйствіе огня. — Пополокъ оиъ онаго прескаеиъ и распадается мало по малу, и малѣйшее усиліе повергаетъ огромные куски на землю. Образованіе кристаллическихъ напѣковъ (stalactites), растворяющихъ составъ камня,

(*) Замѣчательно, что Египтяне столь искусные въ зодчествѣ, не знали сводовъ. — Пополки ихъ плоскіе, а ежели и выпуклы, то взводъ дѣланъ выспавкою одного камня надъ другимъ, а не обыкновенною сводною кладкою. Двери и вороша во многихъ зданіяхъ вырѣзаны полукругомъ, но безъ сводовъ.

способствуетъ къ этому: потому что стѣны гладки и ровны.

Таковъ по безпорядокъ царствуютъ теперь въ кашакомбахъ Фивскихъ! Однако живопись и лѣтная работа поперѣли менѣе. Видны нѣкоторыя разписанные и рѣзные обломки, упавшіе со стѣнъ, но этого нельзя приписать путешественникамъ, которые только въ большихъ и доступныхъ гробницахъ пытались на образецъ отщипнуть куски живописи и барельефовъ, для перевозки въ Европу.

Нельзя умолчать о важной препонѣ изслѣдовать нынѣшнее состояніе гробницъ, и. е. о множествѣ лешучихъ мышей, которыя гнѣздятся въ колодцахъ, въ пещерахъ, и безпрестанно лешають, пронзительно свистя крыльями. — Надо было бы влекому весьма сильнымъ любопытствомъ, чтобы побѣдить отвращеніе, рождающееся послѣ одного или двухчаснаго пребыванія среди сихъ пропивныхъ живошныхъ, въ жару, производящемъ отъ факеловъ и дыханія подъ шѣсными сводами, а болѣе отъ обыкновенной температуры Египетскихъ подземель-

евъ. — Реомюровъ термометръ показывалъ тамъ постоянно 22° , а въ колодцахъ пирамидъ возвышался до 25° , всегда на ровнѣ съ температурою воды въ Нилѣ.

Предположивъ, что Европейской художникъ проведетъ два или три года во внутренности камакомбъ, ему не доспачетъ ни времени, ни силъ срисовать всего, достойнаго вниманія; но кромѣ существенной невозможности замѣнить и скопировать необъяснмое множество различныхъ предметовъ, ему вспрѣпятся препятствія другаго рода, и смѣлость его изтощится прежде любопытства. Какихъ затрудненій сподобитъ пробѣжать всѣ излучистые, запушанные ходы! Дыханіе сгущается и разпалается безъ того уже душный и вредоносный воздухъ, который для обращенія имѣетъ весьма далекіе выходы. Раздражительное вліяніе смолистаго запаха на легкія, а болѣе всего неносное зловоніе опъ помеша лепучихъ мышей, скопившагося въ печеніи сполькихъ вѣковъ—успалость, чувствуемая путешественникомъ опъ держанія одного или двухъ факеловъ, наконецъ безъ

покойный шумъ летающихъ вокругъ него непопырей: вообразивъ все это, вы будете имѣть еще весьма слабое понятіе о безпокойствахъ, коимъ должно подвергаться. — Надобно представить себѣ узкіе и длинныя переходы, гдѣ должно ползти на брюхѣ, колодцы, споль многочисленныя, муміи, споль возгораемыя, и сверхъ всего, истинныя опасности ошъ разбойниковъ. — Тамъ, гдѣ совершались величественныя обряды, со всѣмъ великолѣпіемъ языческаго, со всею роскошью искусства, пупникъ, жадный къ симъ чудесамъ, принужденъ пресмыкается лицомъ въ прахъ развалинъ, и въ мѣспахъ, посвящаемыхъ нѣкогда всѣми обитателями обширной столицы, опасаться кинжала пощаеннаго разбойника. Чшобы подумали мы объ историкахъ, кои превозносили похвалами гробницы и похороны Египтянъ, еслибы стѣны, покрытыя живописью и рѣзьбой удивительной ошдѣлки, не оспались краснорѣчивыми свидѣтелями о прежнемъ своемъ величїи?

Арабы, обитатели горныхъ пещеръ, чрезвычайно бѣдны — и лишь химерическая

надежда — найши шамъ кладъ — удержива-
 ешь ихъ въ уединенныхъ, избранныхъ
 ими жилищахъ. Надежда сія пишася
 отъ времени до времени находкою не мно-
 гихъ ашиковъ изъ чистаго золота, и зо-
 лотыми листочками, которые они примѣ-
 чаютъ на обершкѣ, а иногда и на шлахъ
 мумій. Если въришь разсказамъ, они на-
 ходятъ нерѣдко мешаллическія монеты
 во рпу мумій; однакожь, не видѣвъ того
 самъ, не смѣю ручаться за истину. Кро-
 мѣ этаго, Арабы собираютъ бронзу, лам-
 пы, сосуды, наконецъ всякія хорошо сохра-
 нившіяся рѣдкости, привозятъ ихъ въ
 Каиръ и продаютъ Европейцамъ. Такимъ
 образомъ они безпресшанно заняты раз-
 капываніемъ гробницъ съ безпредѣльнымъ
 терпѣніемъ. Проницаютъ въ лабириншы,
 углубляюся въ переходы, перерываюся
 все, что лежитъ на полу, осматриваютъ
 муміи ошовсюду, рвутъ обершку въ кус-
 ки и ничего не осшавляютъ безъ испы-
 шанія. — Вообразите же себѣ Европейца,
 кошорый одинъ входитъ въ подземелье,
 не вѣдая о ихъ промыслѣ; пробѣжавъ мно-
 жество галлерей и залъ, отъ пристально

разсмащриваетъ мумію, или мечтаетъ въ глубокой тишинѣ о минувшемъ — и вдругъ изъ глубины колодца слышитъ едва слышимый шумъ! — Не почувствуетъ ли онъ волненія, не говорю ужаса или страха, но замѣчательнаго и невольнаго пререпета, отъ невозможности изъяснить въ эту минуту неожиданности сію естественною причиною? — И когда онъ увидитъ бѣлую фигуру съ лампою въ рукѣ, медленно встающую изъ груди мертвыхъ тѣлъ, не нужно ли ему будетъ все присутствіе духа, чтобы угадать въ этомъ привидѣніи — Араба, закупаннаго *барнцолѣ* (*), который добровольно погребаешь себя между мертвецами и при свѣтѣ лампы своей ищетъ древностей?

Мы замѣтили выше причины разрушенія поповковъ; паденіе подпоръ и столбовъ ускоряетъ оное. Отъ времени до времени они порождаются отъ нихъ огромныя плещы — и бѣда бытъ неосторожну, или слишкомъ заняту. Однажды

(*) Обыкновенная и почти единственная одежда Арабовъ.

четверть столба рухнула въ то время, какъ я его срисовывалъ— и, падая, пролетѣла мимо моей головы. Въ другой разъ я былъ въ опасности пошеряшь жизнь въ гробницѣ, которой двери нечаянно захватило пламянемъ. — Смола и еще какой-то красной составъ, вспыхивающій какъ порохъ, зажгли разбросанные по полу карпозъ и разписанное дерево. Я былъ тогда съ двумя Арабами на днѣ колодца въ 12 фузовъ глубиною. Надлежало выбраться изъ сего колодца, ийти болѣе 30 шаговъ по затруднительной дорогѣ и пробраться ползкомъ сквозь узкой входъ, захваченный пламянемъ. Къ счастью пламя пошло само собою, и только, при выходѣ изъ пещеры, ступая по горячей золѣ и видя сѣсны, очерненные дымомъ, мы узнали опасность, которой подвергались.

Въ сихъ ужасныхъ случаяхъ не заключаются еще всѣ спрахи для посѣпителей подземельевъ; доказательство тому приключеніе двоихъ моихъ товарищей. Въ 5 часовъ вечера (*) они спустились

(*) 21 Вандеміера, VIII года Республ. (ш. е. 13 Оклября, 1799 года).

въ глубину обширной гробницы, великолѣпно украшенной и соспавленной изъ многихъ комнашь, переходовъ и нишей. Когда часто оспанавливаешься, когда воображеніе занято зрѣлищемъ чудныхъ и совершенно новыхъ предметовъ — пройденная дорога кажется длиннѣе и обороты запушаннѣе. Сверхъ того глубокая пьма сихъ мѣстъ разсѣваея не иначе, какъ приближеніемъ свѣчи къ пому, что желаешь увидѣшь. Это заспавляетъ дѣламъ лишніе шаги вправо и влѣво, ибо кругомъ, кромѣ слабого свѣша факеловъ, все мракъ и шемноша; отъ этаго случается, что, сдѣлавъ 500 шаговъ, мнѣишься, будшо прошелъ ихъ тысячу. Наши любопытные вспрѣшили на дорогѣ колодезь, какъ имъ казалось глубиною фушовъ до 50. Чшобы обойши оный, они принуждены были сѣспѣ на край и, придерживаясь руками, перебраться на другую сторону. Не сосчитавши оборотовъ пущи, ни шаговъ, они думали, что оспавили за собою множество подобныхъ колодезевъ, и въ самомъ дѣлѣ шамъ были еще глубочайшіе, а пошому они имѣли

смѣшанное, или вовсе ложное, понятіе объ образѣ мѣсла.

По неосторожности, кошорой всю опасность узнали изъ гибельнаго опыта, пущники наши взяли съ собой только двѣ свѣчи. — Въ то время, когда они были наиболѣе заняты разсмащриваніемъ любопытнаго барельефа — спсудо лепучихъ мышей внезапно вырывается изъ впадины, колеблешь крыльями воздухъ — и одна изъ свѣчей шрепещеть и гаснеть. Тотъ, кто несъ ее, спѣшишь зажечь оспальную, но и сія, задушая въ одно мгновеніе, погасаетъ, подобно первой. Быспрый переходъ отъ свѣща ко мраку поражаетъ несчастныхъ ужасомъ. Они чувствують, что погребены въ лабиринтъ и окружены пропастями. Однако плѣющая свѣщильня можешь пушеводствовать ихъ нѣсколько секундъ. — Они пользующся ими и спѣшатъ назадъ поспѣшными шагами. Скоро послѣдняя искра блеснула — и мертвая тьма кругомъ ихъ.

Они оспановились неподвижны ошь оцѣпенѣнія . . . Можно ли описать без-

порядокъ и вихрь мыслей, которыя смущающъ ихъ въ одно и тоже время? Надежда спасенія и всѣ ужасы опчаянія, выборъ средствъ и недоспашокъ возможности, мысль о будущемъ, спрашный родъ смерти, имъ грозящей, воспоминаніе объ опчизнѣ и тысяча различныхъ ощущеніи вдругъ шѣснѣтся въ грудь ихъ. — Разсудокъ падаетъ и одно воображеніе проспираетъ ужасную власнь свою. Бышь заживо погребену въ душномъ гробѣ, безславно погибнутъ послѣ прехъ или чепырехъ дней мученія — вопшь какое будущее предспоитъ имъ, безъ оправды малѣйшей надежды!

Однакоже понемногу они приходятъ въ себя опшь перваго волненія, и разсудокъ беретъ права свои. Условливающся о знакахъ, если принуждены будутъ разойшися. Одинъ хлопаеть въ ладоши, дабы привлечь вниманіе любопытныхъ, когдабы они случились въ подземельѣ; другой проситъ помощи пронзительными криками: напрасныя усилія! — Совершенная лишина, или изрѣдка глухой опголосокъ, служатъ имъ единспвѣннымъ

опвѣпомъ. — Такъ какъ они взошли въ подземелье вечеромъ, то почти всѣ ихъ поварищи удалились уже къ Нилу, опстолящему бслѣе полумили. — Бышь услышану Арабами, казалось невѣрояпно; ибо число обипашелей капакомбъ очень не велико. Однакожь они повпоряюшъ много разъ призывы; кричатъ изо всѣхъ силъ и съ препетомъ слушаюшъ: ужасающее молчаніе, или еще ужаснѣйшій свиспъ крыль нешопырей, увѣряюшъ, что они одни. Рѣшаюшся искашь ощупью пройденнаго колбдезя: но какъ дойти до него? Должно вспомнить всѣ изгибы и разпознашь ихъ по осазанію! Наконецъ пускаюшся на удачу. — Чшобы лучше развѣдать окружность, соглашаюшся взяться за руки и, какъ можно шире сшупая шагъ за шагомъ, наклонившись, ощупывашъ полъ, или каждому пропивоположную сшѣну. Такимъ образомъ обнимая ошъ шрехъ до чешырехъ мешровъ въ ширину, они увѣряюшся, что не минуюшъ безъ изслѣдованія ни впадины, ни выхода, ни колодца. Послѣ нѣсколькихъ сошъ шаговъ обѣ сшѣны вдругъ разходящя

въ разныя спороны. Они узнають, что находясь на перекресткѣ; опсцупаютъ съ ужасомъ, и снова хватаются за стѣны. — Вмѣстѣ съ этимъ они чувствуютъ, что имъ нечего долѣ медлить, ибо силы ихъ скоро изпощахся. — И шакъ рѣшаются слѣдовать шолько по правой стѣнѣ, каковы бы ни были ея извороты. Это можешъ ихъ завести далѣ и далѣ въ лабиринтъ, за то можешъ и вывести къ выходу. Спрахъ упасъ въ пропасть и желаніе найши пройденной колодезь то замедляешъ, то ускоряешъ шаги ихъ. Уже усталость ихъ поминъ; уже, они храняшъ глубокое молчанье, и опчаяніе врываешся въ души — хопя ни одинъ не смѣешъ довѣриться шого другому. Вдругъ передній чувствуетъ пущоту подъ ногою, а другой въ шже время разпознаешъ берегъ колодца! Но какой это колодезь? Какъ черезъ него перебраться? Перейши ли его вмѣстѣ, или поодиначкѣ, шоя, или сидя, въ плашѣ, или безъ онаго? Не медля ни минушы, каждой съ шрепешомъ садится на узкую закраину; приклоняшъ спиною и головою къ стѣнѣ, а

ноги спустивъ въ отвѣрстіе, поспихоньку лѣпяся они, поднимаясь на рукахъ и съ каждымъ движеніемъ подвигаясь въ бокъ не болѣе 6 дюймовъ. Наконецъ пропасть перейдена, не безъ опасности одинакожь для одного изъ нихъ. — Онъ поскользнулся и, держась за своего товарища, повлекъ его за собою; съ содраганіемъ схватился потъ за край колодца, къ которому едва достигъ, и шѣмъ поддержаль падающаго — колодезь оспался за ними.

За первымъ движеніемъ неожиданной радости послѣдовали новые страхи. Если зно не попъ колодезь, кошораго они ищущъ — должно будетъ перебираться черезъ него снова, и въ такомъ случаѣ ишли впередъ значить заблудишь еще болѣе. Однакожь въ рѣшимости слѣдовать правой стѣнѣ они полагающъ единственное средство къ спасенію. — Идучи симъ направленіемъ, незапно имъ кажется, что едва приметный и далекій блескъ поражаетъ глаза ихъ, жаждущіе свѣта. Кому случалось глядѣть долгое время въ пошьяхъ, шѣ знаютъ, что зрѣніе подвержено бываетъ тогда

какому-то мерцанію, предспавляющему во мракѣ свѣтъ, кошораго нѣтъ въ самомъ дѣлѣ. Пушкики съ изумленіемъ спрашиваютъ другъ друга, не обманываешь ли ихъ воображеніе? — Не газопитическое ли то испареніе, случайно вспыхнувшее, лампа ли Араба, или просто обманъ зрѣнія? Не смотря на неизвѣспность, они спремятся къ сему блѣдному огоньку. — Свѣтъ, кажется, умножается, рашпешь. Онъ не красенъ, какъ огонь лампы, но бѣловатъ, и проспранство его неограничено. Тогда имъ приходишь на мысль, что солнце садится, и вѣрояшно лучи зари проникли въ глубину подземельеъ, откуда по отраженію они разсѣялись по окружности. Оживлены сею ушѣщительною мыслию, они безъ всякихъ предосторожностей кидаются къ оевѣщенному мѣсту — это былъ свѣтъ дневной! . . .

Было шесть часовъ. Ошраженіе атмосферы достигло до края большаго входа въ гробницу на распояніе спа двадцати шаговъ, и по полу ошразилось въ ближнія галлерей. — Пушкики наши на

возвращенномъ пупи не сдѣлали ни одного безполезнаго шага, и колодезь, чрезъ который они переправились; былъ пошъ самый, кошпорый они перешли прежде. Съ какимъ бѣніемъ сердца доспигли они выхода! Одинъ изъ нихъ при этомъ случаѣ испыталъ сильное попрысеніе не радости, но ужаса, заславившее его бѣжать, не переводя дыханія до самаго выхода. Такимъ-то образомъ они возвращены были живы и здоровы къ жизни и къ своимъ поварищамъ послѣ жестокихъ переходовъ ошъ опчаянія къ надеждѣ.

Я не могу умолчать также, о малоизвѣстномъ анекдотѣ, сходномъ съ предидущимъ по началу, но весьма прагматическомъ въ послѣдствіи. Главное дѣйствующее въ немъ лице — Англійской пошъ Ааронъ-Гиль (Hill), кошпорой славилъ ПЕТРА Великаго въ поэмѣ своей the Northern Star (сѣверная звѣзда) и извѣстный другими литературными произведеніями. Онъ путешествовалъ по Египту съ двумя друзьями; желая посѣпить кактакомбы, они взяли проводниковъ, и спустились шуда по канату. Пробѣгая под-

земелья, нашли они двухъ человекъ, лежащихъ на землѣ и, какъ казалось, умершихъ съ голода. Одинъ изъ погибшихъ держалъ въ рукѣ лиспокъ, на которомъ была описана плачевная ихъ участь. Несчастливцы сіи происходили отъ весьма знатной Венеціанской фамиліи. Ааронъ-Гилль и поварищи его уже поздно замѣтили, какой они сами подвергались опасности; едва успѣли прочесть помянутый лиспокъ, какъ увидѣли, что проводники ихъ вмѣстѣ съ другими неизвѣстными людьми спараются запереть входъ въ гробницу. Въ споль неизбѣжной опасности съ саблями въ рукахъ, какъ отчаянные, бросились они къ выходу и въ это время услышали смертные вопли удушаемаго путешественника. Къ счастью они увидѣли убѣгающихъ убійцъ, погнались за ними и достигли къ ошверсію прежде, нежели тѣ успѣли завалить его огромнымъ камнемъ, камень, которъ бы заживо похоронилъ шроихъ путешественниковъ.

Жомагъ.

Перевелъ А. Б—с—д.

ЗМЪЯ АНАКОНДА (*).

По приказанію начальства отпра-
вился я въ Цейлонъ съ довольно важнымъ
порученіемъ, и остановился тамъ въ глав-
номъ городѣ сего острова на самомъ кон-
цѣ онаго, прямо пропивъ близлежаща-
го лѣса. Въ недалекомъ разстояніи отъ
моихъ окошекъ находился небольшой
холмъ, осѣняемый тремя или четырьмя
пальмовыми деревьями, и я всякое утро,
лежа въ постелѣ, любовался, глядя на
нихъ. Въ одно утро, когда я смотрѣлъ
на сіи деревья, показалось мнѣ, что о-

(*). Изъ записокъ Г. Эдвина, Англійскаго Рези-
денша въ Оспиндіи.

динъ огромный сукъ двигался страннымъ образомъ, то наклоняясь внизъ и обвиваясь вокругъ дерева, хопя и не было ни малѣйшаго въпра, то ударяя совершенно концемъ по землѣ, то вдругъ поднимаясь опяшь вверхъ и скрываясь наконецъ между листьями. Долго съ удивленіемъ смотрѣлъ я на это необыкновенное явленіе, какъ вошелъ ко мнѣ одинъ изъ жителей Цейлона, которому я сообщилъ мои наблюденія. Сперва онъ также весьма изумился; но потомъ испугался, поблѣднѣлъ пакъ, что почти готовъ былъ лишиться чувствъ и началъ заклиная меня поскорѣе запереть, какъ можно крѣиче, всѣ двери. Такая просьба удивила меня еще болѣе; но онъ разшолковалъ мнѣ, что видимый мною сукъ былъ не что иное, какъ огромная змѣя, которая забавлялась, принимая безпрестанно различныя положенія, и время опъ времени бросалась на землю, что бы схватить свою добычу. Вскорѣ я самъ въ томъ удостоверился и видѣлъ, какъ она поймала маленькаго звѣрка и утащила его съ собою на дерево. Я хотѣлъ знанъ болѣе объ этомъ чудномъ

явленіи. Всего удивительнѣе, сказала мнѣ мой Цейлонець, что эта сшоль извѣстная на оспровѣ змѣя показалась въ такой близи отъ селенія: обыкновенно живешь она въ самой глуши лѣсовъ, и шамь, скрываясь на большихъ деревьяхъ, часто неожиданно бросается на спранника и умерщвляетъ его. Я бы не повѣрилъ словамъ его, если бы не видѣлъ теперь передъ собою этаго чудовища, отъ котораго, судя по его величинѣ, можно было ожидать еще и большаго. Змѣя продолжала извиваться около дерева — и мы рѣшились убить ее.

Нась собралось двѣнадцать человекъ. Вооружась хорошенько, отправились мы верхомъ къ лѣсу, гдѣ находилась змѣя; но, чтобы не подвергнушь себя излишней опасности, скрылись въ чащѣ лѣса, откуда, не будучи примѣчены, могли спрѣлать въ нее. Это было въ самой сильной жарѣ; подвѣхавъ ближе, нашли мы змѣю еще огромнѣе, нежели какъ она показалась намъ сначала, такъ, что каждый изъ насъ желалъ уже поскорѣе подобру поздорову добраться опять домой, и дол-

го не могъ никакю рѣшишься выстрѣ-
 лить. Туль разсмотрѣль я хорошенько
 змѣю, и могу увѣрить, что она превос-
 ходила даже всѣ описанія, кошорыя я ко-
 гда либо чиналь о подобныхъ животи-
 ныхъ. Бывшіе со мною тамошніе жише-
 ли говорили, что они никогда еще не
 встрѣчали такой ужасной величины. Это
 была чудная смѣсь опвраишельнаго и
 прелесшнаго, шакъ, что шоль, кто нико-
 гда не видалъ подобной, никакъ не мо-
 жеть соснавить себѣ о ней понятія.
 Чудовище было шольще человекъ, но при-
 шомъ шакъ длинно, что шольщина сія ни-
 чуть не была безобразна. Часто висѣло
 оно на хвостѣ съ самыхъ верхнихъ суч-
 ковъ дерева во всю длину его, и при сво-
 емъ чрезвычайномъ проворствѣ и гибко-
 спи, въ такой сильной жарѣ, извивалось
 вокругъ штысячью различными образами;
 часто опускалось внизъ, обвивалось хво-
 стомъ около корня и пономъ съ непо-
 няшною скоростію разпростиралось вдоль
 по землѣ, или обертывалось вокругъ де-
 рева. Забавляясь такимъ образомъ, вдругъ
 бросалось оно на вершину. Скоро увидѣ-

ли мы для чего: маленькой звѣрокъ, родъ лисицы, бѣжала мимо, и змѣя, подкарауля его, вдругъ бросилась изъ своей засады, схватила и проглотила его въ одну минуту; попомъ облизавъ себѣ рыло своимъ чернымъ широкимъ раздвоеннымъ языкомъ, разпросперлась она во всю длину по землѣ, обвивъ конецъ хвоста около дерева: Я смотрѣлъ на нее съ ужасомъ и вмѣстѣ съ удивленіемъ.

Она, какъ крокодилъ, была покрыта чешуею, которая въ срединѣ поднималась вверхъ; голова ея была зеленого цвѣта, съ большимъ чернымъ пятномъ по срединѣ; около челюсти желтая полоса и вокругъ шеи желтый кругъ, какъ бы золотое ожерелье; позади шеи еще большее черное пятно; бока темнаго оливковаго цвѣта. Спина блистала прелестнѣйшими красками: съ середины проспиралась внизъ широкая цѣпь черного цвѣта, волнистая по краямъ, кругомъ около нея другая поменьше тѣлеснаго цвѣта; крайняя сторона этой маленькой цѣпи была окружена свѣтложелтою полосою, также волнистою и вся покрыта

круглыми и продолговатыми багровыми пятнами, въ недалекомъ другъ ошь дру-та разсшояніи. Голова была плоска, но чрезмѣрно широка; на глаза, удивительной величины, нельзя было смопрѣшь безъ ужаса. Таковы были цѣшпы ея, когда она спокойно лежала; но когда она извивалась на солнць, то казалась еще въ тысячу разъ прелестнѣе: краски принимали безпрестанно новые опшѣнки и во многихъ мѣстахъ уподоблялись блеску шелковой маперіи.

Мы всѣ нацѣлили на голову и выстрѣлили; но, или змѣя въ шу самую минушу приняла другое положеніе, или ошь страха дрожали у насъ руки, мы не попали въ нее, по крайней мѣрѣ не нанесли ей никакой раны, такъ, что она не обрала на насъ ни малѣйшаго вниманія. А посему мы всѣ единогласно положили оставишь наши нападєнія до завтра и собратъся большему числу людей.

Цейлонцы знали, по видимому, эту змѣю очень хорошо. Они называли ее Анакондою, и радовались напередъ, какъ они будутъ ѣсть ея мясо. Они никакъ

не теряли надежды убить ее, попому что, поселившись однажды на какомъ нибудь деревѣ, она долго не сходила съ него. Я отправилъ ихъ у себя обѣдать, и они рассказали мнѣ про эту змѣю такъ много чудеснаго, чему они сами были очевидными свидѣтелями, что я никакъ не могъ повѣришь словамъ ихъ. Но что я видѣлъ на другой день собственными моими глазами, превзошло еще все мною ошъ нихъ слышанное.

На другое утро отправилось насъ болѣе сна человекъ; мы нашли неприятеля на прежнемъ его мѣстѣ. Змѣя, казалось, была очень голодна, и скоро показала намъ опышъ ужасной своей силы. На Цейлонѣ водятся очень много пигровъ: одинъ изъ нихъ, чрезвычайной величины, почти съ молодую корову, подошелъ къ дереву, на кошоромъ была Анаконда. Вдругъ услышали мы ужасный шумъ: какъ стрѣла бросилась змѣя на пигра и схватила его за спину, недалеко ошъ головы, шакъ, что кусокъ спины, болѣе человеческой головы, остался въ спрашной ея пасти. Тигръ заревѣлъ ошъ страха и, къ вели-

чайшему нашему ужасу, бросился бѣжашь, вмѣстѣ съ змѣею, прямо на насъ. Но онъ не могъ уйти далеко: проворная змѣя обви-лась около него при или чешыре раза и списнула его шакъ сильно, что онъ упалъ. Когда она уже крѣпко сдравила его, по выпустила изъ челюсти спину, обвилась около его головы, расшворила пасть какъ можно болѣе, схватила ею голову своей добычи и начала ужаснѣйшимъ образомъ кусать, и грысть ее. Тигръ поднялся опять, и никакія слова не въ состояннн описать его мученнй. Онъ изгибался, верпѣлся кругомъ; но щетно: побѣдитель не выпускалъ своей жершвы, и ея глухой ревъ въ пашн чудовица наводилъ невольной ужасъ. Я совѣповалъ высшрѣлнть въ эту минушу; но мои шоварици не согласились на шо, и увѣряли, что если дашь змѣѣ шеперь свободу, шо послѣ можно будешъ одолѣшь ее безъ всякаго шруда и опасности: помѣшашъ же ей значило бы привеснн ее еще въ большую яросшь, и шакое покушенн легко могло бы споншь жнз-ни нѣкоторымъ изъ насъ.

Они, казалось, шакъ хорошо знали образъ обхожденія съ Анакондою и говорили съ такою увѣренностію, что я долженъ былъ согласишься съ ними. Нѣкоторые оспались шамъ на цѣлый день, чтобы дождашься окончанія эшаго спраннаго зрѣлища, и въ самомъ дѣлѣ спраданія и мученія бѣднаго пигра превосходила всякое описаніе; кажется, не возможно вообразить себѣ ужаснѣйшей смерти.

Хотя пигръ и не могъ уйти или нанести вреда своему прошивнику; но и преодолѣть такое сильное, яростное животное стоило уже большаго шруда. По крайней мѣрѣ сто разъ покушался онъ всшавашь и пробѣжашь нѣсколько сажень: но скоро падалъ опять, частію опть чрезмѣрной тяжесни змѣи, частію опть ужасной силы, съ какою она сжимала его, обвиваясь вокругъ его шѣла. Наконецъ, послѣ продолжительной борьбы, казалось, онъ совершенно уже обезсилѣлъ и лежалъ какъ мертвой. Змѣя, копорая, обвиваясь около него нѣсколько разъ, шщешно попушалась переломашь ему кости, выпуспила его совершенно, и, обернувь шоль-

ко конецъ хвоста около шеи своей добычи, не могшей уже болѣе сопротивляться, съ чрезвычайнымъ усиленіемъ повлекла ее къ дереву.

Теперь увидѣли мы двойную пользу, которую доставляло ей это дерево. Хотя сіе животное и одарено силою побѣждать большія шворенія, но все не въ состояніи проглотить ихъ, и пошому природа, кажется, научила его напередъ раздроблять ихъ кости и такимъ образомъ превращать тѣло въ мягкую массу. Къ сему приступаетъ оно, сперва спараясь раздавить свою добычу, крѣпко обвившись около ея тѣла; но если въ шомъ не успѣваетъ, то прибѣгаетъ къ дереву, какъ шо мы вскорѣ увидѣли. Когда змѣя мало по малу дошацила тигра до дерева, и онъ уже не въ состояніи былъ сплестъ прямо, шо она опять схватила его за спину, приподняла и посшавила на ноги, прислонивъ къ дереву. Тушь обвилась нѣсколько разъ около тигра и дерева и сдавила ихъ съ шакою силою, что ребра и другія кости животного погнулись, и наконецъ, при вторичномъ

подобномъ опытѣ, ребра начали прещать одно за другимъ; полпомъ взяла она ноги и такимъ же почно образомъ переломила ихъ въ чешырехъ или въ пачи различныхъ мѣстахъ. Это продолжалось нѣсколько часовъ, между тѣмъ, какъ бѣдный шигръ все еще былъ живъ и при каждомъ прескѣ переломленной кости испускалъ ревъ, хотя и не сильный, но столь пронзительный и жалобный, что, не смотря на еспешвенное ошвращеніе ошъ эшаго хищнаго звѣря, нельзя было слышать его безъ состраданія. Послѣ ногъ змѣя приаялась за черепъ; но эпа работа спойла ей такъ много труда, что она, ишоощившись совершенно, оставила добычу свою у корня дерева до слѣдующаго утра, будучи увѣрена, что она не въ состояніи уже уйти отъ нея. Послѣ сего ошправилаь она на ночлегъ на дерево. Мы шакже попли домой; но я никакъ не могъ уснуть: мнѣ безпреснанно предшавлялся измученный шигръ, кошо-рый, хотя уже былъ весь изломанъ и разбитъ, но все еще жилъ.

Пришедъ въ слѣдующее утро опять

къ нашей засадѣ, увидѣли мы большую перемѣну: шѣло пигра, соспавлявшее теперь шѣлько красную безобразную массу, лежало въ нѣкопоромъ распояннѣ опѣ дерева и блесшѣло, какъ бы покрышое какою-шо слизью. Скоро узнали мы причину того: змѣя продолжала еще свою работу. Она сложила ноги пигра какъ можно площнѣе къ шуловищу, выпянула впередъ его голову, легла на шѣло и начала покрывашь оное своею слизью, чшобы сдѣлать его мягче и глаже и шѣмъ удобнѣе проглотить. Эша работа прѣбвала много времени; наконецъ когда она ее окончила и такимъ образомъ все уже совершенно было пригоповлемо, приподнялась она, схватила голову и начала вбирать ее, а пошомъ и все шѣло въ свою пасть. Это продолжалось такъ долго, что я пошелъ домой обѣдаць, когда она занималась еще передними ногами, и оставшіеся при шомъ рассказывали мнѣ послѣ, что до насшупленія ночи она не проглотила еще всего шѣла.

На другое утро собрались мы въ послѣдній разъ; даже женщины и дѣти по-

Часшъ XIX. Кн. II. 13

шли съ нами, ибо всѣ были увѣрены, что теперь, когда она уже проглотила свою добычу, нечего болѣе опасаться. И въ самомъ дѣлѣ змѣя такъ наполнила свой желудокъ, что не въ состояніи была не только напасть на насъ, даже и защищаться. Когда мы начали подходить къ ней, хопѣла она взползши на дерево, но не имѣла уже къ тому силъ, и мы ее сей часъ убили, колотя по головѣ толстыми деревянными дубинами. Я вымѣрялъ ее: въ ней было тридцать футовъ и чепыре дюйма (около чепырехъ съ половиною сажень). Ее сей часъ взрѣзали: шло было бѣло, какъ шеляпина и, по увѣренію ѣвшихъ его, несравненно вкуснѣ всякаго мяса.

Б.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Э Р М И Н І Я.

(Отрывокъ изъ VII пѣсни Освобожденнаго
Иерусалима).

1.

Межъ тѣмъ репивый конь привнесъ
Эрминію дрожащу
Въ густовѣшвисшый древній лѣсъ —
Въ непроходиму чащу.
Чуть держитъ всадница бразды,
Нѣпъ силы въ мышцахъ болѣ,
И конь прокладываетъ слѣды
Въ лѣсной глуши по волѣ,
И полумертвую умчалъ
Невѣдомой слезею,
И щещно взоръ ее искалъ
Бѣгущихъ въ слѣдъ за нею

Какъ легкая спаница псовъ
 По долгомъ ловѣ въ полѣ,
 Сокрывшейся во тьмѣ лѣсовъ
 Не видя жерпвы болѣ,
 Идетъ унылая назадъ
 Съ спѣсившимся дыханьемъ;
 Такъ рыцарей уснула рать
 Полна негодованьемъ
 Съ горящимъ на лицѣ спыдомъ
 Бесплодно возвращалась;
 Эрминія глухимъ пушемъ
 Все далѣ — далѣ мчалась.

И ночь и день бѣжишь одна —
 Въ пуши ни съ кѣмъ свиданья;
 Лишь слезы зришь свои она
 И слышишь лишь рыданья,
 Вздымаючи лилейну грудь.
 Но въ часъ, какъ предъ зарницей
 Кончается солнце дневный пушъ
 Въ багряной колесницѣ,
 Царевна видишь Иорданъ;
 Тамъ брегъ принялъ пунистой
 Пришелецу опъ чуждыхъ strapsъ
 При плескахъ влаги чистѣй.

4.

Не алчешь пищи — съѣдь ея
 Спразданіе душевно,
 А слезы — сладость питія . . .
 Но скоро надъ царевной
 Повѣяль сонъ — несчастныхъ другъ,
 И маками забвенья
 Спокойль чувства въ ней и духъ
 До часу пробужденья;
 Одна недремлюща любовь
 Мечпу мечпой смѣняла,
 И, скорби разправляя вновь,
 Покой ея смущала.

5.

Пернапыхъ пѣсни — дню привѣтъ,
 И волнь дробимыхъ ропотъ,
 И тихій зефира полетъ,
 И легкой въ лисьяхъ шопонъ,
 И шумъ прибрежныхъ камышей,
 И шрепешанье лилій
 Не къ радослямъ — на съѣдь скорбей
 Царевну пробудили.
 Вспаецъ — взоръ бродитъ вдалекѣ —
 Не встрѣшишь ли гдѣ кущи:
 Казалось, мчался по рѣкѣ
 Къ ней гласъ, на спонъ зовущій.

Вдругъ ясны звуки голосовъ
 До слуха долетѣли
 Съ долинь, гдѣ съ пѣснью пасуховъ
 Сливалась пѣснь свирѣли;
 Царевна медленной споной
 Идешъ въ слезахъ въ долины,
 И видишь — мужъ подъ сѣдиной
 Изъ нивъ плещетъ корзины
 Въ пѣни развѣсившихъ кустовъ,
 Вокругъ пасется стадо,
 И съ устъ прехъ юныхъ пасуховъ
 Ліется пѣснь съ оградой.

Смутились юношей сердца
 Оружемъ дѣвы рашными;
 Она веселіемъ лица
 И ласково-пріятнымъ
 Привѣтомъ ободрила ихъ,
 И блескъ очей ошкрыла
 И золото кудрей своихъ:
 „Спокойся, говорила,
 Народъ любезный небесамъ!
 Не смѣй вредить dospѣхамъ
 Заботамъ вашимъ и шрудамъ
 И пѣснямъ и ушѣхамъ . . .

8.

Счастливицы! . . . Вкругъ горитъ война,
 Все въ бѣдствѣ неизбѣжномъ;
 А васъ лелѣетъ пишиина
 Въ жилищѣ безмятежномъ.
 Ни огонь, ни мечь вамъ не грозилъ
 Погибелью своею? . . . “
 „Мой сынъ, ей спарець возразилъ,
 И съ спадомъ и съ семьею
 Досель я чуждъ всѣхъ золь войны,
 И хищной Марсъ рукою
 Еще безвѣспной сей спраны
 Не возмущалъ покою.

9.

Не знаю, благосль ли небесъ
 Невинности защита;
 Иль горды лицъ верхи древесъ,
 А не долина скрыпа,
 Сзываютъ громъ съ зѣирныхъ спранъ,
 И шолько надъ главами
 Владыкъ земныхъ клубился брань,
 Грозящая бѣдами;
 Презрѣнна бѣдность — жребій мой,
 Вниманья не доспюишь,
 И не придетъ ко мнѣ съ грозой
 Корыспи жадный воинъ.

Удѣлъ мой презрѣнъ ошъ другихъ,
 Но мнѣ сей даръ ошъ Бога
 Безцѣннѣе всѣхъ благъ земныхъ
 И царскаго чершота;
 Спокойный сердцемъ — ни чештей,
 Ни злата не желаю;
 Безвредно чистую спруей
 Я жажду уполяю,
 А эшо спадо, эшопъ садъ,
 Примкнувшійся къ жилищу,
 На споль умѣренный даряшъ
 Непокупную пищу.

Большихъ у насъ желаній нѣтъ,
 Жишейски нужды малы.
 Вошъ дѣши — благосши завѣшъ
 Мнѣ небеса въ нихъ дали;
 Они пекушся о спадахъ,
 И нѣшъ рабовъ со мною,
 И я въ безлюдныхъ сихъ мѣстахъ
 Не одинокъ душою,
 Смотря на легкій ланей скокъ,
 На хоръ пѣвцовъ пернапный,
 На рыбъ, волнующихъ попокъ,
 Вечерней мглой обьяпный.

12.

Но было время — въ дни снраспей,
 Когда нѣшь мѣрь желаньямъ,
 Искашель славы и чеспей. —
 Предавшися упованьямъ,
 Я презрѣль жуци паспуховъ,
 Оставиль край опчизны,
 Въ Мемфисѣ — межъ временщиковъ
 Пилъ желчь придворной жизни;
 Мой санъ, казалось, не блиспаль
 Величьемъ славной доли —
 Садовъ блюспипель — я узналь
 Придворныхъ всѣ крамоль.

13.

Надеждой смѣлой обольспися,
 Я всѣ терпѣль обиды;
 Но минуль ослѣпленья часъ:
 Когда прелесны виды
 Съ годами измѣнили мнѣ;
 Оплакавъ шрану жизни,
 Вздохнувъ о милой споронѣ
 Оспавленной опчизнѣ,
 „Проспи, сказала я, пышный дворъ!“
 И въ дружеспвенны сѣни
 Склонивъ главу, я пью съ пѣхъ поръ
 Токъ чиспыхъ наслажденій. “

14.

Приникнувь взорами къ успамъ,
 Эрминія безмолвно
 Внимала сладоспнымъ словамъ;
 И спарца рѣчь невольню
 Влидась съ опрадой въ глубь души,
 И бурю чувствивъ смирила,
 И въ безопадной сей нищѣ
 Несчастную рѣшила
 Избрать до времени приюсть
 Подъ кровлею чужою,
 Пока возврапа дни придуть
 Назначенны судьбою.

15.

„О спарець счастливый, рекла
 Она, пы жизни волны
 Преплыль, и видѣль бездны зла,
 И если, счастья полный,
 Удѣль швой зависти небесь.
 Отселѣ не спрашится;
 О, не оприся молящихъ слезъ,
 Дай скорби здѣсь укрышься!
 Быть можеть, въ мирной сей странѣ,
 Близъ паспырей безпечныхъ
 Назначилъ рокъ разсѣль мнѣ
 Часть горесней сердечныхъ.

Когда бы злѣша жаждаль пы
 И камней драгоцѣнныхъ —
 Сихъ благъ народной слѣпошы,
 Для мудросши презрѣнныхъ;
 Моглабъ разлишь ихъ предъ побой
 Я съ щедростью десницы . . . “
 И вдругъ кристальной слезъ росой
 Покрылися рѣсницы
 Прелестныхъ глѣзъ; и часнь своей
 Повѣдала печали,
 И слезы соспраданьемъ къ ней
 У старца заблѣспали.

Но скоро съ нѣжностью опца
 Просперъ онъ длань къ царевнѣ,
 И съ свѣтлой радостью лица
 Идешъ съ ней къ кущѣ древней
 Къ учасницѣ его судьбы —
 Къ супругѣ престарѣлой.
 Тамъ царска дочь уборъ рабы
 На нѣжно-юно тѣло
 И грубое на шолкъ кудрей
 Вложила покрывало;
 Но взоры, послушь, звукъ рѣчей —
 И все ей измѣняло

И не мрачить ея красоть.
 Одежда поселянки,
 И виднь средь просныхъ работъ
 Блескъ царспвенной осанки.
 Весь день съ паспущеской дозой
 Она за стадомъ ходишь,
 Объяная вечерней мглой.
 Подъ кровь его приводишь;
 То нѣжная, ея рука
 Доитъ сосцы шяжелы —
 И пѣнашся струи млека —
 То сыръ гошовишь бѣлый.

И часпо, какъ въ шѣни спада
 Покойлись опъ зною,
 Она — спокойшвія чужда —
 Подъ мягкой дровъ корою
 Склонясь, ввѣрjala имя ей
 Того, кѣмъ грудь дышала,
 Иль повѣсть бѣдспвенной своей
 Любви изображала,
 И начерпанья пробѣжавъ
 Унылыми очами,
 Вдругъ заливалась въ мглѣ дубравъ
 Прелесшными слезами.

„Храни, безмолвный лѣса кровь,

Рыдал, говорила,

И повѣсь и мою любовь!

Бышь можешь, тайна сила

Влюбленному укажетъ путь

Къ сей тѣни безмятежной;

Въ немъ жалостью забьется грудь,

И, вѣрный спроси нѣжной,

Онъ скажетъ: счастье и любовь

Такъ худо наградили

Терпѣнье горесныхъ трудовъ

И вѣрность до могилы.

Бышь можешь, если къ небесамъ

Доходитъ гласъ моленій

Ушѣшный спраждущимъ сердцамъ,

Въ сіи прохладны тѣни

Склонишся нѣкогда и шопъ,

Кому не приходила

Я въ мысль — и взоръ его найдешь

То мѣсто, гдѣ могила

Оспанокъ приметъ бранный мой;

Онъ съ жалостью безплодной

Хопъ вздохомъ, хопъ одной слезой

Починитъ мой прахъ холодной.

И сердце — въ жизни скорби снѣдь —
По смерти вкусишь сладость;
Онъ пламенемъ своимъ вдохнешь
Въ холодный прахъ мой радость.
Такъ спящій безопытный дѣсь
На жалость преклоня,
Струями обливалась слезъ
Сстрадалица младая.

P. . . .

КЪ МЕЧТАМЪ.

Живые призраки, друзья моей души,
О вы, плынипетельныя думы!
Не льстите больше мнѣ! Хочу въ своей глуши
Безъ васъ окончить вѣкъ угрюмый.

Не прочесть вашъ союзъ! Вашъ голосъ сла-
докъ мнѣ:

Но вы коварныя Сирены!
Вы обольщаете въ невѣрной пищии
Для спрашной въ будущемъ измѣны.

Чѣмъ къ жизни приковашь себя, игривый рой,
Твой голосъ къ жаждущему слуху?
Съ вѣмъ вѣкъ еспался шы, какъ въ юности
злашой,
Ушѣхой спраждущему духу?

Мечшы! . . . Кто счастливъ былъ — и послѣ
не рыдалъ,
Съ презрѣніемъ отверженъ вами?
И кто, въ опчальныя, могилы не искалъ,
Вродя одинъ подъ небесами?

Давно ль поварищъ вашъ, пламеньъ воинеб-
нымъ сномъ,

Вамъ посвящаль свои ушѣхи?

Онъ видѣль только васъ — и надъ его челою
Носились радости и смѣхи.

Онъ струнъ, исполненныхъ священнаго огня,
Для васъ рукою прикасался —

И гулъ ихъ сладоспный, веселиемъ звеня,
Какъ эхо горъ передавался.

Казалось, жизнь его, безопасности полна,
Въ ушѣхахъ легкихъ пронесется,

Какъ по лугу весной сребристая волна
Между цвѣтами Флоры льется.

Увы, исчезло все! Ужъ свѣшное чело

Печалью мрачной обложилось:

Еще въ веснѣ его веселье опцвѣло,

И сердце съ радостью просшилось.

Я вижу: бродитъ онъ задумчивъ и угрюмъ;

Ни съ кѣмъ не дѣлился слезами.

Васъ нѣшь, измѣнницы! . . . Онъ полонъ
мрачныхъ думъ,

Молчитъ и дикъ между друзьями.

Плетневъ!

К Р И Т И К А.

ШИЛЬОНСКИЙ УЗНИКЪ,

П О Э М А

ЛОРДА БАЙРОНА,

переведенная съ Англійскаго

В. Жукowskiмъ ().*

Герой сей поэмы естъ историческое лице — Женевскій гражданинъ Бонниваръ, мученикъ вѣры и патриотизма, который съ 1530 по 1537 г. спрдадь въ темницѣ замка Шильона, находящагося между Клараномъ и Вильневомъ у самыхъ восточныхъ береговъ Женевского озера. Сочинитель изобразилъ его уже свободнымъ.

(*) Продаеися въ книжныхъ лавкахъ И. Слёнина и В. Плавильщикова по 3 р.

Часть XIX. Кн. II.

14

Бонниваръ разсказываетъ, какія спраданія прешерпѣль онъ въ шемницѣ.

Лордъ Байронъ, занимающій въ нынѣшнее время своими произведеніями не одну Англію, но и всю Европу, образовалъ новый родъ Поэмы. Не прибѣгая къ вымысламъ *чудснаго*, онъ ограничивается повѣствованіемъ дѣйствія *естественнаго*. Часпо у него въ цѣлой поэмѣ одинъ только герой. Сочинитель описываетъ его чувствованія, кошорыя должны раждашся въ немъ, судя по тому положенію, въ какомъ поэмѣ его представляешъ. Въ эпомъ родѣ написана переведенная на Рускій языкъ поэма его: Шильонскій Узникъ.

Трудно еще рѣшишь: выиграешъ ли что нибудь поэзія эпическая отъ такихъ новостей, или поперяешъ? По крайней мѣрѣ можно согласишся, что мы находимся почти въ необходимости опказашся въ эпическомъ родѣ отъ прелестныхъ вымысловъ чудснаго. Высокая степень просвѣщенія и чистота истинной Религіи не позволяють намъ принимашъ учаспія въ дѣйствіяхъ волшебни-

ковъ и волшебницъ, того искренне-младенческаго учаспія, какое принимали Греки и Римляне въ дѣйствіяхъ своихъ боговъ и своихъ богинь. Еще будешь спрашивае, если мы въ забавы поэпическаго воображенія будемъ вводишь вымышленыя дѣйствія истиннаго Бога. Тогда нѣжное чувство нравственности и сурогій голосъ разсудка возстанушь противъ поэзіи. И такъ, можетъ быть, родъ поэмъ Лорда Байрона, или подобный оному, оспался одинъ изъ приличнѣйшихъ нашему образованному времени. Такова учасъ поэзіи! Подобно красотѣ, она прелестнѣе бываетъ въ возрастѣ дѣтскаго легкомыслія — и теряетъ силу своего очарованія въ зрѣлости. Впрочемъ эпо одни предположенія Кришкики: явился Геній — и она съ удовольствіемъ покорится высокимъ его внушеніямъ.

Мнѣнія Критиковъ о Лордѣ Байронѣ, какъ вообще о поэтѣ, чрезвычайно различны. Почитатели классической древности не предрекаюшь ему долговременной, прочной славы. Они видяшь въ немъ шаланшь необыкновенной, но въ излиш-

ней дерзости часто пропиворѣчащій законамъ истины и природы, съ кошорыми совершенно прекрасное всегда согласовалось. Другаго рода люди, увлекаемые каждою блестящею новостію и рѣдко повѣряющіе первыя свои движенія съ правилами мыслящаго вкуса, во всемъ ему елѣпо удивляются и ставяшъ его на степени величайшихъ поэшовъ. Намъ кажется, что слава сего поэта должна оспашъся прочною; попому что его произведе- нія носяшъ на себѣ неизгладимую печать Генія. Въ другомъ вѣкѣ не будущъ рабски удивляшъся его ошибкамъ, но спраннымъ романшическаго его вкуса спанушъ извиняшъ временемъ, въ кошорое онъ жилъ, почно пакъ, какъ мы многія мѣспа въ Омерѣ и Виргиліѣ оправдываемъ духомъ ихъ времени. Каршины природы въ его описаніяхъ самыя вѣрныя и свѣжія; чувства души — глубоки и сильны. Одного нельзя извинишъ въ немъ, что онъ, по какой по спранный мизантропимъ, какъ бы не признаешъ въ чловѣкѣ истинно-благородныхъ чувствованій, когда изображаешъ его въ счасш-

ливымъ гражданскомъ соспояніи. Онъ скорѣе открываетъ ихъ въ какомъ нибудь спрададьцѣ, или злодѣѣ. Вѣроятно, такая прихоть воображенія производишь изъ Частныхъ обспоятельствъ жизни поэта; но онъ долженъ помнить, что носишь на себѣ священную обязанность — говорить языкомъ испины и писаешь не для одного вѣка, а для потомства.

До сихъ поръ на Рускомъ языкѣ мы читали нѣкоторыя сочиненія Лорда Байрона въ прозаическихъ переводахъ. Извѣстно, что поэзія, передаваемая прозою, спочно спже, что музыка въ устахъ человѣка, который ее слушалъ и который ее пересказываетъ. Наконецъ Жуковскій перевелъ одну его поэму спхами. Таланпы переводчика, котораго мы всегда можемъ названъ чистымъ опголоскомъ чужеземныхъ поэтовъ, дають намъ право и возможность судить вѣрно о Лордѣ Байронѣ. Послѣ прозаическихъ переводовъ мы начинали-было съ его имянемъ соединять что-то спранное, часто шемное, а чаще ужасно-непоняшное. Но, судя по переводу Жуковского, видимъ, что онъ проспъ, ясенъ и еспешивенъ.

Вся поэма: Шильонскій узникъ — написана четырёхстопными ямбическими мужскими стихами: Можно представить, сколько трудностей предшло переводчику, что бы во всей поэмѣ сохранить мужскія окончанія стиховъ. Сочинитель не безъ намѣренія держался этаго. Предметъ поэмы, самъ по себѣ (если можно такъ сказать) жесткій, требоваль языка отрывистаго и сильнаго, который отъ мужскихъ стиховъ получилъ особенную твердость и естественность. Вся поэма раздѣлена на четырнадцать отдѣленій, похожихъ на строфы, которыя впрочемъ неравны по числу стиховъ, такъ что въ иномъ есть 14, а въ иномъ и 76 стр. Вообще величина сихъ отдѣленій опредѣляется объемомъ картины, или мысли, которую въ немъ поэтъ хотеть заключить. Эта свобода въ разнообразіи строфы по ихъ длинѣ доставляетъ большую выгоду поэту; потому что онъ не находится въ жалкой необходимости растягивать бѣдную мысль, или наоборотъ, окорачивать обильную, сообразуясь съ принятымъ

постоянно числомъ спрокъ въ одной спрофѣ.

Планъ сей поэмы самой проспой и естешвенной. Бонниваръ, начавъ говорить о себѣ, о погибшемъ своемъ семействѣ, описываетъ ужасную шемницу, въ которой онъ спрадалъ съ двоими младшими своими брашьями. Далѣе онъ дѣлаетъ изображеніе ихъ характеровъ и смерти каждаго; попомъ говоритъ о соспояніи души своей въ первую минупу мучительнаго одиночештва, о чувспвахъ его при нечаянномъ пѣніи свободной ппички надъ окномъ шемницы; наконецъ слѣдуетъ описаніе окрешноспей замка, который онъ увидѣлъ, прорывъ себѣ опверстіе подъ стѣною, и шого хладнокровія, съ какимъ онъ принялъ возвращенную ему *бѣднцю* свободу. Изъ сего содержанія видно, что прелешъ поэмъ Лорда Байрона должна заключашься въ часпной опдѣлкѣ каждаго чувспва, или положенія героя. Сочинишель не хочешъ бышь повѣспвователемъ: онъ собираешъ шолько рядъ карпинъ, обраболываетъ ихъ и спавишъ одну подлѣ другой. Чшобы дань

понятіе нашимъ чинашелямъ о совершенствѣ ихъ, мы приводимъ здѣсь одну. Бонниваръ, рассказавъ о смерти средняго брата, прислушаешь къ описанію смерти младшаго:

„Но онъ — нашъ милый, лучшій цвѣтъ;
 Нашъ ангель съ колыбельныхъ лѣтъ;
 Сокровище семьи родной;
 Онъ — образъ матери душой
 И чистой прелестью лица;
 Мечта любимая отца;
 Овъ — для кого я жизнь щадилъ:
 Чшобъ онъ бодрѣй въ неволѣ былъ,
 Чшобъ послѣ могъ и воленъ быть!
 Увы . . . онъ долго могъ сносишь
 Съ младенческой пишиной,
 Съ перпѣьемъ яснымъ жребій свой!
 Не я ему — онъ для меня
 Подпорой былъ! . . . вдругъ день опъ для
 Спаль упадаль, ослабѣваль,
 Грусиль, молчалъ и молча валь! . . .
 О Боже! Боже! Спрашно зрѣшь,
 Какъ силитсь преодолѣшь
 Смерть чловѣка! . . . Я видаль,
 Какъ рашникъ въ бивѣ погибаль!
 Я видѣль, какъ пловецъ понуль
 Съ доской, къ которой онъ прильнуль
 Съ надеждой гибнущей своей!

Я зрѣлъ, какъ издыхаль злодѣй
 Съ свирѣпой дикосшью въ чертахъ,
 Съ богохуленьемъ на устахъ,
 Пока ихъ смерть не заперла!
 Но *тамъ* былъ страхъ — здѣсь скорбь была,
 Болѣзнь глубокая души!

Смирненнымъ ангеломъ, въ пиши,
 Онъ гасъ, споль крошко-молчаливъ,
 Сшоль безнадежно-терпѣливъ,
 Сшоль грустно-томень, нѣжно-шихъ,
 Безъ слезъ, лишь помня о своихъ
 И обо мнѣ . . . увы . . . онъ гасъ,
 Какъ радуга, плѣняя насъ,
 Прекрасно гасцешъ въ небесахъ!
 Ни вздоха скорби на устахъ!
 Ни ропоша на жребій свой!
 Лишь слово изрѣдка со мной
 О нашихъ прошлыхъ временахъ,
 О лучшихъ будущаго дняхъ,
 Объ упованьи . . . Но объашъ
 Сей прапой, горшею изъ пращъ,
 Я былъ въ свирѣпомъ забыши!
 Вошце, кончаясь, онъ свои
 Терзанья смершныя скрываль . . .
 Вдругъ рѣже, препепнѣ спаль
 Дышашъ, и вдругъ умолкнулъ онъ!
 Молчаньемъ спрашнымъ пробуждень,
 Я вслушиваюсь . . . шишина!
 Кричу, какъ бѣшенный . . . спѣна

Ошкликнулась . . . и умерь гуль!
 Я цѣль опчаянно рвануль
 И вырваль! . . . къ брашу! . . . брата нѣшь!
 Онъ на сполбѣ — какъ вешній цвѣшь,
 Убишый хладомъ — предо мной
 Висѣль съ опущенной главой!
 Я руку шихую подняль!
 Я чувствоваль, какъ исчезаль
 Въ ней слѣдъ послѣдней теплошы!
 И, мнилось, были опняты
 Всѣ силы у души моей!
 Все спрашно вдругъ сперлося въ ней!
 Я дико по шюръмѣ бродиль —
 Но въ ней покой ужасный былъ,
 Лишь вѣяль ошъ спѣны сырой,
 Какфй-то холодъ гробовой!
 И взоръ на мершваго вперивъ,
 Я зналь лишъ смушно, что я живъ!
 О, сколько муки въ знаньи помъ,
 Когда мы тушь же узнаемъ,
 Что милому уже не бышь!
 И мигъ сей могъ я пережить!
 Не знаю — вѣраль шо была,
 Иль хладность къ жизни жизнь спасла!"

Живость красокъ сей карпины, пол-
 ноша ея, выборъ подробностей, истинно
 поэтическихъ, естесшвенность перехо-
 довъ ошъ одного чувшва къ другому, вѣр-

ность уподоблений — все вмѣстѣ показываешь, что сочинитель одаренъ воображеніемъ пламеннымъ, глубокою чувствительностію и самымъ разборчивымъ вкусомъ.

Послѣ приведенныхъ нами стиховъ мы считаемъ излишнимъ говорить о совершенствѣ перевода. Читая оный, ничего не находишь, что бы напоминало о переводѣ. Кто по собственному опыту знакомъ съ симъ занятіемъ, шопъ въ состояніи понять, сколько предположить трудностей переводчику, если онъ захочетъ въ точности удержатъ не только полную мысль автора, но даже и форму, въ какой она имъ изложена. Сочинитель власнень переспанавливать ходъ мыслей, раздроблять и сжимать ихъ — это все вмѣстѣ облегчаетъ трудъ его: но переводчикъ, если онъ хочетъ быть вѣрнымъ зеркаломъ мыслей другаго, не имѣетъ права ни на какую вольность. По этому чаще всего въ переводахъ встрѣчающся намъ или недоговоренныя мѣста, или спранныя разпановка словъ, или неестественное печеніе мыслей и проч. У

Жуковского въ эпюмъ случаѣ удивительное искусство: онъ часто перелагаетъ слово въ слово, и въ переводѣ почто также хорошо изображается мысль, какъ хорошо она изображена въ подлинникѣ. Эпо надобно приписать особенной способности, съ какою онъ мысли и чувства другаго вмѣщаетъ въ душѣ своей — и, будучи весь исполненъ ими, излагаетъ ихъ, какъ свои. Всякое произведеніе поэзіи есть слѣдствіе одушевленія, которое сообщается только людямъ, рожденнымъ съ равною чувствительностію. Переводчикъ, не имѣющій одинаковаго таланта съ авторомъ, всегда будетъ дурнымъ переводчикомъ; потому что онъ, постигнувъ мысль, не преобразилъ ее въ свою — и передастъ читателю слабо и холодно. Мы даже осмѣливаемся рѣшительно сказать, что переводитъ такимъ образомъ, какъ переводитъ Жуковский, все равно, что созидать. Авторъ беретъ главную мысль свою въ собственномъ сердцѣ, или въ природѣ: Жуковский, усмотрѣвъ ее, погружается въ то же источникъ, и вдругъ показываетъ ее

намъ, какъ такую вещь, которою онъ давно обладалъ, но случайно забылъ о ней. Конечно наше народное самолюбіе желало бы видѣшь въ такомъ талантѣ болѣе заботливости предупреждать другихъ своими произведеніями; но свободная дѣятельность всегда была и будетъ исключительною принадлежностію Генія.

Поводомъ къ переводу Шильонскаго узника было путешествіе Жуковскаго въ тѣ мѣста, гдѣ спрадалъ герой сей Пэммы. Переводчикъ украсилъ свое изданіе гравированною картинкою, изображающею наружный видъ замка Шильона и внутренность тюрьмы Боннивара. То и другое снято съ натуры самимъ переводчикомъ, опъ чего сія картинка для любителей его таланта навсегда останется драгоценною.

Плетневъ.

С М Ъ С Ъ.

ЛЪТОПИСИ ОБЩЕСТВА.

I.

На основаніи §§ 99 и 100 первой части ВЪССОЧАЙШЕ Утвержденнаго Устава, Обществу имѣло въ 19 день Іюня сего года полугодичное собраніе свое.

По прибытіи ГГ. Членовъ, Г. Предсѣдатель О. Н. Глинка открылъ засѣданіе слѣдующею крашкою рѣчью.

„Милоспивые Государя!

Протекло и еще одно полугодіе со времени послѣднихъ выборовъ нашихъ. — Невозвратно протекшее, но для насъ оно не поперяно. Обществу наше находишься еще въ томъ счастливомъ состояніи, когда время, ничего не опшимаая, придаетъ бодрость и силы трудящимся, и зрѣлость и успѣхи трудамъ. —

Изъ опчета почтеннаго Г. Секретаря нашего вы сами, ММ. ГГ., пріятнымъ образомъ удостоверишь въ истинѣ моего замѣчанія.

Провидѣніе, по высокой благоспи своей, благословляетъ доселѣ всѣ подвиги ваши на поприщѣ добра и свѣта. — Съ веселымъ сердцемъ смопрю я на списокъ почтенныхъ сочленовъ нашихъ — и радуюсь, видя, что въ печеніи послѣднихъ 6 мѣсяцевъ ни одно имя не изглажено перстомъ смерти. — Можеть быть; нѣкоторыхъ коснулись обстоятельства непріятныя. — Но да утѣшались они мыслию, что бури жизни сполько же прѣходящи и шакже благодѣтельны, какъ и бури воздушныя. — Онѣ освѣжаютъ единообразное бытіе наше, и безсмертная душа человѣка, поставленная въ бореніи съ превращеніями жизни, веселился своею чиспопою и силою, которой не подозрѣваетъ въ себѣ, когда погружена бываетъ въ безпечную дремоту обворожительными ласками счастья земнаго.

Благая десница предлагаетъ намъ, на пиру жизни, яства сладкія и горькія: мудрый не отвергаетъ ни одинаго изъ даровъ незримаго угостишеля.

Однѣ только низкія страсти, возмущая драгоцѣнное спокойствіе души, дѣлають человѣка дѣйствительно злополучнымъ. Но, къ

счастію, онѣ, мяжежныя, не возмуцали мирнаго круга нашего. — Тишина и согласіе украсили скромныя дружелюбныя бесѣды наши. — Строгое исполненіе закона ведетъ къ порядку, а порядокъ располагаетъ душу къ принятію всего прекраснаго, всего возвышеннаго. — Только въ спокойныхъ и чистыхъ водахъ вполнѣ отражаются великолѣпныя свѣтила небесныя. — „Будьте чисты сердцемъ, чтобы увидѣть Бога свѣта!“ Такъ восклицаетъ *Каллимахъ* въ Гимнѣ своемъ. — Душа, волнуемая бурей земныхъ спрасей, перьяетъ шу прелестную ясновость, копорою сияетъ опечесство ея — небо! — И пакъ, пусть раздаются вопли и шипѣніе у подножія *Парнасса*, но священная вершина горы сей одѣяна шишиною священной. Туда спремисся благородный духъ *Поэта*; шамъ освѣжается онъ водою живошворною. — Вы, М. ГГ.—, дознали на опытѣ, какое высокое удовольствіе сопровождаетъ занятія Общества, непричастнаго раздорамъ, опвергающаго личныя спрасши, личныя выгоды — и желающаго достигнуть, въ шишинѣ, одной общей цѣли — цѣли добра и пользы! — Похвальное желаніе! — Да увѣнчаетъ его счастливое исполненіе!

Древніе полагали, что пріяшнѣйшее Общество есть то, въ копоромъ число сочле-

новъ не менѣ числа *Грацій* и не болѣе числа *Музъ*. Не споря съ древними, согласимся однакожь, что успѣхи новѣйшей образованности сблизили людей и, смягчивъ нравы, доказали, что и *многіе* могутъ быть соединены близко единствомъ правилъ и воли. Кажется, и наши собранія служатъ тому примѣромъ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ могу я теперь сказать вамъ, ММ. ГГ., что, въ печеніи сего полугодія, и ошдаленные Сочлены наши не забывали насъ своими ласками, не оставляли своимъ содѣйствіемъ. — Вамъ извѣстно уже, какой прекрасный даръ получили мы отъ Попечителя нашего И. И. Дмипріева. Нынѣ Общество въ скоромъ времени въ состояніи будетъ представить свѣту знаменитыя его творенія, копорыхъ превосходное изданіе уже приводится къ желанному концу особенными трудами почтеннаго Н. И. Гнѣдича, и содѣйствіемъ Д. И. Языкова и Н. И. Греча. — Мы обязаны также опличною благодарностию Почетному Члену Общества Его Превосходительства А. В. *Иловайскому*, за его усердное содѣйствіе избранной нами цѣли — вспомоществованія ученымъ и учащимся.

Объ оборотахъ денежныхъ суммъ и о прочемъ извѣстятъ васъ обшполнительнѣе — опчеты ГГ. Секретаря и Казначей. — Я же, съ своей стороны, съ душевною радостию нахо-

жу, чѣмъ, вѣмопрѣвѣвшись ближе въ дѣла наши, мы, кажепса, можемъ согласишься, что Общество находишь нынѣ въ томъ благодатномъ состояніи, которое такъ превосходно описываетъ *Адамъ Смитъ*, говоря объ обществахъ гражданскихъ, когда вмѣстѣ съ умноженіемъ ихъ силъ и способовъ, разпрѣстраняется кругъ ихъ блестящей дѣятельности.

Но не будемъ смотрѣть съ безпечнымъ равнодушіемъ, или холодностію на такое положеніе Общества: ибо что есть постоянное подъ солнцемъ и въ судьбѣ человѣка? — Сегодня пловцы наслаждаются безопасностію въ присяни надежной, а завтра свирѣпая буря мещетъ разсѣянные челны ихъ по зыблямъ моря кипящаго. — Картины жизни перемѣняются, какъ явленія оппическія: извините, что я осмѣлился бросить оппѣнокъ такой на пріимную каршину настоящаго положенія нашего. — Въ древнемъ Египтѣ, какъ говоришь преданіе, среди роскошнѣйшаго пира, предспавляли глазамъ собесѣдниковъ *мертвую голову*. — Такъ, мысль о будущемъ придаетъ цѣну настоящему. Обыкновенно поступаютъ со счастьемъ, какъ съ здоровьемъ, начиная дорожить имъ съ той минуты, какъ его теряють. — Но вы, М. ГГ., видя уже явную пользу оппъ соединенія вашего въ Общество, конечно не оппкажешесь поддержаніемъ на-

ешоящее онаго положеніе, шѣмъ болѣе, что все въ немъ хорошее естъ плодъ вашихъ благородныхъ трудовъ, вашего собственнаго спаранія!

Да процвѣпаетъ же сіе любезное намъ Общеспво, крѣпясь иѣвозраспая въ благоговѣйныхъ чувспвахъ благодарности ко ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ и чистосердечной признашельности къ доспощеннымъ Попечителямъ нашимъ.

Но всего болѣе да будемъ, какъ и всегда, шверды упованіемъ на Того, Кто маніемъ десницы вращаетъ небеса и судьбы человѣковъ! — Все высокое, все благое низходитъ, ошь Него — Отца свѣловъ!“ —

По окончаніи рѣчи, Г. Секретарь Общеспва А. А. Никишинъ представилъ собранію подробный отчетъ о всѣхъ дѣйсствіяхъ сего Сословія по ученой и распорядительной части, объ оборотѣ денежнаго капитала, пожертвованіяхъ и объ оказанныхъ Общеспвомъ пособіяхъ, въ шеченіе первой половины шекущаго года.

Послѣ сего, во исполненіе §§ 44 и 45 шой же части Устава, избраны по балопированію на впоруую половину года:

Предсѣдателемъ **Ө. Н. Глинка.**

Помощникомъ Предсѣдателя **Н. И. Гнѣдичъ.**

Цензоромъ Прозы **Д. М. Княжевичъ.**

Цензоромъ Поэзіи В. И. Панаевъ.
 Цензоромъ Библиографіи А. А. Беспужевъ,
 Секретаремъ Общества А. А. Никишинъ.
 Секретаремъ Цензуры и Комитета П. А.
 Плешневъ.
 Библиошекаремъ И. К. Аничковъ.
 Казначеемъ И. Д. Боровковъ.
 Исполнителемъ Е. П. Люценко.
 Членами Цензурнаго Комитета:
 Н. А. Беспужевъ, А. М. Княжевичъ и В.
 М. Княжевичъ.

II.

По существу § 38 Устава избраны въ
 Члены-Корреспонденты: Магистръ Филосо-
 фіи Виленскаго Университета Викентій
 Спаниславовичъ Пелчинскій, въ Виленѣ; Гвар-
 дія Поручикъ Василій Ивановичъ Головинъ,
 и извѣстный историческими изысканіями
 своими Константинъ Федоровичъ Калайдо-
 вичъ, въ Москвѣ.

III.

Во исполненіе § 22 второй части Уста-
 ва, Общество долгомъ считаетъ извѣстить
 почтенныхъ чинашелей Соревнователя,

поступившихъ вновь суммахъ на благопво-
реніе:

Отъ ГГ. Почетныхъ Членовъ:

Его Высокопревосходительства Николая Семеновича Морд- винова - - - -	200 руб.
<i>Ихъ Превосходительства:</i>	
В. И. Голынского - - - -	100 —
А. В. Иловайскаго, доставлен- ные къ нему опы разныхъ пренумераншовъ - - - -	53 р. 65 к.
А. А. Прокоповича-Аншонскаго	40 руб.
Его Высокородія М. Н. Суш- кова - - - -	70 —
— Г. Дѣйствительнаго Члена Гра- фа Д. И. Хвостова - - - -	25 —

— Постороннихъ особъ:

Его Превосходительства Г-на Гродненскаго Гр. Губерна- шора, доставленные къ не- му опы пренумераншовъ -	8. —
<i>Ихъ Высокоблагородій:</i>	
Василья Львовича Давыдова -	20 —
Петра Машвъевича Муромцова	10 —

Петра Степановича Евшюгина	10 руб.
Ихъ Благородій:	
Тихона Ивановича Сысоева	- 10 —
Ивана Федоровича Базилевскаго	20 —
Алексѣя Васильевича Головкин-	
скаго	- - - - 20 —
Власа Адамовича Ходжаева	- 10 —
Высыпано изъ находящейся въ Об-	
щесствѣ кружки для бѣдныхъ	- 60 —

Всего - 656 р. 65 к.

IV.

Общество, убѣждаясь бѣднымъ состояніемъ бывшаго училелемъ въ I Кадетскомъ Корпусѣ Типулярнаго Совѣтника Василія Балахнина опредѣлило производить ему въ пансіонъ по 10 руб. ежемѣсячно, начавъ выдачу оныхъ съ I Генваря сего 1822 года.

V.

Изъ имѣющей въ Общесствѣ суммы по благошворенію употреблено въ печеніи Марша, Апрѣля, Мая и Іюня мѣсяцевъ:

а) На поспоянныя вспоможенія.

Выдано Пансіонерамъ Общества.

За Генварь, Февраль, Мартъ, Апрельъ, Май и
Июнь.

Г. Балахнину - - - - 60 руб.

За Мартъ, Апрельъ, Май и Июнь.

Г-жѣ Нелашевской - - - 100 —

Г. Авикину - - - - 100 —

За Май и Июнь -

Г. Ск му - - - - 50 —

Г. Новоселову - - - - 50 —

Г. Захарову - - - - 30 —

Г. Ад чу - - - - 30 —

Г-жѣ Власовой - - - - 50 —

Итого - - 470 руб.

б) На временныя вспоможенія.

Доктору Медицины Зандбергу - 100 —

Учителю въ Ревелѣ Г. Зёммерингу 100 —

Тишулярному Совѣщнику Михайлову
для взноса въ Александроневскую
Семинарію за сына его - - 50 —Вдовѣ учителя Морскаго Кадетскаго
Корпуса Пелагеѣ Филаповой - 25 —

Чиновнику Г. В . . . ъ, копорый
 прежде сего получилъ отъ Об-
 щества - - - - - 200 руб.
 въ единовременное пособіе, нынѣ еще 200 —
 Итого - - 475 руб.
 Всего - - - 945. руб.

УГ.

Общество долгомъ поставляетъ прине-
 сти истинную благодарность свою Правленію
 ИМПЕРАТОРСКАГО Каз. Университета,
 Курляндскому Обществу Наукъ и Художествъ,
 извѣстному Липератору Павлу Юрьевичу
 Львову, Флигель-Адьютаншу ЕГО ИМПЕР.
 ВЕЛИЧЕСТВА Князю Голицыну, ГГ. Габбе
 и Селивановскому, отъ коихъ оно имѣло честь
 получить слѣдующія пожертвованія: *отъ пер-*
ваго — Казанскій Вѣстникъ, издаваемый при
 Университетѣ на 1822 годъ; *отъ втораго* из-
 даваемые онымъ труды: *Jahresverhandlungen*
der Kurländischen Gesellschaft für Literatur und
Kunst; *отъ третьаго* — Храмъ славы великихъ
 Россіянъ; *отъ четвертаго* — золошой черво-
 нецъ 1559 года; *отъ пятаго* — Біографическое
 похвальное слово Г-жѣ Спаль-Гольшпейнъ, а
отъ послѣдняго — жизнь Али, Паши Янинска-
 го, со времени его дѣлства до 1821 года, со-
 чиненіе Пукевля.

Н А У К И.

И С Т О Р І Я.

ГОДФРЕДЪ БУЛЬОНСКІЙ.

Въ числѣ истинныхъ героевъ христіанства, Годфредъ Бульонскій, наполняющій цѣлый свѣтъ своею славою, отличался рыцарскимъ величіемъ души и необыкновеннымъ благочестіемъ. Онъ былъ достоинъ того счастья, въ которомъ Александръ завидовалъ Ахиллесу — счастья быть воспѣтымъ великимъ спихотворцемъ. Его добродѣтели и подвиги составляютъ главный предметъ бессмертной поэмы Тасса.

Часть XIX. Кн. III.

16

Онъ былъ второй сынъ почтенныхъ и крошкихъ родителей; принадлежалъ равно Гермаціи, какъ и Франціи; звалъ языки обѣихъ странъ сихъ одинаково. Опець его, Евстахій, былъ Герцогомъ Булоньи; мать, Ида, Лопарингская, была сеспра Годфреда, Герцога Нижней Лопарингии, который ему, какъ своему одноименному племяннику и крестному сыну, оставилъ въ наслѣдство всѣ свои владѣнія. Мѣсто и время его рожденія неизвѣсны; равно и о младенческихъ его лѣтахъ ничего не упоминается въ лѣтописяхъ, кромѣ того, что мать, какъ бы вдохновенная, предрѣкла будущую участь его и его братьевъ. Вотъ, какъ о томъ рассказываютъ: однажды маленькой Годфредъ съ братьями своими Евстахіемъ и Бодуиномъ (о прешьемъ, Вильгельмъ, который во время крестовыхъ походовъ оставался дома, ничего болѣе не упоминается) рѣзвились между собою въ комнатѣ своей матери. Бѣгая одинъ за другимъ, бросились они вдругъ на грудь ея и закушались въ ея одежду. Въ это время входилъ въ комнату ихъ по-

чтенный родителъ, видяиъ движеніе подъ плаиьемъ супруги своей и спраши-
 вавшъ, что у нея тамъ. Вмигъ отвѣча-
 етъ она: „три великіе Принца, изъ ко-
 торыхъ одинъ будетъ Герцогомъ, другой
 Королемъ, третій Графомъ.“ Точно такъ
 и случилось. Годфредъ, чрезъ нѣсколько
 лѣтъ по смерти своего дяди (1089), сдѣ-
 лался Герцогомъ Нижней Лопарингии,
 Бодуинъ въ послѣдствіи Королемъ Іеру-
 салимскимъ, а Евспахій, какъ наслѣд-
 никъ опцовскихъ владѣній, Графомъ Бу-
 льонскимъ. Изъ нихъ величайшую славу
 приобрѣлъ Годфредъ.

Наружность его была чрезвычайно
 привлекательна: умѣренный ростъ, пре-
 лесное лице, дружественный взглядъ,
 бѣлокурая борода, крѣпкое сложеніе. Но
 внутреннія достоинства были еще нео-
 цѣннѣе. Онъ былъ уменъ и благоче-
 шивъ, добръ, справедливъ и безкоры-
 стень, врагъ шщеславія и покоя, споекъ
 въ своихъ обѣщаніяхъ, ласковъ въ обхо-
 жденіи, твердъ въ опасностяхъ; въ храбро-
 сти же, ловкости и дѣятельности немно-
 гіе шолько достигли его степени, но никлю

превозмогли его не могъ. Таковы были его качества еще прежде похода во Святую землю, а тогда, при завоеваніи оной и правленіи, еще возвышеннѣе.

Изъ прежнихъ его подвиговъ извѣстны только два — свидѣтели первыхъ его доблестей и великодушныхъ чувствованій. Во время войны съ Рудольфомъ Швабскимъ ввѣрилъ ему Императоръ Генрихъ IV главную хоругвь, и онъ въ сраженіи при Мерзебургѣ (1080) мужествомъ и счастьемъ своимъ произвелъ такіе успѣхи, что ему наиболѣе приписываютъ нанесенную Рудольфу смертельную рану и совершенное его пораженіе. Точно также опличился онъ, какъ Вассалъ Императора, и при осадѣ Рима (1081—1084). Спустя нѣсколько времени имѣлъ онъ при дворѣ Императорскомъ весьма запущанную тяжбу о нѣкоторыхъ значительныхъ владѣніяхъ съ однимъ знатнымъ и сильнымъ своимъ родственникомъ. Судьи, по тогдашнему обычаю, присудили шакъ, чтобы поединокъ показалъ на то волю Божію. Хотя Годфредъ чувствовалъ всю несообразность сего приговора, но, чтобы

не запятнать рыцарской чести своей, не могъ на то не согласиться.

Единоборство было принято, и онъ при глазахъ Императора, многихъ Принцевъ и безчисленной толпы народа выступилъ на бой съ своимъ противникомъ. Оба сражались мужественно, но вдругъ, при сильномъ напорѣ, изломился мечъ Годфреда на полфула отъ ефеса. Бой сдѣлался неравнымъ. Судьи предложили перемирие и обратились къ Императору съ просьбою, чтобы прекратилъ сраженіе. Однако Годфредъ не хотѣлъ оставить боя, какъ помилованный, съ видомъ униженія. Онъ отказался отъ мира и единоборство возобновилось. Съ необыкновеннымъ искусствомъ и ловкостію умѣлъ онъ отклоняться отъ ударовъ противника; съ необыкновеннымъ искусствомъ и ловкостію нападалъ онъ, и поразилъ его своимъ обломаннымъ мечемъ такъ сильно въ високъ, что потъ упалъ безъ чувствъ на землю. Тупъ отбросилъ Годфредъ свой мечъ и схватилъ мечъ противника; но не кровожадный разоборецъ, а герой крошккой и челоуѣколюбивый, просилъ онъ

теперь Принцевъ вслушались въ посредничество къ миру и не допустили низверженнаго до поспыдной смерти.

Герой, исполненный великимъ мужествомъ и крепостию, долженъ былъ конечно съ восторгомъ услышать призывный гласъ къ освобожденію Святаго гроба. Здѣсь могъ онъ найти обширное поле для своихъ доблестей; здѣсь благочестивое намѣреніе, издавна уже таившееся въ душѣ его, могло со славою совершиться! Онъ поспѣшилъ присоединиться къ ратоборцамъ Святаго гроба; помирился для того съ Епископомъ Вердунскимъ, съ коимъ имѣлъ вражду; продалъ многія изъ своихъ владѣній, заложилъ даже родовой замокъ свой Бульонъ въ Арденской области (еще кошараго и получилъ онъ свое проименованіе) въ Люшихскую церковь, чтобы имѣть возможность вооружиться какъ должно, и собралъ въ Германіи и Франціи полпу воиновъ, которой число простиралось до 80,000 пѣшими и до 10,000 всадниками. Съ ними выступилъ онъ въ Августѣ 1096 въ походъ чрезъ Германію, Венгрію и

Греческую Имперію въ Свяшую землю.

Здѣсь не мѣсто вычислять всѣ подвиги его въ продолженіе сего похода и всѣ трудности, которыя превозмогъ онъ при томъ. Однако должны мы замѣтить, что въ это время удерживалъ онъ въ строгомъ порядкѣ своихъ, воиновъ; что приобрѣлъ имъ и себѣ уваженіе отъ правителей Венгрии и Греческой Имперіи; что нерѣдко укрощалъ гибельныя распри между несогласными крестоносцами; и что, гдѣ только совершилось что либо доблестное и великое, вездѣ отличался отъ всѣхъ его имя. Ему въ особенности приписываютъ знаменитую побѣду, которую крестоносцы (109,) одержали въ Малой Азіи при Дорилеумѣ; предъ Антиохіей и въ ней самой, гдѣ бѣдствія отъ голода и страха приводили всѣхъ въ уныніе, только онъ съ весьма немногими не терялъ духа, помогалъ гдѣ можно, спасалъ, одушевлялъ; особенное участіе принималъ онъ въ побѣдѣ надъ ужаснымъ Кербогой; при осадѣ Іерусалима былъ одинъ изъ отважнѣйшихъ, а при завое-

ваніи одинъ изъ крошчайшихъ: вездѣ предшествовалъ своему войску съ рѣдкимъ величіемъ души, какъ герой, избранный самимъ небомъ.

На переходѣ отъ Дорилеума къ Тарзу, достигли крестовосцы одной пріятной долины и шуть оспановились. Прелестныя роци въ окрестности приманили Принцевъ устроишь тамъ охоту. Вскорѣ они разсѣялись, а Годфредъ, разлученный съ другими, увидѣлъ вдругъ бѣднаго странника, преслѣдуемаго страшнымъ медвѣдемъ. Вмигъ выхватываетъ онъ мечъ и съ сильнымъ крикомъ бросается на медвѣдя. Сей въ бѣшенствѣ оставляетъ странника, обращается къ Герцогу и, спавъ на дыбы, силился обхватишь его. Герцогъ съ обыкновенною неустрашимосшію направляетъ мощный ударъ на медвѣдя, но мимо. Туть огромными своими лапами схватываетъ его медвѣдь за колашь и повергаетъ на землю. Герцогъ мгновенно поднимается и берется за мечъ, который при паденіи съ лошади попался ему между ногами; но шуть по неоспорожности самъ

себѣ наносишь рану въ лядвію. Не смотря на то, вонзаешь онъ мечъ въ пасъ чудовища. Бой продолжается упорно, и все сильнѣе течетъ кровь изъ ноги Годфреда, и все болѣе умножается его истомленіе. Положеніе его спановилось очень сомнительнымъ. Но вдругъ, привлеченный крикомъ спасеннаго крестоносца, является одинъ изъ Годфредовыхъ всадниковъ, бросается на помощь и ударомъ меча оканчиваетъ низверженіе чудовища. Тогда почувствовалъ Герцогъ всю мѣру своего испощенія. Его кладутъ на носилки и, при жалобныхъ кликахъ всего войска, приносятъ въ спанъ. Долго не могъ онъ оправиться послѣ сей сшранной битвы.

И въ послѣдствіи оказалъ Годфредъ многими примѣрами свою неустрашимость и необыкновенную крѣпость силъ своихъ. При осадѣ Антіохіи, когда Турки напали на Христіанъ, онъ одинъ, своими благоразумными распорядками и личною храбростію, вывелъ крестоносцевъ изъ самага затруднительнаго положенія. Многимъ Туркамъ разсѣкалъ онъ надвое

черепъ однимъ ударомъ меча, а одного изъ нихъ поразилъ съ такою силою по лѣвому плечу, что мечъ вышелъ черезъ правый бокъ у самаго пояса; одна половина разсѣченнаго Турка упала на землю, а другая оспалась въ сѣдлѣ, а конь, испуганный, умчался съ нею въ городъ. Въ концѣ Октября 1098, возвращаясь изъ Эдессы въ Антиюхію, съ двѣнадцатью шолько всадниковъ, вдругъ встрѣчаетъ онъ полпораспа Турокъ, копорые на него нападають; но мужество его превозмогло число непріятелей: шрицашъ изъ нихъ были убиты, другіе шрицашъ взяты въ плѣнь, а оспальныхъ прогналъ онъ въ близлежащія болоша, гдѣ многіе также погибли.

Еще большую похвалу заслуживаетъ его безкорыстіе. Въ то время, когда другіе крестовые Принцы помышляли шолько о добычѣ или о новыхъ пріобрѣщеніяхъ, онъ ни о чемъ не заботился, кромѣ чести Христовой и благоденствія собратій своихъ. Симъ высокимъ предположеніемъ жертвовалъ онъ съ радостію всѣмъ земнымъ.

Счастливы были бы крестоносцы, еслибъ они при самомъ началѣ поручили предводительство сему совершенному герою. Но во время похода онъ не былъ общимъ военачальникомъ, а просто однимъ изъ полководцевъ, и только по внутреннему своему достоинству имѣлъ большой вѣсъ надъ другими. Не ранѣе, какъ при взятіи Иерусалима, намяновали его Королемъ. Вотъ какъ это было.

Черезъ недѣлю по завоеваніи Иерусалима собрались всѣ Принцы крестоносцевъ для избранія Герцога Годфреда въ Короли. Его считали они достойнѣйшимъ, и даже всѣ домашніе, свидѣтели частной его жизни, копорые подъ клятвой спрашиваемы были, не могли ничего найсти въ немъ худаго, кромѣ того, что онъ слишкомъ долго, и по окончаніи уже богослуженія, оставался въ церкви, оцъ чего нерѣдко случалось имъ голодать въ ожиданіи обѣда. Черезъ сіе удостовѣреніе о непорочной его жизни утвержденные въ своемъ намѣреніи, Принцы повели его въ церковь Святаго гроба и при громкихъ, торжественныхъ пѣснопѣніяхъ,

провозгласили Королемъ Иерусалимскимъ. Онъ принялъ сіе званіе, но исполненный крошкато чувствва приличія, отказался ошь помазанія и коронованія. „Какъ могу я, говорилъ онъ, какъ могу носитьъ золотую корону здѣсь, гдѣ Царь царей носилъ иерновую?“ Онъ запретилъ давань себѣ и пишуть короля; хотѣлъ именоваться только защитникомъ Святаго гроба; самъ же все еще называлъ себя Герцогомъ.

Званіе, которое онъ на себя принялъ, сопряжено было съ большими трудностями и опасностями. Новое королевство было весьма необширно и нигдѣ не защищено; Иерусалимъ былъ окруженъ неприятелями; между крепостцами происходили непрерывное несогласіе и распри; силы ихъ были раздѣлены; число весьма уже уменьшилось. Не смотря на то, Годфредъ умѣлъ доставить новому королевству прочное основаніе, устройство и уваженіе ошь другихъ. Только одинъ годъ царствовалъ онъ, однако и въ сіе короткое время совершилъ весьма многое.

Прежде всего употребилъ онъ спа-

раніе объ устройствѣ церкви Святаго гроба и опредѣлили къ ней насидоятеля; попомъ принудили Графа Раймунда сдать врапа Давыдовы, которыя съ самага завоеванія Іерусалима были имъ содержимы въ осадѣ. Наконецъ съ обыкновеннымъ своимъ мужествомъ и благоразуміемъ поднялъ снова оужіе, чшобы ишши противъ огромнаго войска, которое Султанъ Египешскій выслалъ, подъ предводительствомъ визира своего Афдала, для уничтоженія крестоносцевъ и разрушенія Святыхъ мѣстъ. При Аскалонѣ далъ онъ сраженіе (12 Августа 1099) и выигранность его написка доставила ему быструю и рѣшительную побѣду. Тридцать тысячъ непріятели было убито на мѣстѣ, еще болѣе въ бѣгу; главная хоругвь войска, мечъ предводителя и весь лагерь, съ бывшими въ немъ богатствами, доставались въ руки Христіанъ, и сею важною побѣдою ушвердилась вполнѣ власность ихъ въ Азіи.

Охотно воспользовался бы Годфредъ шаковымъ поражениемъ невѣрныхъ, чшобы овладѣть двумя непріятельскими го-

родами, вблизи Иерусалима лежащими, Аскалономъ и Арсуфомъ; но сдѣланныя къ тому покушенія были разстроены Графомъ Раймундомъ. Сей, завидуя славу Годфреда и въ досадѣ за то, что его заставили сдать врага Давыдовы, увѣдомлялъ невѣрныхъ обоихъ городовъ, посредствомъ тайныхъ вѣспниковъ, о слабости Христіанскаго войска, и увѣщевалъ ихъ къ сопрошивленію. Годфредъ узнавъ о семъ предашельствѣ и, восплававъ праведнымъ гнѣвомъ, вознамѣрился оплести кровью. Уже подвинулся онъ съ войскомъ къ стану Раймунда, разположенному близъ Кесаріи; уже и сей съ угрозами предсхалъ ему на встрѣчу; уже казалось, что крестоносцы истребятъ въ яростномъ изступленіи другъ друга; но Робертъ Фландрскій и другіе благомыслящіе Принцы вступили въ посредничество между раздраженными, и великое сердце Годфреда склонилось къ миру. Онъ превозмогъ, воспламенившійся гнѣвъ и просилъ своему прошивнику.

Едва прекратилась сія распря, какъ оба Роберта, Графъ Раймундъ и даже Ев-

спяхій; брать Герцога, объявили, что, исполнивъ обѣщанія свои, освободя Святой гробъ и обезопасивъ побѣдою при Аскалонѣ новое королевство, они не могутъ прощившись болѣе своему стремленію возвратиться въ отечество. Горько было Годфреду разлучиться съ шлоикимъ числомъ соратниковъ, съ коими переносилъ труды и опасности; горько было помыслишь, какъ много потеряешь чрезъ то едва возникающее королевство; однако онъ не возпрошившись ихъ желаніямъ, согласился опустившись ихъ со всѣми ополченіями, изъ нѣсколькихъ тысячъ состоящими. При расставаніи онъ не могъ удержаться порыва чувствъ, сдержившихся изъ снѣсенной груди его. Долго держалъ отбывающихъ въ своихъ объятіяхъ; со слезами просилъ не забывать его и прощрашь полуденныхъ христіанъ къ посвященію Святаго гроба, чтобы ему и его товарищамъ облегчить защиту онаго.

Годфредъ дѣйствительно находился тогда въ весьма затруднительномъ положеніи. Новое королевство, повсюду окруженное непріятелемъ, по отбываніи столь

большаго числа крестоносцевъ, могло про-
тивопоставишь ему только 2000 пѣшихъ,
300 всадниковъ и нѣсколькихъ рыцарей,
изъ коихъ особенно упоминается въ
лѣтописяхъ о Танкредѣ и Вернерѣ Грейц-
комъ. Какъ легко сія малая толпа мог-
ла быть уничтожена, еслибъ невѣрные
оправились ошъ прешерпѣннаго ими уро-
на, или еслибъ совокупились для нападе-
нiя вдругъ всѣми своими силами! Год-
Фредъ, предупреждая сіе, неушомимо спа-
рался разпространять ужась своего ору-
жiя, дабы чрезъ то содержать невѣр-
ныхъ въ уваженiи къ своему королевств-
ву. Между шѣмъ, какъ храбрый Танкредъ,
по его повелѣнiю, дѣйствовалъ съ успѣ-
хомъ на западномъ берегу Генезаретска-
го озера и овладѣлъ Тиверiей, самъ онъ
предпринималъ вылазки на прошивопо-
ложный берегъ Иордана и доспавалъ себѣ
шакимъ образомъ съѣспные припасы и
различныя добычи. Далѣе принудилъ онъ
Эмировъ Акскаго, Кесарiйскаго и Аска-
лонскаго платишь дань и укрѣпилъ Яф-
скую гавань, единственнѣй пунктъ со-
единенiя съ полуденными землями. Не

смотря на то, онъ весьма чувствовалъ, сколь слабы силы его для важныхъ предприятий и какой опасности можетъ подвергнуться королевство его. По сему радость его была неописанна, когда къ празднику Рождества Христова явились вдругъ двое изъ прежнихъ его соратниковъ: братъ его Бодуинъ, Князь Эдесскій, и Богемундъ, Князь Антиохійскій, съ 20,000 приславшихъ къ нимъ близъ Лаодицеи странниковъ изъ Пизы и другихъ Итальянскихъ городовъ. Ихъ намѣреніе было праздновать Рождество Спасителя на самомъ мѣстѣ Его рожденія и потомъ отправиться на поклоненіе къ прочимъ Святымъ мѣстамъ. Съ восхищеніемъ встрѣтилъ и привѣтствовалъ ихъ Годфредъ — и новыя надежды озарили его, когда, по отъѣздѣ Богемунда и Бодуина, нѣсколько тысячъ Пизонцевъ осталось при немъ.

Но сей же случай, отъ котораго ожидалъ онъ облегченія своей участи, былъ поводомъ къ неожиданнымъ для него прискорбіямъ. Въсплѣсъ съ пришельцами явился Дагобертъ, Епископъ Пизанскій.

Часъ XIX. Кн. III. 17

скій, человекъ гордый, властолюбивый. Недовольно ему было, что его возвысили въ достоинство Паптіарха Іерусалимскаго, что назначили ему богашое содержаніе, что Годфредъ и Богемундъ приняли отъ него инвеституру; или утверженіе на свои званія: онъ добивался еще, чтобы Годфредъ уступилъ ему, самый Іерусалимъ и укрѣпленную гавань Яфскую. Напрасно противился этому Годфредъ: онъ успѣлъ только въ томъ, что Іерусалимъ и Яффа оставлены были за нимъ до полъ, пока не присоединитъ онъ другихъ городовъ къ государству; если же смерть постигнетъ его и не останется по немъ законныхъ послѣдниковъ, то все долженствовало принадлежать Паптіарху.

Можетъ быть, другой, при меньшей степени благочестивыхъ чувствованій и съ большею привязанностію къ вещамъ житейскимъ, упорно возпротивился бы сему униженію королевскаго достоинства, или, еслибы и долженъ былъ на то согласиться, сдѣлался бы, равнодушнѣе и безпечнѣе въ исполненіи высокихъ сво-

ихъ обязанности. Но не таковъ былъ Годфредъ! Благоденствіе новаго королевства не преснавало озабочивать великодушнаго его сердца. Еще въ бытность Богемунда и Бодуина соспавиль онъ съ ними и съ другими рыцарями совѣтъ для установленія законовъ королевства Іерусалимскаго. Поспавленія королевства Іерусалимскаго называются *Ассавали*, равно какъ *письмами гроба*, потому что они сберегались въ церкви Святаго гроба. По опѣздѣ же брата своего и Князя Аншіохійскаго (весною въ 1100) предпринялъ онъ съ Танкредомъ новую вылазку на Эмира Дамасскаго, чтобы опмстить кровь убиенныхъ Христіанъ и принудить его къ плашежу дани. Походъ сей совершился удачно. Въ печеніи двухъ недѣль Эмиръ доведенъ былъ до того, что просилъ мира и обѣщаль плашить ежегодную дань.

Между тѣмъ Венеціанскій флотъ, изъ 200 кораблей состоящій, вступилъ въ Яфскую гавань для подкрѣпленія крепостнощевъ. Услыша о томъ, Готфредъ, по окончаніи похода, отправился въ Яф-

фу, чтобы привѣщивовать новыхъ пришельцевъ. Но дорогой вдругъ занемогъ опасно отъ яблока, отравленнаго, какъ сказываютъ, Эмиромъ Кесарійскимъ, у котораго онъ съѣлъ его. Болѣзнь усиливалась такъ быспро, что едва могли довести его до Яффы, гдѣ онъ былъ въ состояніи переговорить только съ нѣкоторыми изъ значнѣйшихъ Венеціанъ. На другой же день велѣлъ онъ перенести себя въ Іерусалимъ. Чась смерти его видимо приближался. Приходящихъ въ сокрушеніи сердца друзей упѣшалъ онъ, и въ поже время не забывалъ пещись о благѣ государства. Танкреду поручилъ, съ помощію Венеціанъ, завоевать Каифу, а Папріарха Дагоберта заставилъ кляпвенно обѣщаться способствовать, по его кончинѣ, къ возведенію на прронъ Іерусалимскій непременно одного изъ Князей Лопарингскихъ. Исполнивъ такимъ образомъ свои земныя обязанности, помышлялъ онъ уже единственно о небесномъ: исповѣдовался и принялъ Святое причащеніе. Потомъ отошелъ спокойно въ вѣчность (18 Іюля, 1103), и шло его было

положено въ церкви подлѣ Святаго гроба, гдѣ дѣйствительно находили въ послѣдствіи его гробницу.

Велика была поперя сія для возникающаго королевства, и справедлива печаль, копорая за нею послѣдовала. Крепостносцы чувствовали, что въ немъ лишились храбраго, дѣятельнаго и кропкаго защитника; различныя хрисіанскія племяна въ Азіи раздѣляли съ ними сіе чувство, и даже Магомешане принимали участіе въ ихъ скорби. И они уважали его, и они удивлялись простотѣ жизни его и могуществу руки. Слава его не увядаетъ доселѣ — и не увянетъ, пока будутъ люди, копорые спануть уважать величіе души и высокія добродѣтели.

Съ Нѣмец. Вл.

САЛАДИНЪ.

Знаменитѣйшій изъ Магомеданскихъ государей, извѣстныхъ въ исторіи крестоныхъ походовъ, естъ Салагединъ, обыкновенно Саладиномъ называемый.

Онъ рожденъ не на тронѣ, и даже не въ такомъ состояніи, которое могло бы открывать ему виды на оный; но онъ былъ одаренъ талантами, дѣлавшими его способнымъ властвовать, а непрерывное низверженіе царствъ и царей на воспокъ, подало ему поводъ искать престола — и швердосць, чтобы доспигнуть его. Онъ вступилъ на престоль посредствомъ коварства и силы, но удержалъ его за собою своими доспигствами.

Отецъ его Эюбъ или Гюбъ, изъ полковнѣя Курдовъ, народа воинспвеннаго, живущаго разбойничествомъ по шу спону горы Тигра, находился сперва, какъ и многіе изъ его едиюземцевъ, въ службѣ Калифа Багдадскаго прослымъ воиномъ; потомъ способствоваль къ возвышенію Зенки, властителя Мосульскаго; служиль у Калифа Дамаскаго — и, когда сей былъ низверженъ, достигъ, въ службѣ могущеспвеннаго Нереддина, сына Зенки, званія Эмира. Симвъ по приготоовлено было возвышеніе Саладина; ибо онъ, родясь въ Месопотаміи (1137), находился еще съ опцемъ своимъ при Калифѣ Дамаскомъ, и, будучи одиннадцатилѣтнимъ ребенкомъ (1148), помогаль защищашь Дамаскъ противъ полководцевъ впораго крестоваго похода; потомъ, когда Нереддинъ овладѣль Дамаскомъ (1154); онъ вступиль къ нему въ службу, приобрѣль его довѣренность, былъ посланъ имъ въ Египетъ и проложиль тамъ дорогу, къ престолу.

Въ то время, когда Нереддинъ властвовалъ въ Сиріи, Египетъ былъ преежомимъ внутренними раздорами и не-

устройство. Онъ находился подъ властію Калифовъ Фашимидскихъ, или шакихъ, которые принадлежали къ сектѣ Али, замя Магомешова по дочери его Фалимъ. Сии Калифы, равно какъ и Абасидскіе въ Багдадѣ, поверглись въ безсиліе; они удерживали за собою только имя властелиновъ, но вся власть и сила находилась въ рукахъ тѣхъ, которые добивались при нихъ званія Визирей. Одинъ изъ нихъ, по имени Шаверъ, былъ (1162) изгнанъ своими врагами и обратился къ Нерединому съ просьбами о помощи. Сей, въ надеждѣ разпространить могущество свое и надъ Египтомъ, внялъ просьбамъ и обѣщаніямъ изгнанника, и послалъ туда своего полководца Ширку, дядю Саладина, и его самага, съ 3000 всадниковъ (1163). Вскорѣ однако почувствовалъ Шаверъ, сколь мало помощь сія служилъ къ собственнымъ его пользамъ. Онъ сталъ просить о защитѣ Алмерика, тогдашняго Короля Иерусалимскаго, но все напрасно. Послѣ многихъ переменъ счастья (1163—1168), все кончилось тѣмъ, что Шаверъ былъ казненъ, а Ширку сдѣ-

лался Визиремъ Фатимидскаго Калифа Адида (1169). Но по испеченіи двухъ мѣсяцевъ Ширку умеръ, и тогда племянникъ его Саладинъ, опличившійся уже во многихъ сраженіяхъ, былъ признанъ, съ согласія Нереддина, Визиремъ Египта (1169).

Приближась такимъ образомъ къ трону, Саладинъ помышлялъ уже о томъ, чѣмъ овладѣть имъ. Подарками обезпечилъ онъ себя въ преданности солдатъ, данныхъ ему Нереддина; усердіемъ къ вѣрѣ привлекъ любовь народную. Опца своего и другихъ родственниковъ, которые могли служить ему совѣтомъ и подпорою, вызвалъ онъ въ Египетъ; умертвилъ пѣлохранищелей своего Калифа; низвергъ судей и правителей, которые упорствовали въ преданности къ Фатимидамъ или къ сектѣ Алія, и доставилъ Аббасидскимъ Калифамъ Багдада духовную власть въ Египетъ, но безъ всякаго участія въ дѣлахъ свѣтскихъ. Потомъ въ 1171 году, когда Калифъ Адидъ умеръ, завладѣлъ онъ его дворцемъ, сокровищами и библіотекою, и возсѣлъ на тронъ,

который двѣсти лѣтъ (969—1171) находился во власти Фатимидовъ.

Нереддинъ сначала ни сколько не препятствовалъ возвышенію Саладина, почитая себя полнымъ владѣльцемъ Египта, а его своимъ подданнымъ. Но вскорѣ почувствовалъ онъ, что Саладинъ, при всѣхъ увѣреніяхъ въ преданности, спарается сдѣлаться независимымъ. Воспылавъ гнѣвомъ, хотѣлъ онъ низвергнуть опиавшаго; но, среди приготовленій къ походу и войнѣ, умеръ въ Дамаскѣ 25 Мая 1174. Тѣмъ легче укрѣпился Саладинъ на своемъ тронѣ, и тѣмъ необъяшнѣе сдѣлались его желанія и домогательства; ибо, недовольный Египтомъ, подвергъ онъ власти своей и Сирію, гдѣ сыновья и родственники Нереддина частью погибли, частью подпали его власти. Въ сіе же время военачальники Саладина покорили ему съ одной стороны всю южную Аравію, съ другой Тунисъ и Триполь въ Африкѣ. И шакъ мало по малу могущество его разпространилось отъ береговъ Африканскихъ до горъ Арменіи.

Но не однимъ только симъ разпространеніемъ владѣній своихъ прославился Саладинъ. Исторія сберегаетъ имена другихъ, которые столько же, или еще болѣе, пріобрѣли своими завоеваніями, и при всемъ томъ слава ихъ не столько блистательна, какъ его слава. Упорная борьба съ Христіанами во Святой землѣ, впаденіе въ Іерусалимъ и великія качества, которыми оказалъ онъ, какъ полководецъ и какъ правитель, дающъ ему полное право на оную.

Бывъ еще Визиремъ въ Египтѣ, нападалъ онъ на Христіанъ въ Палестинѣ, но чаще и упорнѣе сдѣлались его нападенія, когда, по смерти Нереддина, возсѣлъ онъ на престолъ Сиріи. Сначала въ битвахъ сихъ побѣда часто мѣнялась съ урономъ; нѣсколько разъ Христіане побивали его на голову; храбрый Ринальдъ Шапильонскій нѣсколько разъ спасалъ его препеташъ оныхъ поражений; но въ 1187 году онъ съ большею проливу прежняго силою подступилъ къ стѣнамъ Іерусалима и онъ пошряслись въ своемъ основаніи.

Легко было управлять королевствомъ Иерусалимскимъ, когда государи Сирійскій и Египетскій находились во взаимной враждѣ и распряхъ; но оно и тогда уже поколебалось, когда Зенка и сынъ его Нереддинъ соединили власть Сирии воедино. Чего жъ было ожидать тогда, какъ и Сирия и Египеть поверглись одной власти, сдѣлались принадлежностію одного героя? Къ тому же королевство сіе было раздираемо внушрними безпокойствами. Главою онаго былъ тогда Гюи де Лузиньень, Государь слабый, возвыщенію кошораго способствовала супруга его Сивилла, сестра прежняго Короля Алмерина. Многіе рыцари съ большимъ упорствомъ тому проливились, а Графъ Раймундъ былъ до того раздраженъ, что вступилъ въ союзъ съ Саладиномъ, врагомъ Христіанъ. Однако въ то время, когда Саладинъ столь грозно впоргся въ предѣлы королевства (1187) и при самомъ началѣ своихъ дѣйствій овладѣлъ Тиверіей, отступники присоединились опять къ своему воинству и даже самъ Раймундъ публично отказался

опъ союза, который былъ только слѣд-
ствіемъ гнѣва и мщенія. Крестоносцы
собрали войско изъ 20000 пѣхоты и 12000
конницы. Многие храбрые рыцари и опыш-
ные воины находились въ числѣ оныхъ,
но не доспавало одного главнаго военна-
чальника, къ которому бы всѣ писали
уваженіе и довѣренность.

При горѣ Гитшинѣ, къ западу отъ
Тиверіи, сошлись войска обѣихъ споронъ.
Два дни сражались они съ переменнымъ
счастіемъ; на третій день претерпѣли
Христіане совершенный уронъ. Убитыхъ
было слишкомъ 21,000 и между ними
храбрѣйшіе изъ рыцарей; даже Святой
крестъ попалъ въ руки невѣрныхъ. Двѣ-
сти рыцарей Храма и Иоанна Иерусалим-
скаго, находившихся около особы Короля,
бросились вмѣстѣ съ нимъ на гору Гит-
шинъ, но Саладинъ погнался за ними и
принудилъ всѣхъ сдаться.

Варварство и великодушіе, которыя
попеременно обнаруживались въ поступ-
кахъ Саладина, оказались и здѣсь отно-
сительно его плѣнниковъ. Раздраженный
прошивъ Тампльеровъ, которые никогда

не щадили жизни плѣннаго Магомешанина, оцъ велѣлъ ихъ, равно какъ Іоаннишовъ, перерубишь всѣхъ при глазахъ своихъ. Подомъ оба знашнѣйшіе плѣнника, Король и Ринальдъ Шашильонскій, должны были прииши въ его шаперъ и сѣсть подлѣ него, одинъ по правую, другой по лѣвую сторону. Король опъ жару и ушомленія едва сохранялъ осшашокъ силъ своихъ. Саладинъ подалъ ему спаканъ шербешу, не только для подкрѣпленія, но и въ знакъ пощады, ибо у него, какъ и у многихъ воспочныхъ государей, былъ обычай никогда не казнишь плѣнника, съ кошорымъ раздѣлялъ онъ пищу и пишіе. Когда же Король, ушолить нѣсколько жажду, хошѣлъ подать спаканъ своему храброму сподвижнику, Саладинъ не допустилъ его. Онъ ненавидѣлъ сего рыцаря, кошорый вооружилъ его прошивъ себя хулами на Пророка и часпію умерщвленіемъ, часпію плѣненіемъ Магомешанскихъ спранниковъ за годъ передъ тѣмъ на пуши въ Мекку и Медину; шогда еще поклялся Саладинъ отрубить ему голову, если когда нибудь попадешся онъ въ плѣнь.

Однако онъ хотѣлъ даровать ему жизнь, съ тѣмъ только, чтобы Принцъ согласился принять Магомеданскую вѣру. Благочестивый Ринальдъ отвергъ сіе предложеніе съ Христіанскою твердостью, и Саладинъ, вмѣсто того, чтобы уважить оную, послѣдовалъ влеченію мщенія или усердія къ вѣрѣ. Онъ выхватилъ свою саблю и, называя несчастнаго безчеловѣчнымъ злодѣемъ, однимъ ударомъ отсекъ ему голову. Робкій Лузиньянъ задрожалъ, но Саладинъ его успокоилъ. „Не тревожься, Король, вскричалъ онъ ему, это одна только должная дань преступнику. Я отмщаю злодѣю, но умѣю уважать права человѣчества прошивъ того, кто самъ не оскорблялъ ихъ.“ И дѣйствительно обходился онъ съ Королемъ дружелюбно, а, спустя нѣсколько времени, далъ ему свободу. Гросмейстера рыцарей Храма оставилъ онъ также въ живыхъ, ожидая за него богатаго выкупа.

Между тѣмъ онъ не замедлилъ воспользоваться своею побѣдою и пораженіемъ Христіанъ. Важнѣйшіе города: Шпо-

ломея, Кесарія, Назаретъ, Сидонъ, Аскалонъ и другіе, которыхъ завоеваніе сползло Христіана-тъ сполько труда и времени, покорились безъ дальнихъ затрудненій и вскорѣ одинъ за другимъ, его власти, и открыли ему доступъ къ Іерусалиму.

Черезъ три мѣсяца послѣ сраженія при Гипшинѣ, явился онъ предъ стѣнами сего города (20 Сентября 1187) и требовалъ его сдачи, обѣщая оставишь ему иже права, какими онъ пользовался прежде. Граждане опровергли сіе предложеніе и защищались нѣсколько дней съ опличнымъ мужествомъ. Но вскорѣ увидѣли они, что какъ ни велико число ихъ, не можешь однако превозмочь могущества Саладина, что даже сіе самое многочисленіе поспавляетъ ихъ въ опасности перепѣть вскорѣ голодъ. Это побудило ихъ войти въ переговоры и стараться преклонить побѣдителя къ милосердію. Сначала отвергъ Саладинъ съ гордостію мольбы ихъ, вознамѣрясь, какъ говорилъ онъ, опшесить пролитую кровь Магомешанъ, или точно также послу-

пишь съ Хрисціанами, какъ они за восем-
 десяшь восемь лѣтъ при покореніи Іеру-
 салима поступили съ Магомешанами.
 Вскорѣ однако мысли его перемѣнились.
 Опшчаянная неустрашимостьъ, съ копо-
 рою граждане передъ нѣмъ защищались,
 а можешъ бышь и крпосшь, копорая
 жерѣдко смягчала обыкновенную суро-
 восшь его характера, преклонили его къ
 шребованіямъ снисходительнымъ. Онъ о-
 бѣщаль Греческимъ и восточнымъ Хри-
 сціанамъ позволишь на нѣсколько вре-
 мяни оштаться въ Іерусалимѣ, но всѣ
 Франки или западные Хрисціане должны
 были немедленно удалишься, давая за се-
 бя выкупъ: каждый мущина десять,
 женщина пяшь, а дшпя двѣ золотыя мо-
 нешы; кто же не могъ заплашишь столь-
 ко, шому надлежало оштаваться, какъ
 плѣннику. Сей договоръ состоляся 2 Ок-
 шября 1187 года и быль исполненъ не-
 нарушимо. Саладинъ не только не поду-
 малъ прешунишь даннаго слова, но еще
 дѣлаль для Хрисціанъ много облегченія
 въ ихъ участи и пособій. Папріархамъ
 дозволиль онъ вывезши драгоцѣннѣйшія

утвари изъ церкви Св. гроба; вдовамъ всѣхъ тѣхъ, которые попались въ плѣнъ на сраженіи при Гипшинѣ, даровалъ онъ свободу и нѣсколько тысячъ народа выпустилъ безъ всякаго выкупа. За всѣмъ тѣмъ 14000 Христіанъ оспались въ неволю, не могли себя выкупить.

По отбытіи гражданъ, оставившихъ Іерусалимъ, Саладинъ въѣхалъ туда съ торжествомъ побѣдителя. Его знавшіе плѣнники: Король Іерусалимскій, Гросмейстеръ Тампьеровъ и другіе окружали его колесницу; впереди развѣвались знамена, гремѣла музыка. Первымъ дѣломъ его было возстановленіе Исламизма. Онъ приказалъ очистить мечеть Омарову, изъ которой сдѣлана была церковь, и сорвать крестъ, возвышавшійся надъ ея главою. Однако церковь Св. гроба оставилъ онъ неприкосновенною и дозволилъ иноземнымъ Христіанамъ, какъ то ввелось въ обычай со времени крестовыхъ походовъ, посѣщать ее за извѣстную плату.

Въ Іерусалимѣ оставался онъ только до 30 Октября; а въ сей день понесъ о-

ружіе свое далѣ. Съ удивительною быстротою разгромилъ онъ всѣ укрѣпленія Христіанъ, даже Триполисъ, Антіохію и Тиръ, хотя послѣдній въ особенности былъ храбро защищаемъ Конрадомъ Монферрашскимъ. Но сіи то успѣхи и завлекли его въ шягчайшую борьбу изъ всѣхъ, копорыя онъ до того имѣлъ; ибо раздраженные споль многими прискорбными потерями, знашнѣйшіе изъ полуденныхъ государей вооружились къ новому, прешнему крестовому походу, и Саладинъ нацель пропивника, копорый въ мужеспвѣ и чесполубіи былъ ему равенъ, въ припворспвѣ и спокойной разсудишельности уступалъ ему, личною храбростію и пылкостію характера превосходилъ его. Пропивникъ сей былъ Рихардъ Львиное сердце, Король Англійскій, а окружности Пшоломеи по мѣсто, гдѣ сошлись они въ первый разъ.

Пшоломея, называемая также Аккою или Акрою, хорошо укрѣпленный городъ въ Сиріи, былъ, какъ весьма удобная пристань, равно важенъ для Христіанъ и Магомешанъ. Почему Король Лузиньянъ,

какъ скоро, получилъ свою вольность, вознамѣрился вновь завоевать сей городъ, взятый Саладиномъ послѣ сраженія при Гипшинѣ, и началъ осаждать его (1189), не смотря на обѣщаніе свое только съ тѣмъ воспользоваться свободою, чтобы немедленно возвратиться въ Европу. Какъ скоро узналъ о томъ Саладинъ, послѣшилъ онъ къ осаждающимъ и облегъ ихъ со всѣхъ сторонъ; но, предполагая, что небольшая полпа Христіанъ можетъ быть разстроена во всякое время и даже однимъ только снѣженіемъ оной отсюда, онъ почелъ доспачнымъ укрѣпить для того станъ свой у нихъ въ шылѣ. Между тѣмъ полпа Христіанъ умножалась безпрестанно прибытіемъ новыхъ крестоносцевъ, и Саладинъ принужденъ былъ подвинуться назадъ. Однако онъ занималъ позади ихъ весьма крѣпкую позицію; при всякомъ штурмованіи Пполомеи нападалъ на нихъ въ шылѣ и находился съ жителями сего города въ непрерывныхъ сношеніяхъ. Безпрерывно получалъ онъ также изъ всѣхъ странъ Музульманскихъ подкрѣпленія, ибо защита Пполомеи казалась и Магометанамъ

и Христіанамъ дѣломъ святымъ, котораго пребуешь вѣра. Такимъ образомъ осада сего города продолжалась уже претій годъ, какъ наконецъ прибылъ Рихардъ, Король Англійскій (8 Іюня 1191) и послѣ нѣсколькихъ нападеній овладѣлъ имъ (13 Іюля 1191). Въ условіяхъ сдачи положено было, чѣшобъ находившіеся въ осадѣ Музульмане удалились со всѣмъ добромъ ихъ, чѣшобъ Саладинъ заплашилъ большую сумму денегъ, и чѣшобъ выдалъ извѣстное число плѣнниковъ и древо Св. живошворящаго Креста. Саладинъ не могъ опшврашиться сдачи города, но не хошѣлъ утвердиться заключеннаго договора. Почему крестоносцы не выпускали осажденныхъ, а Рихардово раздраженіе prosperлось до того, что онъ въ виду Саладина, который на противоположащихъ холмахъ все еще держался въ укрѣпленіи, велѣлъ перерубить пять тысячъ Музульманскихъ плѣнниковъ.

Тогда-шо, по заняшій Пшоломеи, началась, собшвенно борьба между Рихардомъ и Саладиномъ. Цѣлый годъ продолжалась она, много споила крови и шяж-

кихъ усилій, но никто не осмѣлся побѣдншею, а каждый научился только уважать своего противника и удивляться его доблестямъ.

Рихардъ хотѣлъ завоевать Иерусалимъ. Счастіе послужило ему: по взятіи Кесаріи, онъ прорвался чрезъ толпы Магомешанъ и спалъ вблизи сего города. Но вездѣ съ рѣшительнымъ упорствомъ предшля ему Саладинъ и умѣлъ уничтожать его предпріятія хитросіюшамъ, гдѣ не доставало силы. Небольшіе города, каковы Яффа и Аскалонъ, копорыхъ не могъ онъ защитить, были имъ разрушаемы; напрошивъ того укрѣпленія Иерусалима велѣлъ онъ устроить, удерживая безпрестанно своего противника отъ осады сего города хитрыми вымыслами. И дѣйствительно Рихардъ, не смотря на всѣ побѣды свои, не могъ достигнуть желаемой цѣли! Когда же, въ теченіи непрерывныхъ и многоразличныхъ усилій, здоровье его начало ослабѣвать, когда войско его стало замѣтно уменьшаться (многіе крестоносцы не могли переносить его чрезмѣрной, обидчивой

гордосни и пошому удалялись), и когда Европейскимъ его владѣнїямъ началъ угрожать Король Филиппъ: тогда Рихардъ вознамѣрился опсправиться назадъ въ Европу, какъ скоро шолько представится возможность сдѣлать сіе съ честїю и безопасно. И Саладинъ былъ уже склоненъ къ переговорамъ. Неукротимая пылкость и мужественная рѣшительность Короля Англійскаго заставляла его опасаться, что завоеванїя его непрочны, правленїе не будетъ обезпечено, доколь Рихардъ останется въ Азіи. Посему 20 Августа 1192 года было заключено между обѣими сторонами перемиріе на три года и три мѣсяца. Въ условїяхъ онаго положено, чтобы Сирїйскїе города Яффа, Ямна, Арсуфъ, Гаифа, Пполомея и Тиръ, равно какъ и принадлежащїя къ нимъ области предспавлены были Христїанамъ, а Іерусалимъ со всѣми его окрестностями Саладину, съ тѣмъ однако, что безоружные Христїане могли ходить туда на поклоненїе безпрепятственно и безъ всякой плашы; укрѣпленїя Аскалона надлежало разрушить снова, Лидду и

Рамлу раздѣлишь между Саладиномъ и Хрисціанами, и приняшь къ учаспію въ семь перемирія Князей Триполискаго и Аншіохійскаго. По заключеніи сего, когда потребовали отъ Рихарда, чтобы онъ клятвенно ушвердилъ договоръ сей, то исполненный благородной гордоспи, опивчалъ онъ: „слово Короля должно бытъ священно и безъ кляпвы.“ Но въ знакъ своей искренности подалъ онъ Саладину руку. Саладинъ уважилъ сію гордоспъ и опивчалъ также пожатіемъ руки. Между тѣмъ Рихардъ въ досадѣ на худой успѣхъ своихъ любимыхъ предположеній, не могъ и при семь скрышь, что онъ послѣ перемирія намѣренъ непременно возвратиться и довершитъ завоеваніе Св. земли. Саладинъ опивчалъ на сіе съ доспоинспвомъ и тонкостію. „Скажи, говорилъ онъ переводчику, скажи Королю Англійскому: принимаю законъ Бога живаго въ свидѣтели, что еслибъ я долженъ былъ лишиться короны при жизни своей, то ни на чьей главѣ, кромѣ его, не желалъ бы ее видѣть. Такъ много удивляюсь мужеству и вели-

чію души его!“ — При всемъ помъ онъ старался дѣлать ему всякія угожденія, чтобы только какъ возможно ускорить отъѣздъ его въ Европу.

Когда Рихардъ отправился⁶ (Сенп. 1192), Саладинъ спалъ спокойно наслаждающься своимъ правленіемъ. Онъ разпустилъ часть своего воинства, другой предоспавилъ отдохновеніе, а самъ занялся устройствомъ благоденствія земель своихъ.

Еще при самомъ началѣ правленія оказалъ онъ въ помъ усердіе и дѣятельность: уменьшилъ подати народа, внималъ снисходительно его жалобамъ, завелъ въ Египтъ, Аравію и Сирію училища и госпитали, построилъ такъ много мечетей. Съ такимъ же расположеніемъ духа объѣзжалъ онъ теперь Сирію, дѣлалъ пособія своимъ подданнымъ, оспаждалъ вездѣ доказательствъ своей щедрости и пышности, которую онъ любилъ, и награждалъ ихъ изъ солдатъ своихъ и полководцевъ, которые долге и вѣрне ему служили.

Но не долго оспадалось ему жить

для сихъ пріятныхъ занятій. Силы его, послѣ чрезмѣрнаго напряженія въ столь многочисленныхъ и продолжительныхъ походахъ, изпощились, здоровье ослабло, и прежде изпеченія года стоялъ онъ уже при концѣ земнаго бытія своего. Почувствовавъ приближеніе смерти, приказалъ онъ въ знакъ бревности человѣческаго величія, носить плашье, въ которомъ надлежало ему умереть, по всѣмъ улицамъ Дамаска, и при томъ раздавать подаваніе всѣмъ бѣднымъ сего города Христіанамъ, Жидамъ, Магометанамъ — безъ всякаго различія. Онъ умеръ въ Дамаскѣ 5 Марта 1193 года на пятьдесятъ седьмомъ году своей жизни, послѣ 24 лѣтняго царствованія надъ Египтомъ и 19 лѣтняго надъ Сирією.

По праву заслуживаетъ онъ почетное мѣсто въ средѣ великихъ государей. Хотя онъ и былъ преданъ честолюбію и властолюбію, порокамъ, вовлекавшимъ его изрѣдка въ поступки недостойные, въ многоразличныя, часто несправедливыя войны; но когда сіи спраспи молчали, то въ характерѣ его обнаружива-

лись самыя блистательныя качества: чувство ко всему возвышенному и благородному, устойчивость въ обѣщаніяхъ, строгость къ самому себѣ, и чистосердечное наблюденіе законовъ своей вѣры. Хвала царямъ, которые и по смерти заслуживаютъ признательность не только друзей, но и враговъ своихъ. И сей хвалы Саладинъ достигъ! Одновѣрцы считаютъ его въ числѣ праведниковъ своихъ, а современные Христіанскіе писатели прославляютъ его справедливость, кротость и твердость характера. Какъ долженъ быть великъ сей человекъ, когда и ненависть предъ нимъ умолкла!

Впрочемъ усвоенное имъ правленіе имѣло судьбу всѣхъ западныхъ государствъ, которые, какъ блестящіе метеоры, мгновенно возвышаются и мгновенно исчезаютъ. Его владѣнія, имъ основанныя и имъ существовавшія, рушились вмѣстѣ съ его смертію. Сыны и родственники его раздѣлили ихъ между собою. Начались семейственныя распри, и прежде испеченія года поколѣніе Зюбишовъ совершенно поухло.

Съ Нѣмец. Вл.

Л И Т Е Р А Т У Р А.

А.

П Р О З А.

П Р И Е М Ъ И У Г О Щ Е Н І Е

Е В Р О П Е Й С К И Х Ъ П У Т Е Ш Е С Т В Е Н Н И -
К О В Ъ У Т У Р Е Ц К А Г О Н А М Ъ С Т Н И К А

В Ъ Д А М А Н Г У Р Ъ , В Ъ Е Г И П Т Ъ .

(Изъ записокъ одного путешественника).

14 Августа 1816 года прибыли мы въ Дамангуръ, мѣсто пребыванія Намѣстника Али-Бея, къ которому были у насъ рекомендабельныя письма. Мы остановились на довольно просторномъ дворѣ у большого деревяннаго одноэтажнаго дома, украшеннаго кирпичными столбами. Насъ встрѣтили три Турецкихъ чиновника, изъ коихъ знатнѣйшій былъ

Казначей Намѣспника, по имени Гаснада, съ небольшимъ двадцати лѣтъ. Другіе были любимые его невольники: одинъ Турокъ, по имени Гассанъ, а другой Мамлюкъ Магомедъ-Али. Казначей имѣлъ на себѣ Турецкое плашье зеленоватаго цвѣта, а двое другихъ одѣны были въ красныя кафшаны. Они проводили насъ къ широкой деревянной лѣсницѣ, хорошо построеной, но опмѣнно нечислой, по которой вошли мы въ обширную залу, наполненную Арабами и Турками. Опшуда провели насъ въ большую комнату, въ которой не было ни занавѣсъ у оконъ, ниже какихъ либо мѣблей, кромѣ фонаря, кошорой висѣлъ при входѣ. Комната раздѣлялась на двѣ половины деревянною перегородкою, подлѣ кошорой находилось небольшое возвышеніе изъ двухъ ступеней. На перегородкѣ висѣли сабли и пистолепы, а на ступеняхъ сидѣло нѣсколько Турокъ, кошорые однакоже шопчасъ вспали и сказали намъ, что шупь надобно снять сапоги и башмаки. Мы это исполнили и введены были въ другую половину, въ кошорой оба окошка

украшены были хорошо вырѣзанными деревянными арабесками, а полъ устланъ ковромъ. Вокругъ спѣль находились шелковые диваны съ подушками.

На одной сторонѣ сидѣлъ Бей, поджавъ подъ себя ноги и куря шибукъ, которой длинный чубукъ проходилъ сквозь сосудъ, наполненный водою. Онъ человекъ высокаго роста и весьма прѣшной наружности, лѣтъ сорока двухъ, имѣлъ смуглое лице и черные волосы и бороду. На немъ было богато вышитое Турецкое плащье. Въ нѣкоторомъ отдаленіи сидѣли вокругъ него съ большою почтительностію нѣсколько шарцевъ, также въ Турецкихъ плащяхъ, а подлѣ него на подушкѣ, лежащей на полу, шарый Арабъ съ сѣдыми волосами и бородою: это, какъ намъ сказали, былъ городской Шеикъ. Когда мы вошли, то Казначей сказалъ намъ, чтобъ мы сѣли на опшоманъ вблизи Бея; полмачъ нашъ Грекъ Анп. Спиро стоялъ у насъ по лѣвую руку, а слуга Шотландецъ остался за перегородкою на спупеняхъ: ему не позволили войти съ нами.

Намѣстникъ продолжалъ разговаривать съ сидѣвшими около него Турками, не обращая на насъ никакого вниманія, пока мы нѣсколько минушь не опдохнули. Таковъ обычай во всѣхъ къ Турціи принадлежащихъ земляхъ, чѣмъ чужестранцу, при вслушеніи его въ комнату, позволишь сѣсть и дашь нѣсколько времени опдохнуть прежде, нежели вступаешь съ нимъ въ разговоръ. По прошествіи около четверти часа, Бей положилъ руку на сердце; мы встали и опѣшествовали ему на это привѣтствіе такимъ же шочно образомъ. Тогда сказалъ онъ намъ черезъ переводчика, что очень радъ насъ видѣшь и просишь сѣсть и ни о чемъ впрочемъ не заботишься. Далѣе увѣрялъ онъ насъ, что очень любитъ Европейцевъ, потому что воспитывался между ними въ Салоникъ. Мы вручили ему рекомендабельныя наши письма. Въ то время, какъ онъ читалъ ихъ, нѣсколько невольниковъ, одѣтыхъ въ зеленыя платья, принесли длинныя трубки съ прекрасными янтарными мундштуками. Они подали ихъ сначала знап-

нѣйшимъ изъ чиновниковъ шѣлохрани-
 шельной спражи, кошорые, разѣуривъ, пе-
 редали намъ. Попомъ шѣ невольники при-
 несли каждому изъ насъ по чашкѣ кофе
 безъ сливокъ, съ шолченымъ сахаромъ.
 Кофе ѣ былъ превосходный и налилъ въ
 маленькія серебряныя чашки на фаянсо-
 выхъ блюдечкахъ. Когда мы выпили, не-
 вольники подали намъ по чашкѣ шербе-
 ту — прохладительный изъ овсяной му-
 ки и смѣшанный съ розовою водою и са-
 харомъ. Служителю нашему, оставше-
 муся за перегородкой, дали также чаш-
 ку кофе, но ни шербету, ни шрубки онъ
 не получалъ.

Прочитавъ письма, Бей пригласилъ
 насъ сшишать домъ его какъ свой, и ос-
 тпашься у него по крайней мѣрѣ недѣли
 на шри. Мы благодарили за шаконъ бла-
 госклонный пріемъ и ошвѣчали, что, мо-
 жеть бышь, на возвращномъ пуши по-
 ѣдемъ ошпять чрезъ Дамангуръ и шогда
 примемъ смѣлошь воспользовашься ми-
 лосшивымъ его приглашеніемъ, но что
 шеперь никакъ не можемъ пробьщъ у не-
 го болѣе двухъ дней. На сіе замѣшилъ

онъ, что уже многіе путешественники давали ему подобное обѣщаніе, но ни одинъ изъ нихъ не сдержалъ слова. Когда мы извинялись передъ нимъ, что осмѣлились явиться къ нему такъ, какъ пріѣхали, покрытые пылью, отвѣчалъ онъ, что радъ всѣмъ добрымъ людямъ, хорошо ли они, или худо одѣты, и что въ глазахъ его лучшая рекомендація есть честность и благородное поведеніе.

Намѣстникъ смѣялся отъ всего сердца, когда услышалъ отъ насъ, что Наполеонъ отправленъ на островъ Св. Елены. Радуюсь, присовокупилъ онъ, что наконецъ эта пшашка попала въ клѣтку. Во время нашего разговора съ нимъ, невольники принесли отличной работы серебряную жаровню, на которой курились благовонія, а одинъ изъ нихъ, держа въ рукахъ скляночку, опрыскивалъ насъ розовою водою.

Такъ какъ дорожный обѣдъ нашъ въ этотъ день былъ весьма незначителенъ, то мы немало обрадовались, когда Казначей объявилъ, что ужинъ готовъ.

Тушъ Бей, обращаясь къ намъ, сказалъ, что вѣроятно мы имѣемъ нужду въ успокоеніи и просилъ бытъ съ нами безъ всякихъ церемоній. Намъ отвели въ комнату средней величины съ двумя окошками на дворъ. На полу лежала небольшая рогожка, на которой спяло шесть корзинъ, наполненныхъ виноградомъ и арбузами.

Казначей и другіе чиновники инлохранипельной спражи приказали невольникамъ пославить небольшой круглый желѣзный подносъ на весьма низкій столъ, вокругъ котораго разположились мы на рогожкѣ. Каждому изъ насъ дали маленькую круглую весьма тонкую и худо выпеченную лепешку, которая служила вмѣсто тарелки. Ни скаперпи, ни салфетокъ не было, а вмѣсто ножа и вилки каждый получилъ небольшую деревянную ложку. Одинъ изъ невольниковъ принесъ мѣдный умывальникъ съ лоханкою и полотенцемъ, вышитымъ пестрыми цвѣтами, которое висѣло у него чрезъ плечо. Когда мы умыли себѣ руки, другой невольникъ поставилъ предъ Казначеемъ,

сидѣвшимъ также съ нами за столомъ, вареную шелячью голову на деревянномъ блюдѣ. Мы немало удивились, когда увидѣли, что Казначей пропханулъ къ невольнику руки, чтобъ поить засучилъ ему рукава отъ плашья и рубашки. Въ ожиданіи, что изъ этого будетъ, смотрѣли мы на него, какъ онъ взялъ шелячью голову, разорвалъ ее на части и каждому изъ насъ подаль руками кусокъ. Такимъ образомъ угощалъ онъ насъ въ продолженіе всего ужина, обдѣляя каждого тѣми кусками, которые казались ему наиболѣе по нашему вкусу. Только одинъ сильный голодь заславилъ насъ ѣсть предлагаемыя такимъ образомъ блюда; и мы спарались, какъ только можно, опворачивашъ или зажмуривашъ глаза, чтобъ не видашъ такихъ не аппетитныхъ операцій Казначей. Послѣ шелячей головы подали намъ шесть жареныхъ голубей, которые имѣли шуже участь. Одинъ невольникъ принесъ намъ сосудъ съ свѣжею водою, который ходилъ вкругъ стола изъ рукъ въ руки, и изъ котораго чиновники спражи послѣдніе пи-

ли. Они ѣли также со всѣхъ блюдъ; нижніе чины, находившіеся въ комнашѣ, получали каждый по куску, прежде, нежели относили оспашки. За голубями слѣдоваль плавъ изъ сорочинскаго пшена съ цыплятами и родъ пуддинга. Сии послѣднія кушанья были бѣ превосходны, еслибѣ, вмѣсто коровьяго масла, не были пригоповлены съ деревяннымъ. Пошомъ разносили виноградъ и арбузы. Когда убрали споль, одинъ невольникъ принесъ воды умыться; послѣ чего подали намъ трубки, кофе и по спакану шербету. Въ 10 часовъ пошли мы въ свою спальню. Тушъ жаръ былъ несносный и комнаша полна мухъ. Мы боялись, что онѣ не дадутъ намъ спать; но усталость отъ трудной дороги успокоила насъ такъ, что ничто не могло пошревожить нашего сна.

Назавтра рано поушру увидѣлъ я, что конюхи щцательнo собирали на дворѣ землю, на кошорой ночью сносили лошади, и около 12 мальчиковъ изъ Арабовъ мѣшали ее съ навозомъ. Эта смѣсь, какъ я послѣ узналъ, служилъ вмѣсто дровъ,

копорые во всемъ Египтѣ очень рѣдки. Золу отъ сего рода шорфа выкидываютъ обыкновенно на улицу, гдѣ она, превращаясь отъ солнечнаго зноя въ тончайшую пыль, при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра поднимается и чрезвычайно вредна для глазъ.

Въ 8 часовъ принесли намъ большую чашу козьяго молока и хлѣба на завтракъ. Такъ какъ Бей сдѣлался не здоровъ, то мы не могли видѣть его до вечера. Казначей и многіе другіе чиновники посѣщали насъ и чрезвычайно удивлялись всему, что у насъ ни видѣли, въ особенности же нашимъ листоплетамъ, ланкаршамъ и пр. Черезъ то довольно явственно давали они намъ знать, чего имъ хотѣлось, и мы въ самомъ дѣлѣ предложили нѣкоторые подарки. При прощаньи просили они насъ записать имъ на Англійскомъ языкѣ наши имена и званія, хотя ни одинъ изъ нихъ не умѣлъ читать. Мы очень обрадовали ихъ, подаривъ имъ наши визитныя карты. Послѣ обѣда Казначей водилъ насъ по всему городу, кошорой едва ли лучше послѣдней

изъ нашихъ деревень. Всѣ дома деревянныя, только въ одинъ этажъ, съ крошечными окошками и безъ печныхъ трубъ; всѣ двери были отворены и жипели сидѣли при входѣ. Многіе пряли хлопчатую бумагу, другіе красили полотно превосходною голубою краскою изъ индиго. На всѣхъ углахъ узкихъ и неправильныхъ улицъ насыпаны большія кучи золы и никто не заботился о томъ, чтобы убрать ихъ. Рынокъ состоялъ изъ длиннаго ряда строеній, въ которыхъ помещаются циркульни, кофейные дома, харчевни и залы для пляски. Въ послѣднихъ собираются только Арабки. Мы заходили въ одну: мѣсто оркестра заслушали небольшая дудка и родъ шамбурина. Все общество состояло изъ двухъ десятковъ молодыхъ дѣвушекъ отъ 15 до 18 лѣтъ. Платье на нихъ было изъ голубой бумажной матеріи, и на груди и на спинѣ такъ низко вырѣзано, что я не могъ довольно удивиться, какъ нынѣшня. Европейская мода наша успѣла уже зайти и сюда. Руки и ноги имѣли онѣ обнаженныя, а брови и подбородокъ выкрашен-

ные голубою краскою. У всѣхъ у нихъ вмѣсто серегъ вдѣсны были большія желѣзные кольца, а на рукахъ разрисованныя голубою краскою нарукавья. Вообще онѣ такъ привязаны къ этому убору и такъ любящъ все голубое, что и на ногахъ носятъ пакія же кольца. Нѣкоторые продѣваютъ ихъ даже въ ноздри. Во все то время, пока мы были на рынкѣ, плясали и прыгали онѣ безпресипанно.

Казначей сказалъ намъ, что городъ опчаспи укрѣпленъ; но когда мы пожелали видѣшь сіи укрѣпленія, то онѣ привелъ насъ къ находящейся въ недалекомъ разстояніи отъ города полуразвалившейся башнѣ, къ которой съ одной стороны примкнута кирпичная стѣна, на подобіе древнихъ, съ амбразурами. Дорога къ ней совершенно засыпана пепломъ и всякою нечистою, а на стѣнѣ стоятъ двѣ пушки, одна побольше, а другая поменьше, и обѣ безъ лафетовъ. При взглядѣ на эти жалкія укрѣпленія, копорыя не въ сосояніи выдержать осады и прехъ Еврѳпейскихъ солдатъ, мы едва могли скрышь невольную улыбку.

И ^о пощепные: опъ жару и усшалоспи, возвращились мы наконецъ въ городъ.

Народъ здѣшній не имѣеть, кажешся, никакого помятїя о земледѣльствѣ и садоводствѣ. Вокругъ города замѣтили мы только нѣсколько огородовъ, въ самомъ жалкомъ положенїи, въ которыхъ ни овощей, ни плодовъ почти и невидно.

По возвращенїи нашемъ показали намъ баню Бей — прекрасное зданїе, слишкомъ оплечающееся отъ прочихъ спроенїй негоднаго городишка! Она часпїю изъ бѣлаго мрамора и, кромѣ собственной обширной бани, заключаетъ въ себѣ комнату для одѣванья и нѣсколько небольшихъ горницъ для разныхъ потребностей. Полъ вездѣ устланъ цѣновнами и коврами; въ самой банѣ такъ жарко, что мы едва могли вынести.

Намъ случилось здѣсь бытъ свидѣтелями ужаснѣйшаго зрѣлища и лвнаго доказательства спроеспї Турокъ. Едва возвратились мы съ прогулки, какъ увидѣли на дворѣ Бей около осьмидесяти содержащихся въ заключенїи Арабовъ обоего пола и различнаго возраста. Между

муштинами было много дряхлыхъ спариковъ, опчашши слѣпыхъ, а между женщинами нѣсколько больныхъ и слабыхъ, такъ что онѣ едва могли держаться на ногахъ. Всѣ эти несчастные имѣли на шеѣ и на рукахъ тяжелыя желѣзныя цѣпи, равно какъ и дѣти нѣкопорыхъ изъ нихъ, сопровождавшія опцевъ своихъ. Сердце содрогалось при воззрѣнн на нихъ. Вооруженные Арабы привели ихъ къ колодцу, находящемуся на дворѣ, и дали каждому по горшку холодной воды и по небольшому куску чернаго, худо испеченнаго хлѣба. Но вы хошите знать, чѣмъ виновны эти несчастныя жертвы? Тѣмъ, что по бѣдности своей не могли заплащать непомѣрныхъ податей, наложенныхъ на нихъ Беемъ. Они осуждены содержаться въ темницѣ до тѣхъ поръ, пока не заплащатъ своего долга, или лучше скажутъ цѣлую жизнь, пошому что самое заключеніе опнимаютъ у нихъ послѣднія средства и совершенно лишаютъ возможности къ удовлетворенію Бей. — При входѣ на дворъ находящся двѣ шюрмы, т. е. два большихъ сарая, безъ полу

и безъ окошекъ. Свѣтъ и воздухъ проходя въ нихъ только сквозь два небольшія отверстія, сдѣланныя надъ дверями. Обѣ пюръмы набины заключеными, которые только и видятъ свѣтъ дневной тогда, когда выводятъ ихъ на дворъ, чтобъ дать имъ водъ и хлѣба. Спятъ они на голой землѣ, конюрюю чуспятъ только разъ въ мѣсяцъ. Въ семь жилищъ ужаса и опчаянія часто видятъ, какъ дряхлой слѣпой опецъ, отъ недоспашка воздуха и пици, умираеть на рукахъ безумѣшныхъ дѣшей своихъ, какъ дочь, свидѣтельница спраданій больной маме-ри, которой не можешь подашь никакой помощи, лишаясь послѣдней опрады плакать вмѣстѣ съ нею, ибо слезы изсыхаютъ въ глазахъ ея, падаетъ подъ бременемъ золь, се утнѣшающихъ.

Бей живетъ весьма пышно. Въ Сера-лѣ его двадцать шесть женъ и наложницъ; сверхъ того у него большое число невольницъ-фаворилокъ. На конюшнѣ его спойлъ около 50 лошадей для собственнаго его употребленія и сверхъ того 450 кавалерійскихъ. Число конюшнѣ.

и невольниковъ также опиѣнно велико.

Еще передъ ужиномъ проспились [мы съ нимъ и благодарили его за благосклонный пріемъ. Онъ, казалося, очень жалѣлъ, что мы тамъ скоро его освобавляемъ, и обѣщала дасть намъ собственное свое судно для проѣзда вверхъ по Нилу. Мы приняли его предложеніе съ благодарностію и пошли въ свою комнату. Только что легли мы спать, какъ услышали, что кто-то спучился тихонько въ наши двери. Черезъ нѣсколько минутъ спукъ поясъ начался. Нашъ слуга всматъ, опворилъ двери и увидѣлъ — вы думаете, можеть бытъ, прелестную Одалиску, ускользнувшую изъ находившагося вблизи Сераля, нѣтъ — нашего друга Казначая, который хотѣлъ поговорить съ нами по секрету. Причина его посѣщенія была — какъ бы вы думали — просьба уступить ему одну изъ шрехъ бутылдокъ рома, который видѣлъ онъ у насъ въ комнатѣ. При нашемъ сюда прибытіи эти бутылки были полны, но во время прогулки нашей господа Музульмане, посѣ-

щавшіе коннапу, слишкомъ любопытныя были знать, что въ нихъ заключаешся и крѣпко содержаніе ихъ поубавили. Сначала, опасаясь послѣдствій, которыхъ онъ много произойти могутъ, отказали мы ему въ просьбѣ; но добрый нашъ Турокъ такъ усердно, такъ краснорѣчиво убѣждалъ насъ и клялся всѣмъ, что ему драгоценно, употреблять иногда напитокъ со всею умеренностію и тогда только, когда будешь нездоровъ, что мы наконецъ рѣшились дать ему полбушылки, подтвердивъ, что не скажемъ о томъ никому, если онъ сдержитъ свое слово и будешь употреблялъ его такъ, что никто того не замѣлитъ; въ противномъ же случаѣ поспѣшь объявимъ Бейю, какъ онъ у насъ выманилъ. Видъ себя отъ радости, спряпалъ онъ съ величайшею предоспорожностію бушылку въ карманъ и осыпалъ насъ благодарностію.

На другой день поутру оказалъ намъ Бей новые знаки своего благоразположенія: онъ приказалъ дать намъ изъ собственной конюшни ослонъ и верблюдовъ,

конюрыхъ хотѣли мы нанять для про-
долженія нашего путешествія.

Позавтракавъ и пригошоваясь на дво-
рѣ къ ошѣвзду, всступили мы въ путь
слѣдующимъ порядкомъ: впереди шли че-
тыре конюшихъ Бей, одѣтые весьма чи-
сто и опрятно въ бѣлые короткіе колесы:
они вели прекрасную Арабскую верховую
лошадь, съ драгоценнымъ чепракомъ, по-
крытую красивою бархатною, богато
вышитую золотомъ, попоною. Ими пред-
водительствовалъ другъ нашъ Казначей,
которой сказалъ намъ, что шакъ какъ
Бей не можешь лично провожать насъ, то,
чтобы оказать намъ равную пому честь,
послалъ съ нами свою верховую лошадь.
На Казначей было Турецкое зеленое, зо-
лотомъ шитое, плаще и весьма богашая
сабля съ рукояшкою, осыпанною кругомъ
дорогими камнями. Намъ легко было за-
мѣтить, что онъ не сдержалъ даннаго
намъ наканунѣ клятвеннаго обѣщанія.
Двое другикъ чиновниковъ шѣлохра-
нительной спражи, одѣтые въ крас-
ное плаще, слѣдовали за нимъ; они
предводительствовали 16 человекъ сол-

дать, между кошорыми было нѣсколько Мамелюковъ. За ними шли мы съ своимъ слугою, а арьергардъ состоялъ изъ двухъ верблюдовъ, одного съ поклажею, а другаго съ водою.

Когда Грекъ нашъ хотѣлъ по обыкновенію раздавать на дворѣ денежные подарки, никто, къ крайнему удивленію нашему, не взялъ отъ него ни пары, потому что отъ Вея данъ былъ строгій приказъ не приниматьъ отъ насъ ничего. При выѣздѣ изъ города спража опдавала верховой лошади такую же точно поческу, какъ самъ бы Бей на ней находился. Вся наша процессія окружена была кучею Арабовъ, кошорые бѣжали за нами и кричали изо всѣхъ силъ: *бакшиш! бакшиш!* (наводку! наводку!), такъ, что это напослѣдокъ сдѣлалось намъ несносно. Сначала не обращали мы на это вниманія, но когда они примѣнили, что прикрытіе наше нѣсколько опдалилось впередъ, то сдѣлались безопытнѣе; особенно же одинъ спарыкъ съ двумя мальчиками едва не спацилъ меня съ лошади. Увидя, что мы хадъ ними смѣемся, сдѣлались они еще

дерзче и начали хватать насъ за карма-
ны, шакъ что мы принуждены были
кликнуть нашу спражу, изъ кошорой
при Мамелюка топчасъ бросились на
нихъ съ обнаженными саблями и разсѣя-
ли въ одну минушу. Опѣхавъ мила че-
пыре ошъ города, просили мы Казначей
и прочихъ чиновниковъ возвратиться, на
что они и согласились. Прощанье у насъ
было самое дружеское. Они оставили
намъ двоихъ вооруженныхъ солдашъ и
двоихъ конюшихъ для обратнаго привода
верблюдовъ и ословъ, и такимъ образомъ
мы въ шощъ же еще день въ 2 часа при-
были въ Чебракишъ, маленькій городокъ
на берегу Нила, откуда, согласно съ дан-
нымъ ошъ Намѣстника тамошнему Ко-
менданшу приказаніемъ, продолжали путь
свой въ назначенномъ для насъ суднѣ по
Нилу.

О П А М Я Т И.

(Изъ Сегюра).

Кшо не знаетъ, что *память* (есть единственное свѣшало, нами руководящее; что мы не можемъ сосна-
вить себѣ ни малѣйшаго понятія о ка-
комъ нибудь ощущеніи иначе, какъ при-
поминая его себѣ; что безъ памяти не
въ состояніи мы сравнивать, рассу-
дать, судить? Но сія способность души
нашей, развертывающая въ насъ всѣ про-
чія, состоитъ, какъ и все въ мірѣ, изъ
смѣси свѣта и тьмы. О *памяти* можно
сказать столько же дурнаго, сколько и

хорошаго; ибо если съ одной стороны являешся она машерью наукъ, дарованій, опышности и признашельности, то съ другой видимъ, что она же порождаетъ заблужденія, неблагоодарности, мщеніе.

Обыкновенно смѣшиваютъ *память* съ *умомъ*, между шѣмъ, какъ мы весьма часто находимъ людей съ большою *памятью*, но съ ограниченнымъ разсудкомъ. Если бы *память* дѣлала насъ искусными, справедливыми, добродѣтельными, то проповѣдники и акипѣры были бы первые люди въ свѣтѣ.

Одинъ древній называлъ *память* *сокровищницею души*; она бы заслуживала это имя, если бы мы удерживали въ ней одинъ только истины, если бы она предспавляла намъ одинъ только добрыя правила и добрыя примѣры; но одинъ изъ нашихъ мудрецовъ весьма справедливо замѣшилъ, что мы дѣлаемъ изъ нея *безпорядочный мазаинъ словъ и слоговъ*, если не вредныхъ, то почти всегда *безполезныхъ*.

Голова человека, вмѣсто того, что бы предспавлять видъ покоя, хорошо

разположеннаго и омеблированнаго, походить болѣе на чуланъ, гдѣ безъ всякаго разбора собрана мебель старая и новая, вещи драгоцѣнные и негодныя; такъ что большая часть людей сдѣлала бы весьма хорошо, если бы, позабывъ то, чему она научилась, выучилась тому, чего не знаетъ.

Если вѣрнѣе Пифагору, то память есть даръ пагубный. Эразмъ напоминаетъ намъ, что сей мудрецъ, будучи попорядку философомъ, мущиной, женщиной, царемъ, пѣтухомъ, рыбой, лошадью, лягушкой и, приводя себѣ на память все то, что онъ испыталъ во время сихъ переходовъ изъ одного тѣла въ другое, торжественно объявилъ, что человекъ есть самое несчастное изъ всѣхъ животныхъ.

Не хочу приспавать къ такому невыгодному для насъ мнѣнію; но долженъ согласиться, что иногда способность помнить бываетъ весьма непріятна.

Фемиспоклъ говорилъ, что способность забывать предполагаетъ онъ способности поминуть. Очень вѣрю тому: Фемиспоклъ былъ добродѣтельный изъ

гнанникъ, не преспававшій любить свое
го отечесства, хопя былъ оскорбленъ имъ
и опроверженъ. Онъ чувствовалъ, что ему
нельзя остаться вѣрнымъ сиротѣ своей,
нельзя имѣть довольно силъ возпропи-
виться искушеніямъ непріятелей Аѳинъ,
не забывъ всѣхъ обидъ, ему причинен-
ныхъ, всѣхъ несправедливостей, ему о-
казанныхъ.

Великая душа его, чуждая мысли,
подобно Альцибиаду предавъ Аппику во
власть чужеземцевъ, считала самоубій-
ствомъ всякую мечь своимъ соотече-
ственникамъ, и кто не согласился, что
въ такомъ положеніи самая первѣйшая
наука, приносящая намъ величайшую сла-
ву, есть та, которая учишь насъ *забы-
вать?*

Нельзя изчислить всѣхъ случаевъ,
въ которыхъ забвеніе бываетъ предпо-
чтительнѣе *памяти*. Не говорю уже о
пѣхъ педантахъ, коихъ длинные, много-
словные рассказы сто разъ раждали во
мнѣ желаніе окунуть ихъ въ Лепъ; но
можно ли себѣ вообразить что нибудь
скучнѣе этихъ людей, вѣчныхъ пансиги-

ристовъ прошедшаго, безпрестанныхъ носителей настоящаго, которые никакъ не хошятъ позабыть своей молодости?

Отъ того, что они не блистаютъ уже въ обществѣ, что они не могутъ болѣе ни любить, ни нравиться, кажется имъ, что любовь, пріятности, хорошій вкусъ изгнаны изъ свѣта; отъ того, что чувствуя ихъ ослабѣли, все приняло въ глазахъ ихъ другой видъ; отъ того, что перемѣна нравовъ, обычаевъ разспраиваетъ образъ жизни, въ которому они привыкли — весь порядокъ вещей считающъ они разрушеннымъ.

Настоящее есть единственная часть времени, намъ принадлежащая. Прошедшее для насъ уже не существуетъ; будущаго можемъ мы еще не имѣть: къ чему же послужить намъ, на краю могилы, сожалѣнь о нашей колыбели?

Зависть, возбуждаемая счастьемъ или заслугами современниковъ, бываетъ весьма часто тайною причиною, заставляющею насъ съ такимъ участіемъ вспоминать о тѣхъ, которые уже не существуютъ, превозносишь ихъ, ставишь на

такую высокую ступень, что бы послѣдователи опчаялись достигнуть до нихъ.

Видя веумѣренную печаль, слушая безпрестанное сожалѣніе о потерѣ особъ, коихъ во время ихъ жизни весьма мало хвалили и любили, можно подумашь, что *память* увеличиваетъ достоинства людей умершихъ и мгновенно смягчаетъ сердца шѣхъ, копорые ихъ пережили.

Признаюсь, что я не могу быть чувствительнень къ слезамъ женщины, которая начала любить своего мужа шолько послѣ его смерти, къ сѣшваніямъ о кончинѣ великаго челоуѣка, распочаемымъ шѣми, копорые поносили его во время жизни.

Я думаю, какъ Сенека, что если *трауръ по мертвыхъ негиленъ*, то есть еще худшій *трауръ — трауръ по живыхъ*. Безъ сомнѣнія онъ разумѣль подъ симъ *трауръ*, копорой должно носить по шѣхъ современникахъ, коихъ пороки и злодѣянія безчестяшъ ихъ самихъ, ихъ вѣкъ и ихъ отечество.

Впрочемъ должно согласиться, что ложная дань, копорую притворная пе-

чаль плашитъ по неволѣ *памяти* извѣстнаго челоуѣка, когда онъ падаетъ подъ ударами рока или несчастія, имѣетъ и хорошую сторону: она даетъ знать зависти, что ея нападенія будутъ бесполезны и что *геній*, какъ сказалъ одинъ древній, кажется великимъ даже и по своему паденію. Простертый по землѣ, онъ бываетъ также уважаемъ, какъ и развалины храмовъ, которыя удивляются и тогда, когда попираютъ ногами ихъ остатки.

Вообще *память*, если бы она всегда была сопровождаема здравымъ сужденіемъ, была бы даромъ Неба первымъ и самымъ драгоценнѣйшимъ для челоуѣка. Она служила бы блестящимъ свѣпильникомъ на пути его жизни; она вела бы его къ добродѣтели и удаляла отъ пороковъ, предсказывая великіе примѣры людей славныхъ и порочныхъ, сохраненные для насъ исторіею.

Мы подражаемъ гораздо болѣе, нежели изобрѣпаемъ: отъ сего всѣми нашими науками, законами, учрежденіями о-должены мы *памяти*. Музы, украшающія

жизнь нашу, весьма справедливо называющаяся *дщерями памяти*.

Эта память, которую Платонъ называетъ великою и могущественною богицею, даетъ, по словамъ Плушарха, существованіе прошедшему; она, говоритъ онъ, есть *слухъ глухихъ и зрѣніе слѣпыхъ*.

Не могу, не согласишься, чтобы она не заслуживала съ нѣкоторой стороны сихъ похвалъ; но долженъ сказать, что, подобно *языку*, она бываетъ для насъ попеременно самую лучшую и самую худшую способностію.

Память или *Мнемозина* не есть, какъ говоритъ Миеологія, божество почти равное мудрости. Она есть не иное что, какъ обширный магазинъ, изъ котораго вынимаемъ мы наудачу по цѣлительное лѣкарство, по сильный ядъ: все въ немъ перемѣшано, доброе и дурное совѣты, полезныя и вредныя примѣры и, что всего хуже, вмѣсто того, что бы ключъ отъ него вручить разсудку, мы обыкновенно даемъ волю спрашиваемъ хозяйничать въ немъ и брать то, что имъ нужно.

Отъ эпаго-то и производишь, что онъ съ чрезвычайною гошовноспію выносятъ опшуда рассказы о неожиданномъ, быспромъ счастья для игроковъ, примѣры славы и могущества для честолюбивыхъ; молодой Государь, любящій войну, находить тамъ шолько портреты Александра и Цезаря; скушой любитъ образомъ Веспасіана; слашюлюбивый мечтаеть о пирахъ Лукулла; сладострастная женщина не стыдится болѣ своей слабости, представляя себѣ славу Клеопатры или Агнесы Сорель. Она слѣдуетъ за нѣжною Ла Вальеръ — не въ монастырь, но въ улыбающіеся сады Версаля. Спарая кокешка съ удовольсівіемъ смотришь на себя въ зеркало, припоминая продолжительную весну и цвѣтущее лѣто прелестной Діаны Пуашье.

Сколько молодыхъ придворныхъ гораздо охотнѣе гошовы подражать въ Генрихъ IV его склонности къ забавамъ, нежели неупомимой его дѣяшельности!

Сколько людей въ наше время, кажешя, для шого шолько учились Исте-

ри; что бы почерпнуть въ ней примѣры любви ко мщению, одушевлявшей низкую ярость Марія, аристократическую жестокость Силлы, безжалостную свирѣпость деспота Окшадя!

Невѣрная *память* пишетъ карандашемъ благодаренія, но чертитъ рѣзцомъ обиды; рѣдко шепчетъ она должнику о его долгѣ; но безпрестанно напоминаетъ заимодавцу о деньгахъ, которыхъ онъ долженъ получить.

Когда она покровительствуетъ нашимъ порокамъ, то принимаетъ на себя позу рѣшимельный, твердый, безпрестанно напоминаетъ примѣры, способные ободрить насъ; но когда начинаешь говорить о правосудіи, милосердіи, забвеніи обидъ, дурныхъ послѣдствій жестокости, выгодахъ доброты, то запинается, медлитъ, выражается сомнительно.

Въ особенности во времена быстрыхъ перевороговъ въ Государствѣ *память* бываетъ невѣроятно послушна и перемѣнчива; какъ бы привязанная къ колесу фортуны, она оборачивается вмѣ-

спѣ съ нимъ; нѣтъ *калейдоскопа*, копорый бы перемѣнялъ свои картины съ большею скоростію.

Въ одну минушу изглаживаешь она изъ головы нашей заслуги побѣжденнаго и вписываешь заслуги побѣдителя: мы начинаемъ тогда иначе видѣшь, иначе говоришь, иначе мыслишь. Тотъ, кому еще вчера курили *оиміамъ* лести, служилъ сегодня предметомъ презрѣнія; въ комъ искали, шого бѣгаюшь; кого презирали, въ томъ ищущъ; услуги, намъ оказанныя, позабышы; кажется, никшо не имѣешь ни малѣйшаго понятія о томъ, что прежде говорилъ, писалъ, дѣлалъ, чего искалъ и что получилъ.

Такия превращенія дѣлаются съ чрезвычайнымъ беспыдствомъ; тѣ, которые принимають на себя такъ быспро разные виды, думаютъ, кажется, что всѣ люди, подобно имъ, лишились *памяти*; нерѣдко видимъ, даже, что они не шолько убѣгаюшь, но поносяць людей, которые въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ служили *иссточникомъ* ихъ

счастія, подпорою ихъ существованія, предметомъ ихъ обожанія и похвалъ.

Слушая ихъ, можно сказать, что въ нихъ все перемѣнилось, кромѣ лица; нельзя ни съ чѣмъ лучше сравнить ихъ, какъ съ сорокою *Ралискаго циркульника*, о которой говоритъ Плушархъ: „съ удивительнымъ искусствомъ пѣла она и говорила, „подражала языку челоуѣка и голосу скотовъ. Случилось, что въ это время умеръ одинъ изъ богатѣйшихъ гражданъ; множество трубъ и духовыхъ инструментовъ сопровождало погребальную процессію и, остановясь у дома циркульника прошивъ говорящей пшпцы, играло весьма долго и громко. Цѣлый день послѣ того сорока оставалась совершенно безгласною: ни пѣла, ни свистѣла, ни говорила, шакъ что шѣ, которые прежде удивлялись ея искусству, не могли теперь надивиться ея молчанію, какъ будто бы страхъ опнялъ у нея совершенно голосъ. Но когда она опять пришла въ себя, голосъ этотъ снова показался: только, вмѣсто прежнихъ ея пѣсень и словъ, не слышали онъ

„нея ничего болѣе, кромѣ звука трубы.“
 — Можно сказать, что и наши новѣйшія сороки будутъ всегда подражать господствующему звуку и голосу, кошорый болѣе прочихъ производишь шуму.

Вѣроятно подобныя наблюденія надъ неудобствами *памяти* заставили Пепларку сказать, что „она есть одна изъ благороднѣйшихъ способностей души; но съ нѣмъ вмѣстѣ не что иное, какъ большой скучной домъ, галлерей старыхъ картинъ, гдѣ гораздо болѣе предметовъ непріятныхъ, нежели обворожительныхъ для глазъ.“

Что заключить изъ всего этого? Что должно перестать изоцрять свою *память* и стараться все позабыть? Нѣтъ; но что надобно недовѣрять этой *памяти* и читать въ ея архивахъ шолько при свѣщильникѣ здоровой философіи: она изгладитъ воспоминаніе о несбывшихся мечтахъ, объ уничтоженныхъ правахъ, о потерянныхъ благахъ, о претерпѣнныхъ несправедливостяхъ, она погемнитъ образъ прошедшаго, кошорое не можешь уже возвратиться; но сдѣлаешь насъ призна-

шельными, напоминая о благодареніяхъ другихъ, снисходительными, предсавляя намъ собственные наши пропуски; она возродитъ въ насъ желаніе подражать людямъ великимъ и добродѣтельнымъ, коихъ память и понынѣ вселяетъ еще почтеніе въ нашу душу.

Она скажетъ намъ съ Сенекою: „счастливъ человекъ, о кошоромъ одно воспоминаніе въ состояніи насъ исправить; счастливъ и тотъ, кто пишаетъ столько почтенія къ великимъ добродѣтелямъ, что одно воспоминаніе о нихъ обращаетъ его на путь истины!“

Прекрасное употребленіе, которое мы можемъ сдѣлать изъ прошедшаго, состоитъ въ томъ, чтобы избрать себѣ изъ него судей и свидѣтелей нашихъ дѣлъ, каковы напримѣръ Цицеронъ, Катонъ, Маркъ-Аврелій, Генрихъ IV, Баярдъ, Лопишаль, Сюлли, Тюренъ, Капина, Дагессо и другіе. Надобно предсавлять себѣ, что мы дѣйствуемъ или говоримъ въ ихъ присутствіи, и тогда вѣрно сдѣлаемъ мы или скажемъ очень мало шакаго, въ чемъ бы послѣ могли раскаяваться,

Зная, что мы все находимъ въ памяти, „въ этомъ магазинѣ, какъ говорилъ Моншанъ, наполненномъ болѣе существенностію, нежели вымыслами“ —, оставимъ въ ней все, что можешь вредить и будемъ брать только полезное для насъ и для другихъ.

Если бы мы были въ необходимости выбирать, что, кажется, лучше было бы согласиться позабыть *блага*, которыми мы пользовались, нежели помнить *зло*, нами претерпѣнное. „Я очень доволенъ, говорилъ Моншанъ, что у меня такая дурная *память*; я худо помню оказанныя мнѣ несправедливости: чтобы я не позабылъ сдѣланной мнѣ обиды, надобно при разѣ въ день напоминать мнѣ о томъ, какъ Персидскій чиновникъ Дарію: Государь, помни о Сардскомъ пожарѣ и объ Афинянахъ.“

Почитаю и удивляюсь этой крошечности; не хотѣлъ бы имѣть такой слабой *памяти*; все, чего я желаю себѣ для собственнаго благополучія и что съвѣстную другимъ для ихъ счастья, состоитъ въ благоразумномъ смѣшеніи спосо-

бносши помнишь съ умвѣемъ забывашь.

Позабудемъ наши пребыванія; будемъ помнишь о правахъ другихъ; изгладимъ изъ *памяти* наши несчастія; сохранимъ воспоминаніе о нашихъ подвигахъ; будемъ чаще представлять себѣ наши заблужденія, наши слабости, наши прощупки, чшобы лѣмъ легче прощать ихъ другимъ; предадимъ забвенію причины нашихъ раздоровъ, но будемъ безпреспанно помнишь пагубныя слѣдствія! Наконецъ будемъ послушать такъ, чшо бы наши дѣла и наши творенія служили богатою сокровищницею добрыхъ примѣровъ для попомства и источникомъ пріятныхъ наслажденій для насъ самихъ!

Вотъ величайшее благодѣяніе, неоцѣненная выгода *памяти*: посредствомъ ея совѣсть награждаетъ или наказываетъ насъ. Ишакъ будемъ почишать ее, какъ судью неподкупимага, будемъ умѣшь цѣнишь ея невыгоды и ея пріяшности!

Б.
СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОДРАЖАНІЕ ПСАЛМУ 31.

(„Блаженни, ихъ же оставишася беззаконіа.“)

Блаженъ, кого Господь избавишь
Изъ сѣни пагубной грѣховъ,
Кого на правый путь наставишь
Его высокая любовь! —
Онъ любитъ добрыхъ и нельспивыхъ;
Но спрашенъ Богъ для нечеспивыхъ . . .
Я исчезалъ, какъ упромъ шѣнь;
Въ болѣзняхъ кости обвѣщали,
И очи слезъ не осушали,
И былъ мнѣ темень красной день;
Какъ горная смола кипѣла
Въ груди свирѣпая шоска,

И Бога гнѣвнаго рука
 Надъ слабымъ смершнымъ шягошѣла!...
 Но буря жизни протекла,
 И жизнь опяшь какъ день свѣшла!
 И я свяшой послышалъ голосъ:
 „Иди, швой Богъ шебя блюдешь!
 „Ты мой — и ни единый волосъ
 „Съ швоей главы не упадешь! —
 О, сколь великъ Господь надзвѣздный!
 Когдабъ мой гласъ, какъ шумъ ошъ бездны,
 Высоко въ небо возшекалъ,
 Тогдабъ я весь хвалою спалъ!...
 Но, слабый, въ бренномъ семь сославъ
 Чшо возмашу передъ Творцомъ,
 Когда Онъ, дивный въ грозной славъ,
 Идешъ на дольній мѣръ судомъ? —
 Земля, какъ грѣшница, шрепещешъ,
 Когда въ перунахъ мѣшкихъ блещешъ
 Святая правда. — Но, Творецъ,
 Будь спрашенъ громъ Твой нечесшивымъ!
 Ты сломишь выи горделивымъ,
 А бѣдному — не Ты ль Ошець? —

Федоръ Глинка.

Г Л И Н С К І Й.

Д у м а. (*).

Подъ сводомъ обширнымъ пещицы подземной,
Куда лучъ привѣсный опрадныхъ свѣ-
шилъ
Страшился проникнуть; гдѣ въ области пещи-
ной
Лишь блѣдный свѣтъ лампы, мерцая,
бродилъ,
Гремѣвшій въ Варшавѣ, Липвѣ и Россіи
Безславьемъ и славой свершенныхъ имъ
дѣлъ,
Въ тяжелой цѣпи по рукамъ и по выи,
Князь Глинскій задумчивъ сидѣлъ.

(*) Болѣе неудачное подражаніе, нежели переводъ пре-
красной Думы Юліана Нѣмцевича. Глинскій, по

Волось уцѣлѣвшихъ сѣдые ошатки
 На сморщенно вѣкомъ и грустью чело
 Спадали кудрями, вѣясь въ безпорядкѣ:
 Спраданье на Глинскомъ бразды провело...
 Сидѣль онъ склоненный на длань головою,
 Угрюмою думой въ минувшемъ лепалъ;
 Звучаль средь безмолвья цѣлями порою
 И шажко, споная, вздыхалъ.

При немъ неопшупно въ темницѣ сидѣла
 Прелестная дѣва — опрада слѣнца;
 Свободой и счастьемъ и свѣтомъ презрѣла,
 И блага всѣ въ жертву она для отца.
 Блескъ пышный чершого для ней замѣнила
 Могильная мрачность темницы сырой;
 Здѣсь дѣвичью прелесть дочь нѣжная скрыла
 И жизни зарю молодой.

„О, долго ли будешь, споная, лишь слезы?
 Рекла она нѣжно — печали забудь!

вліянію своему на дѣла Россіи и Польши, равно
 принадлежить Исторіи обоихъ сихъ Государствъ.
 Измѣна его Отечеству и гибельный конецъ весь-
 ма поучительны: это побудило меня сію пьесу
 Нѣмцевича присовокупить къ тому собранію Думъ,
 которое дѣлаю я, избиралъ предметы изъ Отече-
 ственной Исторіи. Р.

*

Бышь можешь, разторгнешь | сии ты желъзы!
 Надежда лелѣешь и узниковъ грудь!
 Вышь можешь, оспашокъ несчастливой жизни,
 Спокой волненье и бурю души,
 Какъ гражданинъ вѣрный на лонѣ опчизны
 Ты счастливо кончишь въ шипи. “

—На лонѣ опчизны! воскликнулъ измѣнникъ—
 Не мнѣ упѣшашься надеждою сей!
 Спрашась угрызений, спенающей плѣнникъ,
 Несчастливый, и вспомнишь шрепещель
 о ней!
 Могу ль бышь покоень хопя на мгновенье?
 Червь совѣспи шайно терзаешь меня;
 Къ себѣ самому я питаю презрѣнье
 И мучусь, измѣну кляня.

Природа дала мнѣ возможныя блага,
 Чшобъ славнымъ бышь въ мирѣ, иль гроз-
 нымъ въ войнѣ:
 Богашство, познанья, порода, опвага —
 Все съ щедростью было низпослано мнѣ!
 Желаль еще славы и лавровъ побѣды;
 Душа шрепешала, духъ юный кипѣлъ...
 Вдругъ поднялись тучей на Польшу сосѣды —
 И лавръ мнѣ достался въ удѣль.

Могольскія Орды влещѣли бѣдою:

Лишва задымилась въ пылу боевомъ —

И спарцы, и жены, и дѣти толпою

Влеклися въ неволю свирѣпымъ врагомъ;

И въ пепель деревни и пышные грады;

И буйный Ташаринъ въ крови ушопалъ;

Ни вѣку, ни полу не зрѣли пощады —

Мечъ жадный надъ всѣми сверкалъ.

—

Встревоженъ невзгодой, я къ хищнымъ на
вспрѣчу

Съ дружиною храбрыхъ помчался грозой,

Доспигъ — и отважно въ кровавую сѣчу,

И кровь полилася, напѣняя, рѣкой.

Покрылись шѣлами поля и равнины,

Липвинъ и Ташаринъ упорно споля;

Но съ яростью новой за мною дружины —

И гордый Моголь побѣжалъ.

—

Боролся съ кончиной властитель державной;

Тревогой и плачемъ наполненъ дворець—

И вдругъ о побѣдѣ и громкой и славной

Отъ Глинскаго съ вѣсью примчался го-
нецъ.

Чело Александра веселость покрыла:

Когда торжествуетъ родная страна,

Онъ рекъ предстоящимъ, тогда и могила,

Повѣрите, друзья, не спрашна!

—

Симъ подвигомъ славнымъ чрезмѣру над-
 менный,
 Не могъ укропишь я волненья спрасшей —
 И родъ Забржезенскихъ, давно мнѣ вражде-
 бный,
 Внѣзапно средь ночи палъ жертвой мечей!
 Погибъ онъ — и други мнѣ спали врагами,
 И, преданъ душею лишь меспи одной,
 Дерзнулъ я внеспися съ чужими полками
 Въ опчизну свирѣпой войной.

О мука! о совѣсть — ширанъ неопспупной!...
 Ни зрѣлице сляговъ родимой земли,
 Ни шайной гласъ сердца, изъ длани пресшупной
 Въ часъ бишвы, изпоргнушь меча не могли!
 Средй раздраженныхъ, пылающихъ мщеньемъ,
 И ярыхъ и грозныхъ душей Москвишянъ,
 Увы, къ пресшупленью влекомоъ пресшуплень-
 емъ,
 Разиль я своихъ согражданъ! . . .

Бой конченъ — и Глинскій узрѣлъ на равнинѣ
 Разперзанныхъ шрупы и груды косшей;
 Душа предалася невольню кручинѣ
 И брызнули слезы на грудь изъ очей.
 Не въ пору позналъ я шоску пресшупленья!
 Вся гнусность измѣны представилась
 мнѣ;

Молиль Сигизмунда проспулкамъ забвенья,
Мечталъ о родной споронѣ!

Но Геній враждебный о тайнѣ душевной
Царю въ злое время извѣстіе далъ,
И Рускій власпитель, смущенный и гнѣвный,
Разкаянье сердца измѣной назвалъ:
Лишилъ меня зрѣнья владыка суровый,
Забывши и славу и спарость мою;
На дядю Царицы надѣлъ онъ оковы
И свель его въ бездну сію.

Лѣшъ десяшь живу я въ могилѣ сей хладной;
Ни звѣзды, ни солнце не свѣщяшь ко мнѣ;
Тоскою угрюмый въ душѣ безопрадной
И думой стремлюся къ родимой спранѣ.
Примѣшно слабью въ ушраченныхъ силахъ,
Чуть сердце шрепещеть, нѣмѣеть мой
гласъ,
И медленѣй льется кровь хладная въ жилахъ,
И смерти ужъ близится часъ!

О дочь моя, скоро, надъ гробомъ рыдая,
Ты бросишь на прахъ мой горсь чуж-
дой земли!
Скорѣ, другъ юный, бѣги сего края:
Ошъ милой опчизны жить грустно вдали!

Свободный народъ нашъ, дѣяньями славной,
 Издавна извѣстный въ далекихъ краяхъ,
 Прослулки несчастныхъ опцовъ своеравно
 Не будетъ опмщашъ на дѣсяхъ.

Край милый увидишь — и сердца упрашы,
 И юныхъ лѣшь горе въ душѣ облегчишь;
 И башни, и храмы, и предковъ палашы,
 И сердцу свящяя гробницы узришь!
 Опца проклиная, дочь милую нѣжно
 И ласково примушь опчизны сыны —
 И ты дни окончишь въ пиши безмяшежной
 На лонѣ родимой спраны.

Пусть рокъ мой — исполненъ поской и му-
 ченьемъ,
 Пребудешь примѣромъ опчизны моей!
 Да каждый, пылая преслупнымъ опмщень-
 емъ,
 Илиши не посмѣешь спезею спраспей!
 Да видяшь во мнѣ моей родины брашья,
 Чло рано, иль поздно — измѣнѣ взгре-
 машь
 Ужасныя сердцу согражданъ прокляшья,
 И совѣсть опъ сна пробудяшь! —

Несчастный умолкнулъ съ душевной тоскою;
 Вдругъ спонь по пемницѣ — и Глин-
 скій упалъ

На дочери лоно съдой головою

И холодъ кончины его оковалъ! . . .

Такъ Глинскій — мужъ Думы и пламенный
 воинъ,

Погибъ на чужбинѣ, какъ гнусный злодѣй!

Хвалы бы онъ вѣчной былъ въ мирѣ досто-
 инъ,

Когда бы не буря страховъ!

Рылѣевъ.

С М Ъ С Ъ.

З А П И С К А

О НАЙДЕННЫХЪ ВЪ ЗЕМЛѢ

6 Юня 1822 года золотыхъ вещахъ
въ Рязанской Губерніи (*).

Рязанской Губерніи Спаскаго уѣзда, разстояніемъ отъ губернскаго города въ 50 верстахъ, находится село *Старая Рязань*, принадлежащее разнопомѣстнымъ владѣльцамъ. Близъ сего села есть мѣсто, длиною 389 сажень и шириною 336, обнесенное валомъ еще въ древнія времена. При поправкѣ большой дороги, идущей чрезъ это укрѣп-

(*) Записка сія и слѣдующая за нею опись вещей доставлены въ Общество отъ Г. Члена-Корреспондента С. Е. Лашакова — изъ Рязани.

ленное мѣсто, вырыты нечаянно изъ земли, отъ поверхности оной въ $\frac{3}{4}$ аршина, разными золошья вещи съ разноцвѣтными 28 каменьями и частію съ жемчугомъ, въ коихъ вѣсу 5 фун. 95 золопниковъ. Можно думать, что многія изъ нихъ служили украшеніемъ владѣтельныхъ Князей Рязанскихъ. Тутъ же найдено нѣсколько горстей мѣлкихъ и легкихъ серебряныхъ вещицъ, копорыя, вѣрояшно, сняты съ одежды; онѣ всѣ одинаковы, вызолочены, а вѣсу въ нихъ 84 золопника. Нельзя, кажется, полагать, что бы на этомъ мѣстѣ былъ кто нибудь похороненъ въ сихъ украшеніяхъ: тутъ нѣтъ признаковъ ни гробницъ, ни сводовъ каменныхъ или фундамента; а напрошивъ правдоподобіе, что вещи сіи были въ кожаномъ мѣшкѣ, или обернуты во что либо кожаное, попому что исплѣвшіе небольшіе кожаные лоскутки попадались въ той же ямѣ.

Мѣсто, окруженное валомъ, нынѣ принадлежитъ помѣщику Сперлигову; а участокъ дороги, копорую надобно было поправить, доспался помѣщику Шестакову. Его крестьянинъ Устинъ Еюимовъ нечаянно открылъ упомянутыя вещи, прорывая сохою канаву, и, найдя, объявилъ о томъ сперва Священнику села своего, а на другой день и Земскому Исправнику.

О П И С Ъ . В Е Щ Е Й .

1. Двѣ большія круглыя, вершка въ три въ поперечникѣ, осыпанныя съ обѣихъ сторонъ камнями и часшию жемчугомъ, вещи— съ одной спороны съ измѣнившимися ликами Святыхъ.

2. Три вещи одинаковыя круглыя, вершка въ два — съ ликами Святыхъ, осыпанныя камнями съ одной спороны; на нихъ малое число измѣнишагося жемчуга.

3. Шесть подвѣсокъ разной величины, съ одной спороны осыпанныхъ камнями, на коихъ также есть малое количество измѣнишагося жемчуга.

4. Маленькой круглой Образъ.

5. Образъ Распятія Христова съ уцѣлѣвшею надписью на Греческомъ языкѣ.

6. Рѣшешка, вѣроятно, опъ нарукавья.

7. Два каменныхъ малыхъ креспа съ золотою оправою и камушками на 6 концахъ.

8. Два перспія съ небольшими камушками.

9. Ушко съ камушкомъ.

10. Одиннадцать рѣшелчашыхъ, какъ кажется, пуговиць, наподобіе яичекъ, рѣзной работы, съ небольшимъ числомъ камушковъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ мѣлкой жемчугъ.

11. Двѣ четверугольныя подвѣски.
12. Цѣпочка небольшая.

Всѣ сіи вещи золошныя.

Во всѣхъ сихъ вещахъ разной величины
и цѣнновъ каменьевъ двѣсти восемьдесятъ
шесть; въ золотѣ съ каменьями пять
фунтовъ девяносто пять золошниковъ.

Сверхъ того мѣлкихъ серебряныхъ и вы-
золоченныхъ накладокъ восемьдесятъ четыре
золошника.

ОНѢКОТОРЫХЪ ОТКРЫТІЯХЪ
ВЪ НАУКАХЪ, ИСКУСТВАХЪ
И МАНУФАКТУРАХЪ
въ прошломъ 1821 году.

(Продолженіе).

*Кости человѣческія и остатки Мамонта,
найденные въ ндрахъ земли.*

Роя колодцы близъ Цирклевила, Риджевилла и береговъ Сціоно (въ сѣверной Америкѣ), нашли въ разныхъ глубинахъ кости человѣческія и головные черепы, копорые очевидно не могли бытъ заложены туда руками человѣка. Равнымъ образомъ нашли шамъ, въ глубинѣ около 22 фушовъ, много Мамонтовыхъ зубовъ, въсомъ ошъ 9 до 12 фуншовъ, по длинѣ Сціоно и южнаго берега озера Эри близъ Цинциннаши. Сіи доспопримѣчательные оспашки должны бытъ здѣсь погребены

въ эту эпоху, когда вся эта страна понималась водою. Такое событие должно совершиться въ продолженіе многихъ лѣтъ; ибо, на 17 фушовъ глубины отъ наспоющей почвы, находясь слой галекъ, кои, по видимому, округлены движеніемъ водъ, подобно рѣчнымъ галькамъ. (American Journal of Science).

Новый металлъ, подобный золоту.

Недавно въ Корсикѣ открыли новую руду, преизполненную золотистыми частицами. Изъ металла ея дѣлають сосуды, которые по цвѣту и красивости не уступаютъ золоченому серебру (Vermeil). Металлъ сей назвали *Кавзикоръ* (Causicorum). (Arch. des découvertes & des inven. nouveI. 1822).

Достопримѣгательный алмазъ.

Индійская Компанія прислала въ Англію алмазъ, который опнясь ею у начальника Маратовъ; онъ вѣситъ 358 грановъ. Послъ *Регента* (Régent) и алмаза, принадлежащаго Россійскому ИМПЕРАТОРУ, эшотъ есть наилучшій въ цѣлой Европѣ. (Revue Encyclopédique, Juin 1821).

О сжимаемости воды; опытъ Г на Перкинса.

Перкинсъ нашелъ средства къ опредѣленію сжимаемости воды, менѣе подверженныя ошибкамъ прошиву тѣхъ, кои доселѣ употреблялись.

Небольшой мепаллической цилиндръ, сплюснутый въ одной часпи своего пространства такъ, что можешь уступать расширенію, плотно запирается въ нижнемъ концѣ своемъ; въ верхнемъ же находится маленькое отверстіе, запираемое весьма чувствительнымъ клапаномъ, внутрь открывающимся. Сей инструментъ, называемый опъ авпора *Пиезометромъ* (Piezomètre), будучи совершенно наполненъ водою, коей бы вѣсъ опредѣленъ былъ съ точностію, ставится въ гидравлической прессѣ и подвергается давленію 326 атмосферы. Когда полномъ вынуть его изъ прессы и свѣсять, найдется, что онъ имѣеть приращеніе, опъ вшедшей внутрь инструмента воды до 3, 5 процентовъ; откуда авторъ заключаетъ, что сжимаемость, произходящая опъ давленія 100 атмосферы, должна быть около одного процента. Г. Рожетъ нашелъ вещеспвенную ошибку въ изчисленіяхъ Г. Перкинса, и узналъ, что истинная

сжимаемость была гораздо меньше: действительно считается онъ ее не больше $\frac{1}{212.56}$, или не сколько меньше половины процента. Это доказывается, говорилъ онъ, очевиднымъ образомъ, считая высоты модуля упругости воды; общая высота сего модуля 750,000 футовъ: по опытамъ Г. Перкинса, правильно вычисленнымъ, она была бы 743,260 футов., то есть, что разность не произошла бы $\frac{1}{5}$ всего, такое близкое сходство единственно благоприятствуетъ върности опытовъ Г. Перкинса. (Thomson's Annals, about 1821).

О новомъ средствѣ къ произведенію большаго искусственнаго холода.

Г. Маккулохъ узналъ, что можно произвести величайшій холодъ смѣсью льда и алкоголя, полученнаго изъ особенной водки (whisky); онъ положилъ въ сосудъ, содержащій часть сего алкоголя, немного лишь только упавшихъ градинъ (grêle), тотчасъ дно судна покрылось льдомъ, и въ термометрѣ, употребляемомъ при семъ для узнанія температуры, ртуть вся опустилась въ шарикъ. Потомъ, повторяя сей опытъ съ обыкновеннымъ алкоголемъ, получилъ онъ холодъ отъ 49 до 50° Фаренгейта. (Arch. des découvertes etc 1822).

Апирбъ, новая щелочь, открытая Г. Брунелли.

Авторъ узналъ одно важное вещество, которое прочія кислоты производятъ своимъ дѣйствиемъ на кислоту мочевокаменную (urique). Это есть новое соляное основаніе, съ коимъ крѣпкая сѣрная кислота образуетъ въ холодѣ неуправляемую соль бѣлаго цвѣта. Таковая соль не весьма растворима въ водѣ; основное углекислое кали производитъ въ растворѣ ея осадокъ въ видѣ клочковъ бѣлыхъ и легкихъ. Сіе осажденное вещество имѣетъ нѣчто особенное, какъ то: не смотря на свое органическое происхожденіе, оно посредствомъ огня не разрушается, проливаясь горѣнію, разложенію и улетучиванію. Оно сильно соединяется съ іодомъ и фосфоромъ, и въ сихъ соединеніяхъ огонь разрушилъ его не можетъ, развѣ шокмо, когда оно будетъ свободнымъ. Вещество сіе растворяемо, но малымъ количествомъ, въ водѣ и алкоголь. Единственное отличительное свойство сего шѣла состоитъ въ томъ, что кислотные растворы его осаждаются индиговосинимъ цвѣтомъ помощію синильнокислаго кали. Селишроекислой растворъ даетъ единственно зеленой осадокъ, могущій быть болѣе, или менѣе

желтымъ, смотря по той силѣ, съ какою селитреная кислота дѣйствовала на оное тѣло. Крѣпкая сѣрная кислота производитъ подобное дѣйствіе.

Авторъ называетъ сію новую щелочь *Амуръ* (Aure), по причинѣ ея неразрушимости въ огнѣ. (*Annales générales des Sciences Physiques, décembre 1821*).

Существованіе металлоида Силиція въ Дамасковой стали; статья Г. Эвермана, изъ С. Петербурга.

Если подвергнуть дѣйствию кислоты выполированную поверхность полоски Дамаска, то замѣнимъ, что на сей поверхности, которая иногда перьяетъ свою полишуру и становится разѣденною или ямистою, находясь возвышенныя, или выпуклыя мѣста, сохранившія весь ихъ блескъ, и на которыя кислота не имѣла никакого дѣйствія. Большая часть сихъ мѣстъ бываетъ округлена и даже мало разнѣшуваетъ отъ правильнаго круга; величина ихъ простирается отъ едва примѣтной почки до оной линіи и болѣе въ діаметрѣ. Части сіи, уважаемыя кислотами, имѣютъ весьма значительную твердость, ибо стираютъ даже наилучшія пилы. Отъ

много различествующъ съ самою спалью въ цвѣтахъ, принимаемыхъ ими въ послѣдовательныхъ степеняхъ накаливанія, ибо въ шемпературѣ, при коей спаль еще далека бываетъ отъ радужнаго цвѣта, выпуклыя почки уже принимаютъ прекрасный синій (сизый) и блескъ ихъ весьма превосходитъ пошъ, какой можетъ получать наилучшая спаль. Въ шемпературѣ, при коей спаль начинается сизый, упомянутыя почки принимаютъ изумруднозеленой отсвѣтъ (reflet); въ шемпературѣ же, гдѣ спаль вся посинѣетъ, или сдѣлается сизою, оныя принимаютъ золопожелтый цвѣтъ.

Точки сія имѣютъ способность поглощать свѣтъ и дѣлаются огненными (pyrophoriques); онѣ не измѣняютъ формы своей, какъ бы ни было велико усиліе плуценія, которому подвергается окружающая ихъ спаль.

Г. Шереръ, въ особенності занимавшійся изслѣдованіемъ сихъ чрезмѣрно твердыхъ и кислошамъ непркосновенныхъ часпей, признаетъ ихъ за металлъ голышевой земли, или металлоидъ *Силицій* (Silicium). (Annales générales des Sciences physiques, novembre 1821).

Разложеніе металлическихъ солей посредствомъ магнетизма.

Г. Джонъ Муррай предпринималъ многократныя и продолжительныя опыты, да-

бы увѣришься, что магнитъ, погруженный въ растворъ металлической соли, разлагаешь оную, подобно гальваническому столбцу. Растворъ ѣдкой сулемы ($\text{per} - \text{chlorure de mercure}$) освобождаетъ хлоръ и осаждаетъ чистую ртуть при одномъ полюско дѣйствіи магнита. Спальная проволока, въ обыкновенномъ своемъ союзи, будучи опущена въ растворъ селитрокислаго серебра, не произвела ничего замѣчательнаго, между тѣмъ какъ та же самая проволока, будучи *намагниченною*, мгновенно въ ономъ растворѣ покрывается кристаллами чистаго серебра. Вообще никакая соль, исключая тѣх, которыя имѣютъ щелочное, или землистое основаніе, не можетъ противустоять дѣйствию сильно на магнитенной полосѣ: при семъ всегда кислота отдѣляется при одномъ, а основаніе при другомъ полюскѣ. (Philosophical Magazine. T. LVIII).

(Продолженіе впереди).

ВАЖНЫЕ ФИЗИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ.

Г. Кампбель въ своихъ путешествіяхъ пишетъ слѣдующее:

„Я гдѣ-то чинчалъ или слышалъ, что если пусшую, крѣпко закупоренную бушылку опустить въ море на пятьдесятъ или шестидесять сажень глубины, то вода вдавитъ пробку въ бушылку и наполнитъ ее. Я говорилъ о томъ съ Капишаномъ, и мы сами сдѣлали подобной опытъ. Мы закупорили бушылку какъ нельзя крѣпче: пробка была шакъ велика, что, не смотря на всѣ усилія, шолько половину ея можно было вколотишь въ бушылку. Обвязавъ пробку ниткою, мы прикрѣдили ее и къ горлу бушылки, дабы воспрепятствовать пробкѣ войти въ нее и потомъ облили все смолою. Бушылка опущена была со свинцомъ въ воду. Когда она была около пятидесяти сажень глубины, Капишанъ началъ увѣрять, что она уже наполнилась водою. Ее вытащили и нашли въ самомъ дѣлѣ, что

пробка была вдавлена въ бутылку, въ которую послѣ того вошла и вода.

Такимъ же образомъ приготовили мы и другую бутылку съ шною только разностию, что у самаго опверснїя бутылки пропкнули сквозь пробку полстую иглу и потомъ по прежнему облили все смолою. Когда бутылка опять опустилась сажень на пятьдесятъ, Капитанъ вскричалъ, какъ и прежде, что онъ по внезапному увеличенію тяжести чувствовалъ, что бутылка уже наполнилась, и ее сей часъ выпацияли. Къ великому нашему удивленію мы нашли пробку и смолу неповрежденными и однакожь въ бутылкѣ была вода. Никто изъ насъ не могъ изъяснить, какимъ образомъ оно вошла туда. Сквозь пробку и смолу въ такое короткое время не могло проникнуть около кварты воды. Надобно было полагать, что она прошла туда въ скважины стекла. “

Г. Кампбель разпространяется о семъ предметѣ и опвѣчаетъ на многіе вопросы, которыя бы можно было сдѣлать объ этомъ опытѣ. Онъ увѣряетъ, что все было соблюдено съ величайшею точностию и что пробка и смола, которыми она была цокрыта, оспались совершенно въ томъ же состояніи, въ которомъ онъ были опущены въ воду: Капитанъ, одинъ путешественникъ Г. Бекъ и онъ

самъ изслѣдовали это съ возможною точностію. „Эта бушылка“ — продолжаетъ Г. Кампбелъ — „была сохранена мною въ томъ положеніи, какъ она вынута изъ воды, до самаго пріѣзда корабля въ Лондонскую гавань : къ сожалѣнію при выгрузкѣ я далъ нести ее одному корабельному прислужнику, который уронилъ и разшибъ ее. Опытъ былъ дѣланъ около 800 Англійскихъ миль къ воспоку опъ Марокко въ шихую погоду. Свинець и веревка, съ которыми опускали бушылку въ воду, были употребляемые обыкновенно для Sondирования; бушылка простая винная.

Капитанъ корабля Веперы, Г. Кильгуръ, былъ также внимателенъ при семъ опытѣ, какъ и я; мы такъ были увѣрены, что при ономъ соблюдена всевозможная точность, что не считали нужнымъ дѣлать прерій опытъ.“

Первый изъ сихъ опытовъ, гдѣ вода вдавливала пробку въ бушылку, былъ дѣлаемъ многими, и иностранные журналы сообщали намъ нѣсколько разъ описанія онаго. Впрочемъ нѣкоторые люди никакъ не хотѣли вѣрить; но онъ такъ любопытенъ, что заслуживаетъ быть повтореннымъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О НОВЫХЪ КНИГАХЪ.

1.

Въ прошедшемъ 1820 году объявлено было въ Вѣспникѣ Европы и Сынѣ Опечества о намѣреніи моемъ изданъ собраніе лучшихъ старинныхъ Рускихъ стихотвореній. Собраніе сіе приведено уже мною къ окончанію и въ непродолжительномъ времени будетъ напечатано подъ названіемъ: *Духъ Руской поэзіи, или собраніе старинныхъ Рускихъ стихотвореній, заслуживающихъ вниманіе или по содержанію, или по изложенію своему.* Оно собраніе соспоитъ изъ семи книжекъ или опдѣлений, сосставляющихъ двѣ часпи.

Часть первая

заключаетъ въ себѣ: пѣсни хороводныя, святошныя, свадебныя и заимствованныя предметъ свой изъ часпной или семейственной жизни.

Часть вторая

Спихошворенія Элегическія, Анакреоническія и Крапкія описанія и повѣспованія.

Изъ сего раздѣленія видно уже, что въ первой части собранія спарался я предспа-
вишь карпину нравовъ и обычаевъ предковъ
нашихъ, во вѣпорой показашь слѣды пиши-
ческаго ихъ генія и успѣховъ литерашуры
того времени. — Ко многимъ спихошворені-
ямъ сдѣланы мною примѣчанія; предъ каж-
дымъ опдѣленіемъ помѣщено крапкое рассу-
жденіе о спихошвореніяхъ въ ономъ заклю-
чающихся; а въ концѣ приложенъ словарь о-
собенныхъ словъ и выраженій, встрѣчаю-
щихся въ семь собраній, съ показаніемъ раз-
личнаго ихъ употребленія въ спаривныхъ
Рускихъ спихошвореніяхъ.

Желающіе подписашь на сіе изданіе мо-
гутъ получашь билеты: у Казанскаго моспа
въ книжно лавкѣ Слѣнина и у Синаго моспа
въ книжной лавкѣ Плавильщикова. Цѣна здѣсь
въ Петербургѣ за обѣ часпи 10 руб.; иного-
родные же прилагають вѣсовыхъ за два
фунта.

Прислушая къ изданію спаривныхъ Ру-
скихъ спихошвореній, счишаю обязанностію
принесши благодарность мою А. Х. Восто-
кову, А. Е. Измайлову, Г. И. Спаскому и А.

Н. Полевому, за доставленіе мнѣ нѣкопрыхъ спаривныхъ стихотвореній.

• *Князь Цертелевъ.*

2.

Спѣшимъ извѣстимъ нашихъ читательей о напечатаніи новаго произведенія въ стихахъ извѣстнаго поэта нашего А. С. Пушкина, подъ названіемъ: *Кавказскій Пльнникъ* — *стихотворная повѣств.* Говоримъ о ней криптически мы постараемся въ слѣдующей книжкѣ, имѣмъ болѣе, что она заслуживаетъ все вниманіе любителей поэзіи. Теперь можемъ только сказать, что прекрасное изданіе ея напечатано на лучшей бумагѣ и украшено портретомъ автора.

Продается на Невскомъ просп., въ домѣ, принадлежащемъ ИМПЕРАТОР. Публ. Библиотекѣ, въ кварширѣ Николая Ив. Гнѣдича. Цѣна на любск. 5, на вел. 7 р. Тамъ же можно покупать Поэму Лорда Байрона, Шильонскій Узникъ, перев. въ стихахъ В. Жуковскаго, при коей находится изображеніе Шильонскаго замка и шюрьмы, рисов. съ напуры самимъ переводчикомъ. Цѣна 3 рбу.

Иногородные, относясь на имя Коллеж. Совѣш. Никол. Ив. Гнѣдича, получаютъ безъ платы за пересылку.

ИМЯНА МЪСТЪ И ОСОБЪ,
подписавшихся на полученіе сего
журнала 1822 года.

(Продолженіе.)

Въ Астрахани.

Губернская Гимназія.

Его Благородіе Никиша Ивановичь Юноша.

1 Гильдіи купецъ Алексѣй Пепровичь Сапожниковъ.

2 Гильдіи купецъ Максимъ Даниловичь Смирновъ.

2 Гильдіи купецъ Николай Пепровичь Солодовниковъ.

3 Гильдіи купецъ Степанъ Федоровичь Сапожниковъ.

Въ Балахнѣ.

Его Благородіе Николай Францовичь Массарій.

Въ Богуславлѣ.

Его Высокоблагородіе Василій Андреевичь Пропоповъ.

Въ Богуславскѣ.

Повѣшовой Маршаль... Ячевской.

Въ Василковѣ.

Бывшій Повѣшовой Маршаль... Руликовской.

Въ Вологдѣ.

Ихъ Высокоблагородіа:

Александръ Ильичъ Егоровъ.

Дмишрій Михайловичъ Макшеевъ.

Въ Волчанскѣ.

Предводителъ Дворянства Роммиспръ Андрей Яковлевичъ Донецъ-Захаржевской.

Въ Воронежѣ.

Его Преосвященство Элифаній Епископъ Воронежскій и Черкасскій.

Въ Георгіевскѣ.

Его Высокоблагородіе Элпидофоръ Пешровичъ Манассеинъ.

Въ Гродно.

Командиръ Липовскаго пѣхотнаго полка Полковникъ Никишинъ.

24-ой Артиллерійской бригады Полковникъ Дриль.

Управляющій Гродненскою таможеню Баронъ Шанцебахъ, на первую половину года.

Смотритель судоходства Типулярный Совѣтникъ Бѣлозерскій, на первую половину года.

Отдѣльнаго корпуса внутренней стражи 12
округа Командиръ 2 бригады, *на первую*
половину года.

Въ Данковѣ.

Его Высокоблагородіе Пешръ Машвъевичъ Муромцовъ.

Въ Екатеринбургѣ.

Его Благородіе Францъ Ивановичъ Германъ.
Григорій Федоровичъ Зошовъ, 2 экзempl.

Купецъ Александръ Григорьевичъ Зошовъ.

Въ Екатеринодарѣ.

Войсковые Полковники :

Иванъ Никифоровичъ Миленкой.

Иванъ Федоровичъ Голубъ.

Михайло Ивановичъ Ляхъ.

Степанъ Максимовичъ Кобенякъ вмѣстѣ съ
Полковымъ Эсауломъ Самсономъ Степа-
новичемъ Кобенякомъ

Полковые Эсаулы:

Степанъ Васильевичъ Золопаревской вмѣстѣ
съ Зошомъ Васильевичемъ Мельниковымъ.

Никита Яковлевичъ Долинской.

Солжикъ Григорій Федоровичъ Крижановской.

Хорунжій Аванасій Моисеевичъ Тараненка.

Его Высокоблагородіе Данило Семеновичъ Ма-
зуренка, *на первую половину года.*

Иванъ Львовичъ Козминъ.

Сильвестръ Михайловичъ Спорожевъ.

Въ Елатль.

Предводитель Дворянства Чихачевъ, 3 экзем.

Въ Зарайскъ.

Его Высокоблагородіе Александръ Васильевичъ Кузминъ.

Въ Звенигородѣ.

Ихъ Высокоблагородія:

Иванъ Григорьевичъ Морозовъ.

Тимоей Ивановичъ Суходубской.

Повѣшовой Хорунжій Куколь . . . Яснопольской.

На Златоустовскоиъ заводѣ.

Главная Контора Златоустовскихъ заводовъ.

Его Высокоблагородіе Михайло Ивановичъ Клейнеръ.

Въ Ишимъ.

Его Высокоблагородіе Добриловской.

Въ Казани.

Его Благородіе Александръ Капионовичъ Кичигинъ.

Въ Кизлярѣ.

Ихъ Благородія:

Каспаръ Мелькомовичъ Ломизе.

Власъ Адамовичъ Ходжаевъ.

Сергѣй Ивановичъ Ерусалимской.

Въ Козмодемьянскѣ.

Его Благородіе Косолаповъ.

Въ Кузнецкѣ.

Его Благородіе Григорій Федоровичъ Ивановъ.

Въ Курганѣ.

Городничій Степановъ.

Въ Лашевѣ.

Его Благородіе Александръ Васильевичъ Погдинъ.

На Леденскомъ Соловаренномъ Заводѣ.

Его Высокоблагородіе Павелъ Михайловичъ Ивановъ.

Въ Махноскѣ.

Повѣповый Маршалъ Бурчакъ Абрамовичъ.

Въ Моршанскѣ.

Уѣздное училище.

Въ Москвѣ.

Его Сіятельство Князь Пешрь Кропоскинъ.

Университетская книжная лавка.

Въ Муромѣ.

Абрамъ Ивановичъ Сорокинъ.

Въ Нертинскѣ.

Его Высокоблагородіе Элинъ.

Въ Нижнемъ Новгородѣ.

Его Превосходительство Александръ Семеновичъ Крюковъ.

Въ Николаевѣ.

Чорноморское Депо-кариль.

Въ Новомиргородѣ.

Его Превосходительство Алексѣй Пепровичъ
Орловъ.

Въ Новотеркаскѣ.

Ихъ Превосходительство:

Якимъ Якимовичъ Карповъ.

Николай Васильевичъ Иловайской.

Дмипрій Еѳимовичъ Кушейниковъ.

Степанъ Евдокимовичъ Грековъ.

Осипъ Васильевичъ Иловайской.

Иванъ Андреяновичъ Андреяновъ.

Пепръ Михайловичъ Гордеевъ.

Степанъ Ивановичъ Паншелеевъ.

Ихъ Высокоблагородія:

Иванъ Ивановичъ Исаевъ.

Александръ Николаевичъ Рубашкинъ.

Алексѣй Андреевичъ Маршвиновъ.

Николай Семеновичъ Сулинъ.

Карпъ Ивановичъ Шамшевъ.

Степанъ Федоровичъ Тацынъ.

Паншелеймонъ Антоновичъ Немикосовъ.

Семень Дмипріевичъ Табуницковъ.

Алексѣй Емельяновичъ Цоповъ.

Никиша Андреевичъ Сидоровъ.

Александръ Семеновичъ Курнаковъ.

Александръ Матвѣевичъ Грековъ.

Пепръ Якимовичъ Карповъ.

Григорій Игнашевичъ Ушкинъ.

Степанъ Яковлевичъ Чебошаревъ.

Михайло Андреевичъ Амвросимовъ.
 Филипъ Пепровичъ Тарасовъ.
 Иванъ Андреевичъ Пименовъ.
 Николай Филиповичъ Максимовъ.
 Степанъ Андреевичъ Каршинъ.
 Ефимъ Мироновичъ Ежовъ.
 Иванъ Филиповичъ Денисовъ.
 Сергій Якимовичъ Бѣлогородцевъ.
 Тимошей Васильевичъ Ребриковъ.
 Левъ Тихоновичъ Денисовъ.
 Машвѣй Семеновичъ Курнаковъ.
 Пепръ Яковлевичъ Желпоножкинъ.
 Якимъ Васильевичъ Машлыкинъ.
 Зиновій Андреевичъ Аврамовъ.
 Иванъ Михайловичъ Солдашовъ.
 Иванъ Григорьевичъ Казимировъ.
 Григорій Ильичъ Чернозубовъ.
 Яковъ Родіоновичъ Наумовъ.
 Пепръ Федоровичъ Малчевской.
 Андрей Степановичъ Персіяниновъ.

Ихъ Благородія:

Давыдъ Ивановичъ Михельсонъ.
 Андрей Леонпьевичъ Леоновъ.
 Иванъ Ивановичъ Сербиновъ.
 . . . Николай Федотовичъ Козловъ.

Изъ Торговаго Сословія:

Гаврило Денисовичъ Голубинцовъ.
 Пепръ Денисовичъ Денисовъ.
 Прокофій Андреевичъ Карпушинъ.
 Иванъ Родіоновичъ Болдыревъ.

**Чрезъ Новотеркаскѣ въ разныхъ Станицахъ
и Сыскныхъ Нагальствахъ.**

Въ Каменской Ст.

Ихъ Высокоблагородія:

Михайло Алексѣевичъ Власовъ.

Спешанъ Спешановичъ Грековъ.

Николай Ивановичъ Кумшацковъ.

Въ Усте-медвѣдицкой Ст.

**Его Высокоблагородіе Прокофій Спешановичъ
Вершининъ.**

Въ Миускомъ Сыск. Наг.

**Его Превосходительства Иванъ Дмипріевичъ
Иловайской.**

Ихъ Высокоблагородія:

Аванасій Ивановичъ Золошаревъ,

Александръ . . . Чикалевъ.

Левъ Яковлевичъ Лукьяновъ.

Михайло Ивановичъ Кошкинъ.

Во Второмъ Донскомъ Сыск. Наг.

**Его Превосходительства Логинъ Карповичъ
Денисовъ.**

Ихъ Высокоблагородія:

Николай Григорьевичъ Мельниковъ.

Иванъ Ивановичъ Андреяновъ.

Герасимъ Федоровичъ Чернозубовъ.

Въ Усте-медвѣдицкомъ Сыск. Наг.

**Войсковой. Сшаршина Кирилъ Семеновичъ
Барламовъ.**

Въ Первомъ Донскомъ Свиск. Нат.

Полковникъ Тимоѳей Сергѣевичъ Ильинъ.

Въ Хоперскомъ Свиск. Нат.

Маіоръ Кондрашій Григорьевичъ Мелеховъ.

Въ Черкасскомъ Свиск. Нат.

Войсковые Старшины:

Пепръ Егоровичъ Ханжонковъ.

Ивлъ Герасимовичъ Сипучевской.

Въ Донецкомъ Свиск. Нат.

Ихъ Высокоблагородія:

Иванъ Пашпелевичъ Сысоевъ.

Алексѣй Васильевичъ Мащлыкинъ.

Въ Одессѣ.

Воспитанникъ Ришельёвскаго Лицея Егоръ
... Морозовъ.

Въ Переславѣ.

Предводителъ Дворянства Дмитрій . . . Кар-
довскій.

Въ Раненбурѣ.

Его Сіяшество Князь Степанъ Степане-
вичъ Боряпинской.

Ихъ Высокоблагородія:

Николай Игнатьевичъ Полибинъ.

Тимоѳей . . . Куровъ.

Сергѣй . . . Карѣвъ.

Въ Родомислѣ

Повѣшовой Маршалъ Дворянства
Глембоцкой.

Въ Роинѣ.

Повѣшовой Маршалъ

Въ Санктпетербургѣ.

Ихъ Благородія:

Павель Степановичъ Знаменскій.

Иванъ Васильевичъ Вепрейскій, на первую по-
ловину года.*Въ Сапожкѣ.*Его Высокоблагородіе Николай Александро-
вичъ Спурмъ.

Его Благородіе Иванъ Евсевьевичъ Можаровъ.

Въ Свиркѣ.

Повѣшовой Маршалъ Моржковскій.

Въ Талбовѣ.

Его Благородіе Павель Филиповичъ Копыской.

Въ Таращанскѣ.

Помѣщикъ Степанъ . . . Яспрембской.

*Въ Твери.*Его Превосходительство Алексѣй Марковичъ
Полшарацкой.*Въ Тобольскѣ.*

Его Высокоблагородіе Шевелевъ.

Въ Тюмени.

Градской Глава Барашковъ.

Въ Улитѣ.

Его Благородіе Петръ . . . Любимовъ.

Въ Уфѣ.

Ихъ Высокоблагородія:

Михайло Николаевичъ Сушковъ.

Тихонъ Ивановичъ Сысоевъ.

Пепръ Степановичъ Евшюгинъ.

Ихъ Благородіа:

Иванъ Федоровичъ Базилевской.

Алексѣй Васильевичъ Головкинской.

Въ Царевкококшайскѣ.

Мѣщанинъ Михайло Пепровичъ Гущинъ.

Въ Чигиринѣ.

Его Высокоблагородіе Василій Львовичъ Давыдовъ.

Въ Шацкѣ.

Предводитишель Дворянсшва Звѣгинцевъ.

Въ Шлисселебургѣ.

Ея Высокоблагородіе Варвара Аршамоновна Каршмазова.

Въ Шуѣ.

Предводитишель Дворянсшва Викторъ . . . Шимановскій.

Въ Ялуторовскѣ.

Его Благородіе Кириловъ.

(Окончаніе впереди).

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

I. НАУКИ.

ИСТОРІЯ.

	Стран.
1. О гражданствѣ древнихъ Славянъ -	3.
2. О Свадебномъ Рускомъ обрядѣ -	113.
3. Нѣсколько словъ о Кишайцахъ -	131.
4. Опрывокъ изъ Турецкой исторіи XVI стол. - - - - -	142.
5. Годфредъ Бульонскій - - - - -	233.
6. Саладинъ - - - - -	254.

II. КРИТИКА.

1. Антологическія стихотворенія: Муза и къ Уединенной красавицѣ - -	17.
2. Шильонскій Узникъ, поэма Лорда Байрона, переведенная съ Англійска- го В. Жуковскимъ - - - - -	209.

III. ЛИТЕРАТУРА.

А. П Р О З А.

1. Опрывокъ изъ рѣчи о прекрасномъ въ нравахъ, говоренной Профессо- ромъ Андре въ Академическомъ со- браніи - - - - -	35.
2. Устье Босфора - - - - -	39.
3. О любви къ славі. (Изъ Вейса) -	157.

	Стран.
4. О гробницахъ въ подземельяхъ Фивскихъ - - - - -	163.
5. Змья Анаконда - - - - -	182.
6. Приѣмъ и угощеніе Европейскихъ путешественниковъ у Турецкаго Намѣстника въ Дамангуръ, въ Египтѣ (Изъ записокъ одного путешественника) - - - - -	276.
7. О памяти. (Изъ Сегюра) - - - - -	296.

Б. СТИХОТВОРЕНІЯ.

1. Исканіе Бога - - - - -	74.
2. Паденіе Вавилона - - - - -	76.
3. Святославъ. <i>Душа</i> - - - - -	79.
4. Бедринское озеро - - - - -	84.
5. Осенняя грусть - - - - -	91.
6. Свѣщаяйся червякъ. <i>Басня</i> - - - - -	93.
7. Эрминія. (Отрывокъ изъ VII пѣсни освобожденнаго Іерусалима) - - - - -	195.
8. Къ Мечшамъ - - - - -	209.
9. Подражаніе псалму 31 - - - - -	312.
10. Глинскій. <i>Душа</i> - - - - -	314.

IV. С М Ъ С Ъ.

1. Литературныя извѣстія - - - - -	315.
2. Лѣтописи Общества - - - - -	322.
3. Записка о найденныхъ въ землѣ 6 Юнѣ 1822 года золотыхъ вещахъ въ Рязанской Губерніи - - - - -	322.
О нѣкоторыхъ открытіяхъ въ наукахъ, искусствахъ и мануфактурахъ въ прошломъ 1821 году. (Продолженіе)	326.
5. Важные физическіе опыты - - - - -	334.
6. Объявленіе о новыхъ книгахъ - - - - -	337.
7. Имена мѣстъ и особъ, подписавшихся на полученіе сего журнала - - - - -	340.

